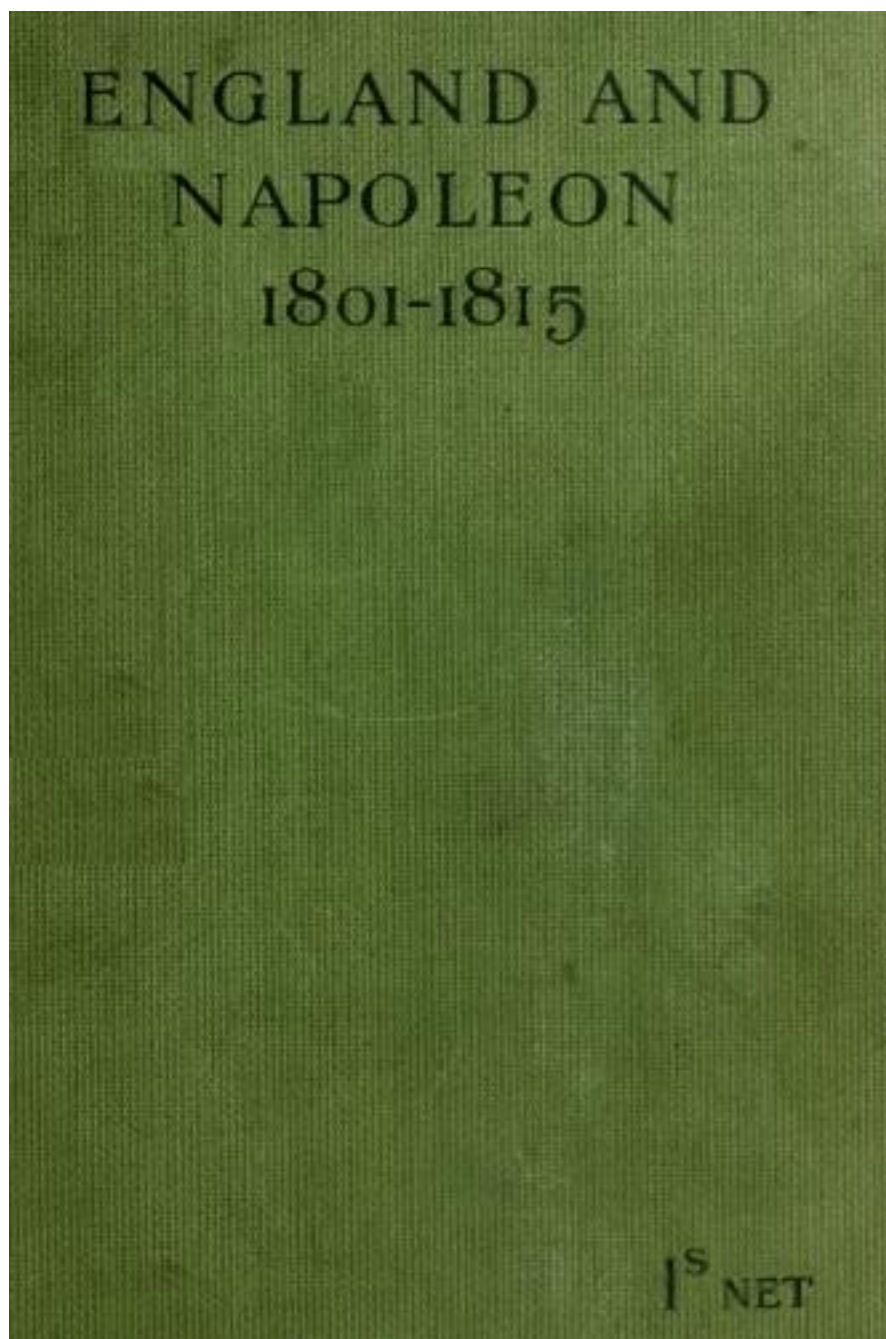

Англия и Наполеон (1801-1815)

С. Э. Винболт

Электронная книга проекта Гутенберга об Англии и Наполеоне (1801-1815)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Англия и наполеон (1801-1815)

Составитель: С. Э. Винболт

Редактор: Кеннет Белл

С. Э. Уинболт

Дата выхода: 6 июля 2016 г. [Электронная книга № 52514]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Чаком Грейфом и командой корректоров, распространяемой онлайн по адресу: <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, доступных в интернет-архиве)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "АНГЛИЯ И НАПОЛЕОН" (1801-1815)

СПРАВОЧНИКИ БЕЛЛА По АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Главные редакторы: С. Э. Уинболт, магистр медицины, и Кеннет Белл, магистр МЕДИЦИНЫ

АНГЛИЯ И НАПОЛЕОН

СПРАВОЧНИКИ БЕЛЛА По АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Объем серии и расположение томов.

1. Римская Британия до 449 года.
2. 449-1066.
3. 1066-1154.
4. 1154-1216.
5. 1216-1307.

6. 1307-1399.
7. 1399-1485.
8. 1485-1547. *Немедленно.*
9. 1547-1603. *Теперь готово.*
10. 1603-1660. “
11. 1660-1714. “
12. 1714-1760. “
13. 1760-1801. “
14. 1801-1815. *Немедленно.*
15. 1815-1837гг.
16. 1837-1856.
17. 1856-1876.
18. 1876-1887.
19. 1887-1901.
20. 1901-1912.

Тома выпущены в едином стиле.

Цена 1 шилл. нетто за каждый.

АНГЛИЯ И НАПОЛЕОН

(1801-1815),

СОСТАВЛЕННЫЙ С. Э. УИНБОЛТОМ, магистром медицины

ЛОНДОНА
Г. BELL & SONS, LTD.
1912

Введение

Эта серия учебников по истории английского языка предназначена для использования с любым обычным учебником истории английского языка. Опыт убедительно показал, что такой аппарат является ценным — более того, незаменимым — дополнением к уроку истории. Он может быть использован в двух основных целях: либо в качестве живой иллюстрации в конце урока, либо в качестве вывода перед чтением учебника в начале урока. Типов задач и упражнений, которые могут быть основаны на документах, множество, и они превосходно проиллюстрированы в *Истории Англии для школ*, Часть I., Китиндж и Фрейзер, стр. 377-381. Однако у нас нет желания предписывать учителю, каким образом он должен заниматься своим ремеслом, а просто предоставить ему и его ученикам материалы, до сих пор недоступные для школьных целей. Очень умеренная цена книг этой серии должна сделать их доступными для каждой средней школы. Учебные пособия позволяют ученику принимать более активное участие в уроке истории, чем до сих пор. Вот аппарат, исходный материал: его использование мы оставляем на усмотрение учителя и обучаемых.

Мы считаем, что эти книги могут быть с пользой использованы студентами-историками всех классов, начиная с мальчиков четвертого класса средних школ и заканчивая студентами старших курсов университетов. Что отличает студентов, придерживающихся одной крайности, от студентов, придерживающихся другой, - это не столько вид изучаемого предмета, сколько то количество, которое они могут вчитаться в него или извлечь из него.

Что касается выбора темы, то, пытаясь удовлетворить естественный спрос на определенные “стандартные” документы, имеющие жизненно важное значение, мы надеемся представить много нового. Наше намерение состоит в том, чтобы большинство выдержек были живыми по стилю — то есть личными, или описательными, или риторическими, или даже сугубо пристрастными - и не столько претендовали на то, чтобы излагать правду, сколько предоставляли данные для выводов. Мы стремимся к максимально возможному разнообразию и размещаем под публикациями письма, биографии, баллады и стихотворения, дневники, дебаты и газетные репортажи. На этих страницах представлены экономика, Лондон, муниципальная и общественная жизнь в целом, а также местная история.

Порядок расположения выдержек строго хронологический, каждая из них пронумерована, озаглавлена и датирована, а также дана ее авторитетность. Текст, при необходимости, модернизирован настолько, чтобы не создавать трудностей при чтении.

Мы будем очень благодарны преподавателям и студентам, которые могут присылать нам предложения по улучшению.

С. Э. УИНБОЛТ.
КЕННЕТ БЕЛЛ.

ПРИМЕЧАНИЕ К ЭТОМУ ТОМУ

Из оглавления будет очевидно, что, хотя для этого периода имеется большое количество иллюстративного материала, я предпочел в основном использовать *Дневник и переписку Чарльза Эббота, лорда Колчестера*, опубликованные в трех томах в 1861 году, и *Депеши*

герцога Веллингтона, составленные подполковником Гурвудом. Последнее является очень удобным выбором. Название книги оправдано тем фактом, что примерно восемнадцать из сорока восьми произведений имеют более или менее прямое отношение к борьбе Англии с Наполеоном.

S. E. W.

Приют Христа,
октябрь 1912 г..

Содержание

ДАТА	ЗАГЛАВИЯ	СТРАНИЦА
Введения		v
1801 года. Битва на Балтике	с Кэмпбеллом	1
1801 года. Государство Ирландия	“Дневник лорда Колчестера”	3
1801 года. Гольф и футбольный	матч	8
1802 года. Партийные речи Шеридана и Каннинга	Стэнхоуп	9
1803-1815 гг. Типичные суда Королевского военно-морского флота	Clowes	13
1803 года. Желание Питта вернуться в офис	Стэнхоупа	15
1803 года. Консервирование в Аддингтоне	Стэнхоупе	17
1803 года. Заметки Питта о войне, Германии и Наполеоне	Стэнхоупе	18
1803 года. Канонерские лодки для обороны	“Дневники Джорджа Роуза”	20
1804 года. Бедняки в промышленных городах	“Журнал для джентльменов”	21
1804 года. Пшеница, мука и хлеб	“Журнал для джентльменов”	24
1805 года. Англия и Средиземноморье (I.)	Pitt	25
Англия и Средиземноморье (II.)	Нельсон	26
1805. Удар, убивший Питта (I.)	Pitt	27
Удар, убивший Питта (II.)	Каннинг	28
1805 года. Рутин британского военного корабля	Clowes	29
1805 года. План Нельсона при Трафальгаре	Клоуз	32
1805 года. Трафальгар	Саути	34
года 1806 года. Младший Питт	Скотт	43

, 1806 год. Министерство всех талантов	<i>графа Малмсбери</i>	44
1806 года. Военные планы	<i>лорда Колчестера</i>	46
1807 года. Католическая эмансипация (I.)	<i>Лорд Колчестер</i>	47
Католическая Эмансипация (II.)	<i>Малмсбери</i>	50
1807. Политика партии	<i>Ли Ханта</i>	52
1807 года. Берлинские декреты	<i>Колчестерские</i>	53
1809 года. Корунна (I.)	<i>Колчестер</i>	55
Корунна (II.)	<i>Чарльз Вулф</i>	55
1809. Государственная экономика	<i>“Дневники Джорджа Роуза”</i>	57
1809. Отставка Портленда	<i>Колчестера</i>	58
1809 года. Дуэль Каннинга и Каслри в	<i>Колчестере</i>	59
1806-1809 годах. Военные расходы	<i>Колчестера</i>	60
1809 года. Талавера: Протест лордов	<i>Протесты лордов</i>	61
1810 года. Экспедиция Вальхерена в	<i>Колчестере</i>	62
1810 год. Трудности Веллингтона в Испании	<i>Депеши Веллингтона</i>	65
1811 года. Регентство	<i>в Колчестере</i>	71
1811 год. Праздник в Карлтон-Хаусе	<i>в Колчестере</i>	73
1812 год. Ткацкие станки	<i>Письма Байрона</i>	76
1812 года. Бадахос	<i>Депеши Веллингтона</i>	79
1812 года. Убийство Персиваля	<i>в Колчестере</i>	84
1812 год. Последние высказывания Шеридана в Доме	<i>Мура</i>	85
1813 года. Военная служба сэра Стэплтона Коттона в	<i>Колчестере</i>	86
1813 г. Депеши Виттории	<i>Веллингтон</i>	87
1814 года. Передача Наполеону	<i>писем Байрона</i>	95
1814 года. Взятие Тулузы	<i>Депеши Веллингтона</i>	96
1814 года. Благодарность герцога Веллингтона от	<i>Колчестера</i>	102
1814 года. Переговоры Бонапарта с	<i>Саути</i>	105
1815 года. Интервью с Наполеоном на Эльбе	<i>Вивиан</i>	109
1815 года. Ватерлоо	<i>Депеши Веллингтона</i>	112

АНГЛИЯ И НАПОЛЕОН

1801-1815

БИТВА На БАЛТИКЕ (1801).

Источник. Томас Кэмпбелл: *Историческая лирика и баллады*. Стр. 93.
Я.

О Нельсоне и Севере
Воспевают славу славного дня,
Когда на жестокую битву вышла
Вся мощь датской короны,
И ее оружие вдоль бездны гордо сияло;
У каждого орудия зажженное клеймо,
В смелой решительной руке,
И принц всей страны
Вел их вперед.

II.

Как левиафаны на плаву,
Положили свои бастионы на морскую гладь;
В то время как знак битвы развевался
Над величественной британской линией:
Это было десять апрельских утра под бой курантов:
Пока они плыли по своему пути,
Воцарилась тишина, глубокая, как смерть;
И самый смелый на время затаил дыхание
.

III.

Но мощь Англии вспыхнула,
предвосхищая эту сцену;
И ее фургон "флитер" промчался
Через смертельно опасное пространство между ними.
“Дубовые сердца!” - кричали наши капитаны, когда каждое орудие
Из своих несокрушимых уст
Отбрасывало на корабли смертельную тень,
подобную ураганному затмению
солнца.

IV.

Еще! еще! еще!
И хаос не ослабевал,
Пока слабое приветствие датчанина
На наши приветствия не отправило нас обратно; —
Их выстрелы вдоль глубокого моря медленно гремят:
Затем замолкают — и все стихает,
Когда они ударяют в разорванный парус;
Или в пожаре бледнеет,
освещая мрак.

V.

Тогда заговорил победитель,
Приветствуя их на волне:
“Вы братья! вы мужчины!
И мы побеждаем, но для того, чтобы спасти!
Так что давай принесем мир вместо смерти;
Но сдайся, гордый враг, своему флоту
С экипажами, к ногам Англии,
И подчинись
нашему королю”.

VI.

Затем Дания благословила нашего вождя,
Что он успокоил ее раны;
И звуки радости и горя
От ее народа дико усилились,
Когда смерть убрала свои тени с дня:
В то время как солнце ярко улыбалось
Над широким и печальным зрелищем,
Где погасли огни погребального света
.

VII.

Ныне, радость, Старая Англия, восстань
Ради вести о твоём могуществе,
В сиянии праздничных городов,
Пока кубок с вином сияет в свете;
И все же среди этой радости и шума,
Давайте подумаем о тех, кто спит
На глубине многих морских саженей

На твоём диком и штормовом обрыве,
Эльсинор!

VIII.

Храбрые сердца! за гордость Британии,
Когда-то такую верную,
На палубе славы, которая погибла
Вместе с доблестным Риу!
Тихо вздыхают небесные ветры над их могилой!
Пока катится скорбная волна
И звучит песня русалки,
Поющей славу душам
храбрецов!

ИРЛАНДИЯ В 1801 году.

Источник.—Дневник лорда Колчестера, 1861. Том i., стр. 286.

Протоколы судебных заседаний в Ирландии с июля по декабрь 1801 года; и Общие сведения об ирландских делах за 1802 год, доложенные и зачитанные мистеру Аддингтону в феврале 1802 года.

Ирландские дела, январь 1802г.

I. Их нынешнее состояние, включая подробный отчет о государственных операциях там за последние шесть месяцев.

II. Обзор государственных дел Ирландии за 1802 год.

I. ПРАВИТЕЛЬСТВО.

1. *Лорд-лейтенант.*—Неурегулированные полномочия; вопрос о том, будет ли лорд-лейтенант из Англии осуществлять защиту и патронаж короны в подчинении королевских министров — или правительство, созданное лордами—судьями для себя и тиранизирующее своих соотечественников, - или пытаться полностью управлять Ирландией с помощью государственного секретаря в Уайтхолле.

Примечание.— Лорду Хардвику не было направлено никакого сообщения в ответ на документ, переданный им лорду Пелхэму, содержащий замечания по предложению лорда Пелхэма.

2. *Главный секретарь.*—Неурегулированное вознаграждение офиса в Ирландии.
Неурегулированный статус ирландского офиса в Лондоне.

Запрос. — Отменить его создание как офиса, аккредитованного при государственном секретаре Министерства внутренних дел; и как ранее использовавшегося для получения гражданских патентов и военных комиссий вместо старого офиса постоянного секретаря (Фримантл и Дженкинсон). И передать полномочия и гонорары за ведение бизнеса канцелярии государственного секретаря; не оставляя Главному секретарю никакого учреждения в Лондоне

для ведения своих дел, за исключением той помощи, которую он может получить лично для себя из Дублинского замка, и т.д.

Примечание.—Заработная плата и гонорары этого Ведомства в Учреждениях мира, а именно. около 5000 *фунтов стерлингов* Британцев, не более чем достаточно для покрытия необходимых расходов на управление, проводимое с соблюдением экономии; наличие домов и прислуги в каждой стране; и переезд семьи два раза в год через Ла-Манш.

3. *Личный секретарь*.—Отсутствие средств к существованию в настоящее время и определенного обеспечения в будущем.

4. *Лорд-канцлер (лорд Клэр)*.—Враждебно настроенный к любому правительству лорд-лейтенант. Желает сам стать лордом-заместителем или возглавить коллегия лордов-судей; и чтобы мистер Кук был государственным секретарем при нем.

5. *Командующий войсками*. Сэр У. Медоуз, сердечно сотрудничающий с лордом—лейтенантом.

6. *Королевское здание и т.д.*— В замке библиотека для печатных книг по ирландским делам. Также отданы распоряжения о приведении в порядок государственных бумаг и т. Д. В Бирмингемской башне. Заказаны планы и сметы на перестройку замковой часовни и приспособление ее для церковного хора.

Здание парламента.— Предложение, переданное министрам короля о продаже его Национальному банку Ирландии или передаче его государственным учреждениям.

Парк Феникс.— Стены и дороги предписано отремонтировать; права сотрудников парка установлены; посягательства пресечены.

7. *Профсоюзные мероприятия*.—Многие ликвидированы. Ни одна вакантная должность не была передана без рассмотрения того, к какому обещанию она могла бы быть приложена.

II. ФИНАНСЫ.

1. Казначейские отчеты о годовых доходах и расходах Ирландии, составленные по аналогии с британской серией государственных счетов и адаптированные к тем же годовым и квартальным периодам.

2. *Налоговые комиссии*.— Проверка ее прошлого состояния путем личной беседы с каждым из четырех старших экзаменаторов; все они согласились с тем, что она была коррумпированной и неэффективной; подтверждается также списками обвиняемых и защищаемых должностных лиц; подтверждается также отчетами мистера Бересфорда в 1792 году; и исполняющего обязанности генерального инспектора мистера Кука в 1800 году.

Разделение Совета на таможенный и акцизный, как это было запланировано в администрации лорда Таунсенда и лорда Бекингема, и осуществляется в настоящее время способом, предписанным г-ном Бересфордом, в письме, написанном им самим по предыдущему поводу; копия которого была доставлена мне г-ном Б. с рекомендацией принять ее для этой цели в настоящее время.

Набережная Дублина Регулируется. Табачные лавки, записки на воротах и т. Д., По рекомендации Правления, а также по предложению и отчету мистера Крокера, который был

назначен исполняющим обязанности генерального инспектора порта с совместного одобрения мистера Бересфорда и мистера Эннесли и назначен в должность генерального инспектора лордом Хардвиком.

Вступили в силу правила, запрещающие всем налоговым инспекторам быть трейдерами.

Рассмотрен вопрос о пересмотре и дополнении законов о винокурнях. По всей Ирландии Генеральный инспектор распорядился ежеквартально отчитываться о результатах своих фактических обследований.

Примечание. Таможенные пошлины Дублина составляют половину, а Дублинские акцизы — четверть всей Ирландии.

В Дублине установлен режим передачи счетов Коллекционерам с большей оперативностью и (как в Англии) без их личного присутствия.

Вызваны крейсера; заказана инспекция ремонта и отчет о будущем пополнении личного состава для установления Мира.

Дополнительные должностные лица, назначенные не по протекции, а по специальным докладам Правления и по соображениям личных заслуг, а именно. два генеральных инспектора, один генеральный инспектор и еще один инспектор, а также два сухопутных офицанта в Дублинском порту.

Подготовлен к рассмотрению Общий план по предотвращению контрабанды и незаконных винокурен.

Коммерческие правила между Великобританией и Ирландией рассмотрены Налоговыми комиссарами и доведены до их сведения.

3. Аудиторы государственных счетов.—Их счета, составленные по британскому плану и доведенные до 5 января 1802 года, показывают фактические суммы долгов, причитающихся от государственных бухгалтеров.

4. Марки.— После предыдущего расследования, проведенного Казначейством, и неоднократных личных встреч с Комиссарами.

Учреждение построено по британскому образцу, и сообщите о здании, приобретенном для использования этого офиса до Восстания.

Поставки дистрибьюторам и присвоение их квитанций по новому образцу.

Привлечены долги умерших и уволенных дистрибьюторов; привлечены ценные бумаги дистрибьюторов.

Генеральным инспекторам приказано провести обследование по всей Ирландии и составлять ежеквартальные отчеты; и добавлены два новых инспектора с более низкими окладами с перспективой перехода на более высокие, если того заслужат.

Подготовлен пересмотр и поправки к Законам о гербах.

Примечание. Прошлым летом в графствах Уиклоу и Уэксфорд несколько мировых судей отказались вынести обвинительный приговор за уклонение от уплаты гербового сбора.

5. *Земли короны*.—Отчет об их состоянии, масштабах и стоимости приказано составить в тридцати двух книгах для тридцати двух округов.

6. *Рабочий совет*.—Присвоение выпусков в период с мая 1801 года по август 1801 года, а именно 20 000 *фунтов стерлингов* был запрошен, но не было представлено отчета о времени или месте, о поставленных предметах или проделанной работе, а также о появлении какого-либо чека; запрос направлен на установление эффективной системы проверок на будущее; составлен отчет и изданы инструкции, которые вступят в силу в перспективе с 5 января 1802 года.

NB — Контролером счетов (который контролировал Казарменные счета) и двумя тайными советниками.

Все старые счета приказано сбалансировать и закрыть до 5 января 1802 года, когда долг, заявленный в ноябре в размере 11 000 *фунтов стерлингов*, в январе был объявлен долгом в 37 000 *фунтов стерлингов*; хотя за этот промежуток времени не было заказано и не выполнено никаких новых работ. И оказалось также, что с торговцами не были рассчитаны окончательные счета за [1] годы. Сколько лет?

Примечание. В течение периода, в течение которого был образован этот долг, Правлению ежегодно выдавалось от 25 000*л.* до 32 000*л.* в год. Не было возведено ни одного нового здания, за исключением одного дома стоимостью 3000 *фунтов стерлингов*. Замок или общественные апартаменты обставлены хуже, чем дом любого частного джентльмена в Англии.

Примечание.—Первый комиссар Совета, состоящий из семи человек, также является единственным генеральным начальником казарм; и его единоличные расходы составляют почти 300 000 *фунтов стерлингов* в год. И последний из его отчетов, переданный для проверки, а именно. Март 1800 года, относится не к более позднему периоду, чем 25 марта 1796 года.

Н. Б.—Господь Tyrawley, от очень умеренных начале, известных внести земельную собственность в размере 10 000*л.* в год, из частных фондов (виз. закон задолженности, и т. д.), и из присутственных мест, а именно. управление работ и Казарменная контора.

Что касается экономики его ведомства, то *ex uno disce omnes*. Готовые сторожевые будки, отправленные на тележках из Дублина в Корк. Непомерные расходы на перевозку и уничтожение самих предметов.

ГОЛЬФ И ФУТБОЛ (1801).

Источник.— "*Спорт и времяпрепровождение народа Англии*" *Стратта*, 1801. Стр. 93 и 97 издания Метуэна, 1903.

Существует множество игр с мячом, в которые требуется помощь клюшки или биты, и, вероятно, самой древней из них является развлечение, получившее сейчас название гольф. В северных частях королевства широко практикуется гольф. Для достойного проведения этой игры требуется много места, и поэтому я предполагаю, что в настоящее время ее редко можно увидеть в окрестностях столицы. Это перекликается с деревенским времяпрепровождением

римлян, когда они играли кожаным мячом, набитым перьями, называемым *паганика*, потому что им пользовались простые люди: мяч для гольфа и по сей день состоит из тех же материалов; мне говорили, что иногда, хотя и редко, его набивают хлопком. В правление Эдуарда III. Латинское название *sambusa* было применено к этому занятию, и название оно получило, без сомнения, от изогнутой клюшки или биты, которой в него играли; биту также называли хоккейным мячом из-за того, что она была согнута. В гольф, согласно нынешней модификации игры, играют битой, мало чем отличающейся от хоккея с мячом: рукоятка этого инструмента прямая и обычно делается из ясеня, около четырех с половиной футов в длину: к нижней части прикреплен изгиб, облицованный рогом и подкрепленный свинцом; мяч небольшой, но чрезвычайно твердый; сделан из кожи и, как уже отмечалось, набит перьями. Как правило, есть два игрока, у каждого из которых есть своя бита и мяч. Игра заключается в том, чтобы загонять мяч в определенные лунки, проделанные в земле; тот, кто добьется этого быстрее всех или за наименьшее количество ударов, одерживает победу.

Футбол называется так потому, что мяч гоняют ногами, а не руками. Раньше это было в большой моде среди простых людей Англии, хотя в последние годы, по-видимому, приобрело дурную славу и мало практикуется. Я не могу претендовать на определение того, в какой период зародился футбол: однако, насколько я помню, он не фигурирует среди популярных упражнений до правления Эдуарда III., а затем, в 1349 году, он был запрещен государственным указом; возможно, не из-за каких-либо особых возражений против этого вида спорта как такового, а потому, что он вместе с другими любимыми развлечениями препятствовал прогрессу стрельбы из лука. Когда проводится футбольный матч, две команды, каждая из которых содержит равное количество участников, выходят на поле и встают между двумя воротами, расположенными на расстоянии 80 или 100 ярдов одна от другой. Цель обычно забивается с помощью двух палок, вбитых в землю на расстоянии примерно двух-трех футов друг от друга. Мяч, который обычно делается из надувного пузыря и обтягивается кожей, подбрасывается посреди площадки, и цель каждой стороны состоит в том, чтобы забить его в ворота своих соперников, после достижения которых игра считается выигранной. Способности исполнителей лучше всего проявляются в атаке и защите ворот; и поэтому это времяпрепровождение чаще называли голом в футболе, чем игрой в футбол. Когда упражнение становится чрезмерно жестоким, игроки без малейших церемоний бьют друг друга по голени, и некоторые из них падают, рискуя сломать конечности.

ШЕРИДАН для АДДИНГТОНА, КАННИНГ для ПИТТА (1802).

Источник.—*Stanhope's Жизнь Пумма* Стенхоупа, 1862. Том iii., стр. 415.

Однако великая речь Шеридана была отложена до 8 декабря, когда были опубликованы расчеты армии. Они были выдвинуты мистером Чарльзом Йорком как военным секретарем. “Я был очень удивлен, - сказал мистер Йорк, - когда в другой вечер услышал достопочтенного. джентльмен (мистер Фокс) утверждает, что не было причин, по которым в Великобритании следовало поддерживать более многочисленный истеблишмент, чем обычно в прежние мирные периоды; и что были причины, по которым даже меньшего контингента было бы достаточно везде, кроме Вест-Индии”. Мистеру Йорку было нетрудно возразить против этого предложения или указать на опасности, надвигавшиеся с Европейского континента. Он мог рассчитывать на поддержку Палатой представителей предложения, содержавшегося в его речи, — выделить регулярные

войска численностью почти в сто тридцать тысяч человек, считая офицеров, и включая полки в Индии. Это было увеличение числа истеблишмента, проголосовавшего при первом заключении мира.

Затем и после некоторых других выступлений Шеридан поднялся. Он говорил о Фоксе как о человеке, которого из всех людей на земле он больше всего любил и уважал. Но эти чувства не удержали его от некоторых острых замечаний, хотя и в завуалированных выражениях, по поводу курса, который Фокс в последнее время пытался продвигать. Он одобрил речь короля. Он одобрял крупные учреждения. Он одобрил Аддингтона на посту министра. Что (спросил он) на самом деле могли предъявить другие члены церкви против этого достопочтенного джентльмена? Это была просто капризная неприязнь; не более чем по той причине, которая приводится в эпиграмме Марциала или в английской пародии на эту эпиграмму:

- Вы мне не нравитесь, доктор Фелл,
причину я не могу сказать;
Но я уверен, что прекрасно знаю одно:
вы мне не нравитесь, доктор Фелл.

Те, кто помнит, что Аддингтон уже носил прозвище “Доктор”, и кто знает острое пристрастие Палаты общин практически к любой шутке, могут легко представить взрыв смеха, которым был встречен намек Шеридана.

Шеридан продолжил со смесью остроумия и аргументации. “Чего, “ сказал он, - эти джентльмены ожидали от нынешнего министра финансов?” Мы относились к нему, когда он был председателем этой Палаты Представителей, с уважением, которого он заслуживал.... Но ожидали ли они, что, будучи министром, он встанет и призовет Европу к порядку? Должен ли он был послать мистера Колмана, военного сержанта, в Прибалтику и вызвать Северные державы в Суд этой Палаты? Должен ли он был увидеть, как Сильные мира сего карабкаются, словно члены Парламента, по скамьям, и сказать — джентльмены должны занять свои места? Ожидалось ли от него, что он бросит взгляд на тосканскую галерею и воскликнет, что посторонние должны удалиться? Должен ли он был встать по ту сторону Рейна и сказать— немцы справа, а французы слева? Если бы он мог это сделать, я, например, всегда голосовал бы за то, чтобы спикер Палаты представителей был назначен министром страны. Но достопочтенный джентльмен сделал все, чего от него мог ожидать разумный человек”.

“Сэр, — продолжил Шеридан, — признаюсь, я хотел бы знать, что думает сам мистер Питт. Я был бы рад услышать, что он думает о призыве, обращенном к нему; и притом громко, в другом месте, от энергичного государственного деятеля.^[2] Я хорошо помню, сэр, как и все мы, характер, который мистер Питт дал нынешней администрации. Намерен ли он отказаться от этой роли? Я не могу предположить, что он это делает.... Сэр, когда я вижу так много людей, беспокоящихся об этом джентльмене, я рад слышать, что его здоровье восстановлено. Но как, я хотел бы спросить, мы можем с какой-либо последовательностью заставить человека, заключившего мир, привлечь к ответственности человека, который открыто одобрил это?... Поэтому я подозреваю, что игра политического Филидора была неправильно понята; что его друзья сместили коня и замок, когда им следовало взять только две пешки; что они попытались поставить мат королю, когда у них не было инструкций для этого. Я не могу забыть период, когда августейшая Особа Суверена считалась единственным человеком, который был против

распространения привилегий на католиков в Ирландии; и поэтому я не могу смириться с мыслью назвать это Право Честным. джентльмен возвращается к власти и навязывает короне свою кандидатуру.... Мистер Питт - единственный человек, спасший страну! Если нация зависит только от одного человека, она не может, и я добавлю, она не заслуживает спасения; ее могут спасти только парламент и народ”.

Следующей после Шеридана поднялась Кэннинг. В своей великолепной речи в тот вечер он продемонстрировал не только блестящее красноречие, но и более редкий дар (более редкий, я имею в виду, для него) совершенной осмотрительности. Он желал, чтобы выразить свои чувства, а не просто удовлетворение, но и благодарности, к той части, которая его Хон. Друг (мистер Шеридан) уже который день делал.

“Это ни в коем случае не первый раз, - сказал он, - когда мой достопочтенный . Друг, отбросив все мелкие различия в партийных чувствах, выступил вперед, часто в особо сложных обстоятельствах, часто обескураженный, всегда один, как защитник прав и интересов своей страны, и сплотил сердца и дух нации.[3] Я надеюсь, что теперь мы больше не услышим об этих жалких системах, цель которых не в том, чтобы побудить нас предотвратить нашу гибель, а в том, чтобы примирить нас с ней.... ‘Нам нечего бояться Франции, кроме соперничества в торговле’, - говорит достопочтенный. джентльмен напротив меня (мистер Фокс). Оглянитесь вокруг, сэр, на состояние мира, и может ли такой аргумент, даже исходящий от такого человека, нуждаться в дальнейшем опровержении?”

“И что же, сэр, — продолжал Каннинг в другом отрывке, — какова природа времени, в которое мы живем? Посмотрите на Францию, и посмотрите, с чем нам приходится справляться, и подумайте, что сделало ее такой, какая она есть? Мужчина. Вы скажете мне, что она была великой, могущественной и грозной еще до прихода к власти Бонапарта; что он находил в ней огромные физические и моральные ресурсы; что ему оставалось только пустить их в ход. Верно, и он так и сделал. Сравните ситуацию, в которой он застал Францию, с той, в которой он ее воспитал. Я не панегирист Бонапарту, но я не могу закрывать глаза на превосходство его талантов, на поразительное господство его гения. Не рассказывайте мне о его мерах и его политике — именно его гений, его характер внушают миру благоговейный трепет. Сэр, чтобы встретить, остановить, обуздать, противостоять ему, нам нужно оружие того же типа. Я далек от возражений против крупных военных учреждений, которые предлагаются вам. Я голосую за них всем сердцем. Но для того, чтобы справиться с Бонапартом, один великий командирский дух стоит их всех. Это мое нескрываемое мнение. Но когда я этот отзыв так непосредственно, это мое право, дорогая. Друг (мистер Питт), чтобы быть причастны заряд вдохновения, что я говорю?...

“Сэр, из всех обвинений, которым этот достопочтенный подвергался . джентльмен может быть подвергнут, признаюсь, я действительно думал, что интриги и заговор с наименьшей вероятностью будут противопоставлены ему любым человеком, который был свидетелем его публичного поведения.... Нет, сэр. Никогда юный Честолюбец, только что добившийся общественного внимания и стремящийся к народной благосклонности, не трудился и вполнину с таким усердием для поддержания репутации и умиротворения приверженцев, как мой достопочтенный. С момента своего ухода с поста Друг трудился не над тем, чтобы привлекать, а над тем, чтобы отталкивать; не над тем, чтобы увеличивать число своих последователей, а над тем, чтобы разрушить привязанность и передать поддержку. И если,

какими бы ни были его попытки изолировать и индивидуализировать себя в политической жизни, он не смог добиться полного успеха, даже с теми, кто пожертвовал бы ради его желаний всем, кроме своей привязанности к нему, — если с общественностью он вообще не преуспел, какой отсюда вывод? что, как не то, что, сколько бы он ни отступал, он не должен надеяться стереть память о своих прошлых заслугах из благодарности своей страны? — он не может отказаться от следования за нацией; он должен терпеть привязанность народа, который он спас”.

ТИПИЧНЫЕ СУДА КОРОЛЕВСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА (с 1803 по 1815 год).

Источник.—Клоуз: *Королевский военно-морской флот*, 1900. Том v. (с 1803 по 1815 год), стр. 15.

Модели многих наиболее типичных судов, которые были приняты на вооружение Военно-морского флота в рассматриваемый период, можно увидеть в Гринвиче. Среди них цельные или полублочные модели следующих судов:

Имя.	Длина орудийной палубы.	Балка.	Глубина в трюме.	Тонны.	Люди.	Орудия.	Когда и где построены, или как приобретены, и т.д.
	Фут. Дюйм.	Фут. Дюйм.	Фут. Дюйм.				
"Каледония"	205 0	54 6	23 2	2616	875	120	Спущен на воду в 1808 году в Девонпорте. Разработан сэром У. Рулом.
"Геркулес"	176 1	48 4 ¼	21 0	1750	590	80	Спущен на воду в 1815 году в Чатеме. Спроектирован геодезическим отделом.
Бастуон	181 10	49 3	20 7	1940	590	74	Спущен на воду в 1807 году в Портсмуте. Спроектирован сэром У. Рулом.
Java	171 11½	44 1	14 3	1458	480	60	Спущен на воду в 1815 году в Девонпорте. Спроектировано Департаментом

							геодезии.
<i>Президент</i>	173 3	44 4	13 11	1,533	480	50	Взято в 1815 году у американцев.
<i>Чесапик</i>	151 0	40 11	13 9	1,135	315	48	Взят у американцев в 1813 году.
<i>Лайвли</i>	154 1	39 6	13 6	1076	284	46	Спущен на воду в 1804 году в Вулвиче. Разработан сэром У. Рулом.
<i>Эвриалус</i>	145 2	38 2½	13 3	946	264	42	Спущен на воду в 1803 году Адамсом, Баклершард. Разработан сэром У. Рулом.
<i>"Лакедемонянин"</i>	150 4	40 0½	12 9½	1073	264	38	Спущен на воду в 1812 году в Портсмуте. Построен в честь французского Гебе, захвачен в 1782 году.
<i>Барбадос</i>	140 0	36 7	16 0	800	195	36	Напр. <i>Храбрый</i> . Взято с французского в 1804 году.
<i>Эдем</i>	108 6	30 8	9 0	451	150	28	Спущен на воду в 1804 году Кортни, Честер. Разработан сэром У. Рулом.
<i>Андромеда</i>	129 7	36 5¾	11 0	812	195	24	Пример. <i>Ганнибал</i> . Отнят в 1812 году у американцев.
<i>Флорида</i>	119 5½	32 0	14 2	539	135	20	Пример. <i>Порезвиться</i> . Взято в 1814 году у американцев.
<i>Эпервье</i>	95 1	28 6	8 9½	315	121	16	Взято в 1803 году у французов.

ЖЕЛАНИЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ ПИТТА На ДОЛЖНОСТЬ (1803).

Источник.—Stanhope's *Жизнь Питта* Стенхоупа, 1862. Том iv., стр. 28.

Мистер Лонг - мистеру Питту.

Бромли-Хилл,
3 апреля 1803 года.

Дорогой Питт,

Мне не терпится дать вам некоторый отчет о том, что произошло между мной и Эддингтоном по моем возвращении, приберегая подробности по этому вопросу до нашей встречи. Казалось, он чрезвычайно озабочен тем, чтобы вы не рассматривали предстоящие переговоры как какое-либо препятствие для продвижения вперед в настоящий момент, но вряд ли нужно говорить, что он заявил по этому поводу, потому что с тех пор он изменил свое мнение и, скорее, считает, что подходящим временем будет, когда переговоры будут доведены до точки, *в любом случае*, которая, как он убежден (совместно с лордом Хоксбери, лордом Каслри и вашим братом) будет определена до вашей встречи в Бромли Хилл. В целом по вопросу о договоренности он, казалось, был склонен принять то, что вы уполномочили меня изложить, не как нечто улаженное, а как общую идею по этому вопросу, но кто же время выразил большие затруднения по поводу лорда Хобарта (никаких затруднений по поводу лорда Пелхэма). Он закончил эту часть разговора, сказав, что, конечно, вы лучше всех разбираетесь в тех людях, которые имели на вас претензии, но что он надеется, что вы не примете никакого решения по этому вопросу (если дело дойдет до этого), не приняв также во внимание справедливые претензии тех, кто имел на него претензии. Я привел в пример Брэджа, Смита, лорда К. Спенсера и Уикхема как лиц, *случайно* оказавшихся в тех ситуациях, которые они занимали, и к которым, возможно, было бы необходимо обратиться с просьбой уступить им дорогу: он признал справедливость того, что я сказал обо всех этих лицах, и возможного необходимого соглашения в отношении них, но добавил, что, по его мнению, последний особенно приятен канцлеру Ирландии и лорду-лейтенанту, а также хорошо подходит для его должности. Что касается лорда Гренвилла, он считал невозможным принять его или кого-либо из его друзей в настоящий момент без заметного унижения себя и его коллег, но он не мог иметь в виду запретить им или помешать вам воспользоваться любой помощью, которую вы сочтете нужной в любое время в будущем. Затем я упомянул Каннинга и Роуза: он сказал, что первый был лично оскорбителен для него; но когда я спросил его, может ли он оправдать страдания, даже личную обиду, тем, что встал на пути

того, что, как он с таким трудом убеждал меня, было необходимым общественным мероприятием, он, казалось, очень смягчился в этом вопросе, и в отношении Роуза он не высказал возражений. Не было никаких трудностей с тем, чтобы оставить вакансии в Казначействе, при условии, что будет сделано что-то еще для Бродерика, которого он пообещал обеспечить сам. Затем он показал мне письмо от лорда Сент-Винсента, в котором в связи с состоянием его здоровья он просил подыскать ему преемника, как только сможет, и выразил желание прислать документы, касающиеся вопросов, по которым вы хотели получить информацию. Весьма вероятно, что вам может понадобиться дополнительная информация по этим предметам, которую, конечно же, вы можете получить в Бромли Хилл.

На следующий день я виделся с лордом Каслри: он был очень озабочен тем, чтобы вас убедили принять это предложение даже во время переговоров, если, вопреки всему, они затянутся. Он очень умело аргументировал случаи войны, мира и затяжных переговоров, поскольку каждый из них давал достаточные основания для того, чтобы вы поставили себя во главе правительства. Если бы нас втянули в войну, никто не смог бы провести ее эффективно, кроме вас самих. Вы могли бы предотвратить затягивание переговоров до невыгодного конца; и в мирное время состояние сторон было основанием, на котором он настаивал на необходимости вашего прихода к власти. Ни он, ни лорд Хоксбери не скрывали от меня *необходимости перемен*. Лорд Х. придерживался мнения, что лорд Гренвилл вряд ли сможет прийти на работу в соответствии с таким соглашением, но, по-видимому, полагал, что в будущем не возникнет никаких трудностей.... Я предпринял некоторые попытки узнать мнение города: насколько я смог в нем убедиться, оно едино — очень сильное желание, чтобы вы возглавили правительство, но почти столь же сильное мнение, что Гренвилл не должен быть его частью. Торнтон дал мне некоторые веские основания полагать, что таково было общее мнение по обоим пунктам; но поскольку я знаю, как часто люди выдают свое собственное мнение за общественное мнение только с целью его укрепления, я отношусь к общественному мнению с некоторой осторожностью. В то же время я слышал [то же самое] из стольких источников, что верю, что это не ошибка; и есть, по крайней мере, один момент, в котором, я думаю, вы согласитесь со мной — что до окончания переговоров было бы крайне вредно для вас вступать в должность с Гренвиллом; ибо, если бы это закончилось войной, предполагалось бы, что это вызвано его влиянием; и ситуация, безусловно, находится в таком состоянии, при котором общее желание состоит в том, чтобы мы, по крайней мере, предоставили себе все справедливые шансы сохранить мир

У меня было время набросать это так быстро, как только мог, только с тех пор, как Хаскиссон сказал мне, что собирается в Уолмер. Я надеюсь, что вы найдете это понятным.

Всегда твой,
К. Л.

СТИХИ КАННИНГА Против АДДИНГТОНА (1803).

Источник.— "*Жизнь Питта*" Стэнхоупа, 1862. Том iv., стр. 58, 59, 60.

Хвала безграничной гордости
Пусть благоразумная Муза откажется;
И воспой государственного деятеля — сама вежливость, —
Которого умеренные таланты возносят к славе.

Блестящие таланты обманчивы,
Они склонны давать слишком смелые советы;
Мы ценим умеренных людей, веря, что
все, что блестит, не золото.

Когда периоды спада пройдут,
Или Палата примет их сухо,
Подбодри, о, подбодри его, брат Брэгг!
Подбодри, о, подбодри его, брат Хайли!

Каждый - джентльмен на свободе,
размещенный и накормленный за государственный счет,
оплачивающий с изяществом, чтобы очаровать вас,
Этот - флот, а тот - армию.

Брат Брэгдж и брат Хили,
Поддержите его! когда он говорит так мерзко;
Поддержите его! когда его аудитория замирает,
Брат Хайли, брат Брэгг.

Если *блоки* могут избавить от опасности,
два места безопасны от французов:
одно - устье реки,
другое - Казначейская лавка.

Питт для Аддингтона
Как Лондон для Паддингтона.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ, ГЕРМАНИИ И НАПОЛЕОНЕ, НАПИСАННЫЕ ПИТТОМ (1803).

Источник.—*Stanhope's Жизнь Питта* Стенхоупа, 1862. Том iv., стр.
223.

Война.

(Бумажная марка, 1803 г.)

“Должны ли атаки быть многочисленными или немногочисленными, чтобы усилить их, и в каких моментах: —

“1. *Юг Италии.*— Помимо неаполитанцев, 10 или 15 000 британских военнослужащих и столько же русских; помимо свободных корпусов, созданных в Албании и Италии, последний - королем Сардинии.

“2. *К северу от Италии.*—*Швейцария и Юг Германии.*—Австрийские войска при поддержке 60 000 русских в качестве вспомогательных сил.

“*К северу от Германии.*—40 000 русских, с отрядом ганноверцев, шведской армией и отвлекающим маневром из Англии. Продвигаться в направлении Нидерландов.

“Операции на двух флангах могут быть изменены в зависимости от поведения Турции. Они, вероятно, будут действовать только тогда, когда их вынудят. Считается, что Австрию и Швецию можно заставить действовать добровольно.

Под отвлекающим маневром не подразумевается, что вначале отсюда следует предпринимать какой-либо спуск, но что мы должны продолжать угрожать их побережьям и не предпринимать ничего во внутренних районах до достижения определенного успеха.

“Преимущества, которые могут быть предоставлены любой Державе в случае необходимости, должны регулироваться с учетом будущей безопасности Европы и рвения, проявляемого каждой Державой. Предполагается, что Пруссии нельзя предложить ничего, что соответствовало бы безопасности и интересам остальной Европы, за исключением провинций, которые она уступила Франции. Судя по тому немногому, что произошло, Австрия должна быть очень умеренной и довольствоваться незначительными приобретениями в Германии и Италии.

“Король Сардинии должен быть не только восстановлен, но и его доля должна быть как можно больше.

“Швейцария должна быть *округом*, и ее позиции должны быть максимально укреплены.

“Того же принципа следует придерживаться и в отношении Голландии”.

Германия.

(*Бумажная марка, 1803 г.*)

“Нынешнее положение немецкого органа нехорошо ни для самих стран, ни для Европы.

“Должна ли часть этого быть *англией* двух великих держав или третьим великим государством, образованным в центре Германии? Об этом едва ли можно думать, учитывая его несправедливость по отношению ко стольким принцам Империи.

“Можно ли сформировать более концентрированное Федеративное правительство из различных государств; и не следует ли в этом случае отделить от него и Австрию, и Пруссию?

“Принцип посредничества заключается в том, что он должен предшествовать войне.

“Необходим тесный союз между Англией и Россией, которые являются единственными державами, которые в течение многих лет могут не испытывать ревности или противоположных интересов”.

Наполеон.

“Я вижу различные и противоположные качества — все великие и все мелкие страсти, неблагоприятные для общественного спокойствия, — объединенные в груди одного человека, и, к несчастью, этого человека, личный каприз которого едва ли может колебаться в течение часа, не влияя на судьбу Европы. Я вижу внутреннюю работу страха, борющегося с гордостью в пылком, предприимчивом и беспокойном уме. Я вижу всю придирчивую ревность сознательной узурпации, которой боятся, которую ненавидят и которой повинуются, — головокружение и опьянение великолепным, но незаслуженным успехом, — высокомерие, самонадеянность, своеволие неограниченной и обожествляемой власти и - что ужаснее всего в полноте власти — беспокойную и непрекращающуюся деятельность преступных, но неудовлетворенных амбиций”.

КАНОНЕРСКИЕ ЛОДКИ ДЛЯ ОБОРОНЫ (1803).

Источник.—*Дневники ... Достопочтенного. Джордж Роуз, 1860. Стр. 69.*

Мистер Питт - мистеру Роузу.

Маргейт,
18 октября 1803 г..

Дорогая Роза

Я получил твое письмо сегодня утром, как только вышел из дома. Я не забыл о вашем желании получить описание наших канонерских лодок; но поскольку многие из моих друзей здесь более сведущи в устройстве лодки или управлении ею, чем в письме или черчении, я не смог сразу получить ни одной, которая объяснила бы вам последний усовершенствованный способ подгонки так точно, как я хотел. Но мистер Уитби, помощник из Ширнесс-Ярда, который был назначен руководить работами и которого я видел вчера, пообещал мне немедленно прислать к вам домой, в Пэлас-Ярд, небольшую модель рамы и горки, которая, я надеюсь, полностью соответствует назначению. Я бы хотел надеяться, что оно доберется до вашего дома через день или два, и вы, я полагаю само собой разумеющимся, пришлете распоряжения о том, чтобы его немедленно доставили вам дилижансом. Сейчас мы установили или, я полагаю, устанавливаем около 170 лодок между Маргейтом и Гастингсом, что, я думаю, немало способствует тому, чтобы оказать врагу хороший прием, когда он сочтет нужным нанести нам визит. Судя по собранному мною разведанным и приказам о чрезвычайной подготовке, которые получены из Лондона этой почтой, я гораздо более склонен, чем когда-либо до сих пор, полагать, что вскоре будет предпринята какая-то попытка. В этой ситуации я, вероятно, буду полностью занят различными заботами моего полка и моего округа. Я надеюсь, однако, найти время, чтобы уделить немного внимания беглым замечаниям, когда получу известие от Лонга, что я ожидаю делать каждый день. Я думаю, что наших добровольцев, вероятно, призовут на постоянную службу, на что, я надеюсь, они с готовностью согласятся. Я полагаю, что такая же мера будет

рекомендована в вашей части побережья. Я хотел бы, чтобы меры по обороне были такими же передовыми везде, как в Хайт-Бей под командованием генерала Мура. Теперь мы начинаем не испытывать никаких других опасений в этой области, кроме того, что враг не даст нам возможности проверить наши приготовления и выберет какой-нибудь другой пункт, который нам не следовало бы искать в первую очередь. Я пишу здесь, чтобы сохранить публикацию, так как вернусь в Уолмер только поздно.

Всегда искренне ваш,
У. Питт.

ПОЛОЖЕНИЕ БЕДНОТЫ В ПРОМЫШЛЕННЫХ ГОРОДАХ (1804). **Источник.**—*Журнал для джентльменов*. Т. 74, июль-декабрь 1804 г., стр. 710.

17 июля.

Мистер Урбан,

“Не судите, чтобы не быть судимым”.

Доброжелательность и человечность доктора Леттсома заслуживают уважения; и, конечно, усилия, которые он предпринял, чтобы улучшить положение трудящихся бедняков, заслуживают похвалы и должны быть благодарны его собственным чувствам, но на пути творения добра требуется большая деликатность; и хотя мы ревностны в наших усилиях способствовать активной благотворительности в одном конкретном случае, мы должны быть осторожны, распространяя этот важный христианский долг, не забывая и о другой христианской отрасли милосердия по отношению к другим.

В своих замечаниях о положении детей нашей трудящейся бедноты этот достойный джентльмен-медик, я думаю, был слишком пристрастен, ограничивая свою тему крупными промышленными городами этого королевства, и особенно в своем сравнительном взгляде на фабрики нью-Ланарка и Холи-Уэллса и Манчестера.

Я всегда понимал, что существует большая трудность в попытке отделить причину зла, которое государство извлекает из безнравственности и кастрированного положения бедных, от важных выгод, которые оно извлекает из растущего производства, осуществляемого этими объектами наших спекуляций. Излишне спорить с тем, что регулирование морали и здоровья подрастающего потомства государства, способствующее развитию промышленности и богатства, требует всяческого внимания; но давайте посмотрим на огромные трудности, с которыми сталкиваются наши главные промышленные города, такие как Бирмингем и Манчестер, по сравнению с менее зараженной примитивной и более выносливой беднотой, связанной с мануфактурами Шотландии.

На протяжении нескольких поколений прошлых лет мануфактуры наших крупных торговых городов обеспечивали самую обширную занятость трудящейся бедноты; к ним привлекались разношерстные группы людей из разных слоев общества; родительский фонд в различных

деталей изначально был неполноценен в плане выносливости, и, конечно, их потомство, к несчастью, было заражено тем же несчастьем; остатки работных домов из столицы, из многих частей страны, были брошены в эти большие города; брошенные дети от нечистых связей, в которых вопиющая нищета заложила основу многих расстройств, были брошены в эти большие города. и которые, вырастая и поселяясь в этих местах, были переданы последующей расе: следовательно, это зло не является нынешним ростом наших крупных фабрик. В Шотландии мануфактуры возникли лишь в последние годы; выносливость их рабочей бедноты, естественно, более вынослива и менее развращена, поскольку они не имеют связей с южными провинциями; и благодаря постоянному набору персонала из одного и того же родительского источника неудивительно, что дети на фабриках Ланарка были признаны более здоровыми, чем дети из английских промышленных городов.

Хотя владелец Ланарк Миллс, возможно, заслуживает похвалы за его внимание к здоровью детей, работающих в его заведении, из этого не следует, что другие джентльмены, прославившиеся своей предприимчивостью, трудолюбием, и способностями, благодаря природным преимуществам мистера Дейла,^[4] заслуживают публичного разоблачения и клейма позора.

Я думаю, что мистер Ботт из Нантвича, в Чешире, заслуживает высокой похвалы за то, что он отказался от проникновения на свою фабрику; и если визит великодушного мистера Нилда был направлен только для того, чтобы изъять с его фабрики уголовные статьи для разоблачения перед публикой, мистер Ботт поступил очень мудро, пресек любопытство и назойливые расспросы за свой счет; но есть много других причин, которые могут быть справедливо обоснованы отказом этого джентльмена. Мне сообщили, что часто случается, что многие люди, получив допуск на эти обширные мануфактуры, подкупали ремесленников у их работодателей и в различных других отношениях вносили большой беспорядок в заведение.

Законом страны предписано, чтобы эти фабрики были открыты для регулярных посещений магистратами; следовательно, разоблачая таким образом частичные пороки этих обширных коммерческих учреждений, от которых могут быть освобождены немногие человеческие предприятия такого огромного масштаба, где занято такое огромное количество рабочих рук, несомненно, бросает косвенный отпечаток на судебную администрацию государства.

Доброжелательность и рвение патриотического характера должны проявляться более эффективным образом, чем публичное восхваление одного человека или группы людей за счет других, в равной степени и в полной мере заслуживающих этого. Все памятные знаки для общественного блага должны распространяться через руки гражданского судьи или представителей страны, где существует зло; таким образом, реформы могут быть проведены с большей уверенностью, чем с помощью намеков, которые, как правило, создают видимость партийных соображений или других заинтересованных мотивов.

Хранитель.

ГОДОВОЙ ОТЧЕТ О ПШЕНИЦЕ, МУКЕ И ХЛЕБЕ За 1804 ГОД.

Источник.—*Журнал для джентльменов*. Том 74, январь-июнь 1804 г., стр. [iv].

Пшеница.

Количество возвращаемых четвертаков в месяц.	Самая высокая цена за квартал за месяц.	Ежемесячная договоренность, 1804 год.	Самая низкая цена за квартал за месяц.	Средняя цена за квартал за месяц.
Квартал. Буш.	Шиллинги.		Шиллинги.	s. d.
25,789 3	63	Январь	35	53 8½
19,253 5	60	Февраль	32	52 1½
22,465 2	61	Март	35	50 8½
22,813 1	62	Апрель	30	51 8½
17,198 0	59	Май	32	51 8½
18,877 8	58	Июнь	32	51 1½
30,517 4	70	Июль	32	54 11
50,437 2	80	Август	37	64 2
45,199 3	85	Сентябрь	42	70 6
64,684 7	93	Октябрь	42	73 5
69 001 1	132	Ноябрь	50	88 11
51,933 3	135	Декабрь	62	10 3

Итого, 438,170 четвертаков, 3 бушеля. В среднем за квартал, 70,8½ доллара.

Мука.

Количество возвращенных кварталов в месяц.	Самая высокая цена за квартал за месяц.	Ежемесячная оплата, 1804.	Самая низкая цена за квартал в месяце.	Средняя цена за квартал за месяц.
	Шиллингов.		сек. д.	сек. д.
71,797	55	январе	36 6	49 1½
61,191	50	феврале	37	44 9½
73,366	50	март	30	44 10¾
60,904	50	апреле	38	44 9¼
48,641	50	может	39	44 9¼
69,795	50	июне	37	44 10¼
86,321	60	июле	37	49 4¼
67,421	75	августе	45	63 2

40,586	75	сентябре	50	63 11 ³ / ₄
84,443	84	октября	56	71 4 ³ / ₄
49,954	105	ноября	65	87 8 ¹ / ₂
59,110	105	декабре	80	98 3 ¹ / ₂

Всего 773 529 мешков. В среднем за мешок - 58 шилл. 1д.

Хлеб.

Цена четверти пшеничной буханки в неделю.

Примечание.—Судебное заседание назначается на вторник каждой недели и проводится в следующий четверг; следовательно, судебное заседание датировано четвергом.

	г.		г.		г.		d.
Январь	5 9 ¹ / ₄	Апрель	5 8 ¹ / ₂	Июль	5 8 ¹ / ₂	Октябрь	4 12
“	12 9 ¹ / ₄	“	“	12 8 ¹ / ₂	12 8 ³ / ₄	“	“
19 9	“	19 8 ¹ / ₂	“	18 12	“	“	26 9“
“	“	“	26 8	“	26 9	“	25 12
Февраля	2 9	мая	3 8	августа	2 9	ноября.	1 13
“	9 8 ¹ / ₂	“	10 8 ¹ / ₂	“	9 10	“	8 13 ¹ / ₂
“	16 8 ¹ / ₂	“	17 8 ¹ / ₂	“	16 10 ¹ / ₂	“	“
15 14 ¹ / ₂	“ 8 ¹ / ₂	“	24 8 ¹ / ₂	“	23 12	“	22 16
Марта	1 8 ¹ / ₂	“	31 8 ¹ / ₂	“	30 12	“	29 16 ¹ / ₂
“	8 8 ¹ / ₂	Июня	7 8 ¹ / ₂	сентября	6 11 ¹ / ₂	декабря	6 16 ¹ / ₂
“	15 8 ¹ / ₂	“	14 8 ¹ / ₂	“	13 11	“	13 16
“	22 8 ¹ / ₂	“	21 8 ¹ / ₂	“	20 11 ¹ / ₂	“	20 16 ¹ / ₂
"	29 8 ¹ / ₂	"	28 8 ¹ / ₂	"	27 11 ¹ / ₂	"	27 16 ¹ / ₂

АНГЛИЯ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ.

И. Питт на Мальте (1805).

Источник.— "Жизнь Питта" Стэнхоупа, 1862. Том iv., стр. 306.

Мистер Питт - М. Новосильцову (Выдержка).

Даунинг-стрит,
7 июня 1805 года.

Я, конечно, всегда считал, что до тех пор, пока выполнение Амьенского мирного договора было под вопросом, эта страна не имела права стремиться к какой-либо цели [касающейся Мальты], кроме как стремиться обеспечить ей, по возможности, реальную и гарантированную независимость в соответствии с духом этого договора. Но новая война, вызванная поведением

Франции, однажды отменившей этот договор, я не могу считать эту страну связанной какими-либо намерениями, которые она исповедовала, направленными на выполнение договора; и по общим соображениям умеренности и справедливости я не могу думать, что эта страна призвана предложить такое дополнение ко всем другим жертвам приобретений, сделанных во время войны, особенно в обмен на уступки со стороны Франции, которые не могут обеспечить адекватной безопасности для Европы.

Обладание Мальтой, по-видимому, имеет важнейшее значение для наших собственных великих и ценных интересов, а также для наших средств связи и сотрудничества с другими державами. Какая-нибудь военно-морская база в Средиземном море абсолютно необходима; но ни одна из них не может быть столь желанной и безопасной, как Мальта. Однако, несмотря на это мнение, если бы предложенное соглашение в отношении Мальты могло обеспечить путем переговоров действительно удовлетворительное соглашение на Континенте и, в частности, адекватные барьеры как для Италии, так и для Голландии, и если бы мы могли получить единственную замену Мальты, которая, по нашему мнению, могла бы вообще соответствовать цели (а именно, Менорку), мы готовы преодолеть наши трудности в этом вопросе; но по любой другой причине мы не считаем себя вправе согласиться на такую жертву. Таким образом, было невозможно ратифицировать ту часть 10-й статьи, которая относится к этому вопросу и которая была передана сюда для принятия решения. Мы также оказались перед болезненной необходимостью протестовать против любого шага, который может привести к тому, что наши устоявшиеся принципы морского права станут предметом любого пересмотра или обсуждения. Мы попытались откровенно и без утайки объяснить мотивы, которыми мы руководствуемся по обоим пунктам. На наш взгляд, они убедительны и недвусмысленны.

II. Нельсон на Сардинии (1805).

Источник.— "Жизнь Питта" Стэнхоупа, 1862. Том iv., стр. 328.

Лорд Нельсон мистеру Питту.

Отель "Гордонз", 6 часов утра,
29 августа 1805 г..

Сэр

Я не могу успокоиться до тех пор, пока не будет учтена важность Сардинии со всех точек зрения. Если мои письма разным государственным секретарям не удастся найти, я могу взять их с собой. Я убежден, что если Франция овладеет Сардинией, что она может сделать в любой момент, когда ей заблагорассудится, наша торговля должна пострадать самым серьезным образом, если это возможно для ее продолжения. Можно было бы привести множество и наиболее важных причин, по которым нельзя допустить, чтобы французы овладели Сардинией; но ваше время слишком дорого, чтобы читать больше слов, чем необходимо; поэтому я изложил только два сильных момента, чтобы привлечь ваше внимание к этому предмету. Я уверен, что наш флот столкнулся бы с трудностями, если не с невозможностью, удержать какую-либо станцию у Тулона из-за отсутствия на этом острове снабжения скотом, водой и прохладительными напитками при нынешнем состоянии Средиземного моря; и что мы не

можем быть уверены в торговле в любое время, кроме той, которую Франция решит нам разрешить, либо с Италией, либо с Левантом.

Я есмь и др.,
Нельсон и Бронте.

УДАР, УБИВШИЙ ПИТТА (1805).

“Как я покидаю свою страну!” (Последние слова Питта).

Источник.—Т. Холланд Роуз: *Питт и Наполеон*. Лондон: Г. Белл и сыновья. Стр. 312, 332, 333.

(а) Питт - лорду Харроуби.

Даунинг-стрит,
30 октября 1805 года.

Прилагаю вам очень мрачный отчет одного из наших голландских корреспондентов,^[5] из которого, однако, я склонен вычесть, как он предлагает, по крайней мере половину. И хотя остальное было бы достаточно плохо само по себе, я не вижу ничего тревожного в последствиях, если у Австрии хватит мужества проводить единственную политику, которая безопасна при таких обстоятельствах. Принимая во внимание большие потери, которые, очевидно, понесли французы, им, вероятно, потребуется некоторый перерыв, прежде чем они смогут продвинуться к Гостинице, и этот марш должен составлять от 100 до 150 миль. Если к 20 числу этого месяца численность австрийцев и русских на Постоялом дворе достигнет 100 000 человек, то дальнейшее подкрепление, которое они, вероятно, должны будут получить из Тироля и Зальцбурга, от той части ульмской армии, которая сможет добраться до них, и от австрийских резервов, должно позволить им оказать упорное и, вероятно, эффективное сопротивление на этой позиции. И им все еще приходится ожидать вторую армию из 50 000 русских в скором времени, и, я надеюсь, еще 40 000 из резерва, который Россия первоначально намеревалась держать на границе Литвы, но который, несомненно, теперь может быть преобразован в активные силы. Добавьте к этому, что если Бонапарт продвинется к Инн, он будет по меньшей мере в 300 милях от своей границы, как раз в то время, когда прусские войска будут собраны в Байройте, а его союзники, вероятно, наступают из Саксонии и Гессена, первое из которых находится, по-видимому, не более чем в 80 милях, второе - в 150, а третье - в 200 милях от пунктов, которые могли бы отрезать всякое сообщение с Менцем, Мангеймом и Страсбургом. Я достаточно неразумен, чтобы пожелать, чтобы прусская армия двинулась с этой целью в течение пяти дней после вашего прибытия, и все еще может принять решающий оборот в нашу пользу до Рождества. Мы льстим себя надеждой, что, поскольку ветер почти северный, вы сможете плыть, но я надеюсь, что это застанет вас все еще в Ярмуте.

(b) Консервирование с корицей.

Саут-Хилл,
4 января 1806 года.

Если бы Стерджес не написал мне вчера, и у меня были бы только утренние газеты, на которые я мог положиться, я бы нашел очень хорошее утешение в материалах, которые они предоставляют. Но всего этого недостаточно, чтобы опровергнуть впечатление от первого сообщения Стерджеса; и поэтому я должен обратиться к вам за более существенным и несомненным утешением.

1. Если император России лично не отказался от игры; и если он все еще находится в состоянии поддерживать связь с императором Германии, я надеюсь, что его влияние все же может побудить Е.О. Г. разорвать перемирие, прежде чем это приведет к миру. Очевидно, что (судя по карте) в этом заинтересована Австрия.

2. Моя вторая надежда связана с сотрудничеством Пруссии, но оно (которое было моей единственной надеждой вчера) во многом ослаблено объявленным мне Стерджесом решением об отступлении русской армии через Венгрию. Через Венгрию! В Венгрию с целью достижения первой цели, я могу понять. Но отступление, начатое через Венгрию в тот же момент, когда Берлину было предложено использовать русские армии, вызывает скорее недоумение, чем воодушевление.

3. Если случится самое худшее, чему сейчас угрожает опасность, — если Австрия действительно заключит сепаратный мир и будет упразднена как Держава, и если Пруссия ляжет и будет лизать ноги Бонапарту, и будет прощена, и за ее покорность ей будет передан Ганновер, — все равно, когда Россия не обязана миру и вовлечена в войну, нам будет лучше, чем до создания Коалиции. Затем, я думаю, мы должны приступить к заключению нового договора с Россией с целью проведения совместных переговоров *в дальнейшем*. Но все же это не то безнадежное положение вещей, при котором (когда мы рассматривали такую возможность три месяца назад) мы думали, что нам ничего не останется, как ответить на оставленное без внимания письмо Бонапарта от января прошлого года. Ничего подобного.

“Одним из величайших утешений, которые вы могли бы мне прислать, было бы известие о том, что у вас все хорошо и вы полнеете. Мне не очень понравились последние отзывы о вас.... Я полагаю само собой разумеющимся, что вы не собираетесь присутствовать на похоронах.”^[6]

Примечание. Последнее роковое известие об Аустерлице было получено Питтом 13 января 1806 года, и он умер через десять дней, 23 января.

РУТИНА БРИТАНСКОГО ВОЕННОГО КОРАБЛЯ "МЕСТЬ" (1805). **Источник.**— *Королевский военно-морской флот Клоуза, 1900. Том v., стр. 21.*

“Наш экипаж был разделен на две вахты - по правому и по левому борту. Когда один был на палубе, другой находился внизу: например, вахта правого борта заступала в восемь часов вечера, что называлось "восемь склянок"; в половине шестого - "один склянок" и так далее; каждые полчаса раздается звонок, когда переворачиваются песочные часы и посылаются посыльный звонить в колокол, который обычно прикрепляется рядом с носовым люком.”^[7]
Теперь обязанностью офицера на палубе становится следить за тем, чтобы закончился вахтенный журнал, определять, сколько узлов судно делает в час, что заносится в вахтенный

журнал, с учетом любых других происшествий, которые могут произойти во время вахты. В двенадцать часов, или в восемь склянок первой вахты, помощник боцмана громко выкрикивает: 'Вахта левого борта, эй!' Это называется средней вахтой, и, находясь на палубе, другая вахта спускается вниз, в свои гамаки, до восьми склянок, то есть до четырех часов утра. Затем они снова выходят на палубу, стаскивают туфли и чулки, закатывают брюки выше колен и начинают 'забрасывать камнями' палубу, как это называется (поскольку Джек иногда бывает немного нечестив в своих высказываниях). Здесь матросы страдают от того, что вынуждены стоять на коленях на мокрой палубе, а по ней посыпан какой-то щебнистый песок. Для выполнения этой работы они встают на колени голыми руками, натирая палубу камнем и песком, зернистость которых часто очень вредна. Таким образом, вахта продолжается примерно до четырех склянок, или шести часов; затем они начинают мыть и драить палубы до семи склянок, а в восемь склянок помощник боцмана трубит к завтраку. Это блюдо обычно состоит из бургу, приготовленного из овсяных хлопьев крупного помола на воде; другие подают шотландский кофе, представляющий собой подгоревший хлеб, сваренный в небольшом количестве воды и подслащенный сахаром. Обычно его готовят в кастрюле на камбузе, где есть плита. Почти у всей команды есть один из этих котелков, ложка и нож; ибо эти вещи незаменимы; есть также тазы, тарелки и т. Д., Которые хранятся в каждой столовой, состоящей обычно из восьми человек, койка которых находится между двумя орудиями на нижней палубе, где есть доска, которая раскачивается при качке корабля и служит столом.... В половине девятого, или с одним ударом колокола на утренней вахте, вахта левого борта выходит на палубу, а вахта правого борта остается внизу. Здесь снова используются "священные камни", или "ручные библии", как их называет команда, а иногда и железные скребки. После того как нижняя палуба смочена тампонами, эти скребки используются для удаления грубой грязи. Пока это происходит, повара из каждой столовой заняты мытьем посуды и приготовлением ужина; в то же время вахта работает на корабле и делает то, что требуется сделать на палубе.

Около одиннадцати часов, или шести склянок, когда кто-либо из матросов закован в кандалы или внесен в черный список, боцману или помощнику капитана приказывают созвать всю команду; затем начальник стражи, который является уорент-офицером и при необходимости выполняет роль Джека Кетча; он также держит заключенных под стражей до тех пор, пока они не будут закованы в кандалы по любому обвинению. Когда вся команда собрана, капитан приказывает человеку раздеться; затем его привязывают к решетке за запястья и колени; затем упоминается его преступление, и заключенный может оправдываться; но в девятнадцати случаях из двадцати его порочат за самый пустяковый проступок или небрежность, например, за то, что он не услышал ночной смены, не сделал ничего должным образом на палубе или наверху, за что его могли бы послать выполнять, когда, возможно, он делал все, что мог, и в то же время не подозревал о содеянном, пока его не посадят. набросились и заковали в кандалы. Вот и весь юридический процесс. После наказания помощник боцмана трубит к обеду, когда пробьет восемь склянок, или двенадцать часов; и это самая приятная часть дня, так как с одним ударом дудочки призывают сыграть 'Нэнси Доусон' или какую-нибудь другую веселую мелодию - хорошо известный сигнал о том, что грог готов к подаче. В обязанности повара из каждой столовой входит приносить и раздавать его своим товарищам по трапезе, из которых каждому мужчине и мальчику полагается пинта, то есть одна порция рома и три порции воды, в которые добавляется лимонная кислота, подслащенная сахаром. Здесь я должен заметить, что повар пользуется служебными привилегиями, резервируя для себя дополнительную порцию грога, которая называется "сверх-плюс" и обычно составляет двойную норму питания мужчины.

Таким образом, повар может взять на себя роль влиятельного человека, поскольку у него есть возможность пригласить друга пропустить стаканчик или выплатить любой небольшой долг, который у него, возможно, образовался. Возможно, не всем известно, что на военном корабле долги оплачиваются грогом, а не деньгами. Несмотря на кажущееся выдающееся положение повара, все же в некоторых случаях он подвергается порицанию или наказанию со стороны своих товарищей по столу за то, что не приготовил ужин должным образом или допустил, чтобы посуда его отдела была в грязном состоянии. Правосудие в этих случаях вершится путем составления жюри из поваров из разных столовых, поскольку на долю каждого человека, попавшего в столовую, выпадает в свою очередь выступать в роли повара. Способ или предписание, с помощью которого созывается это жюри, заключается в том, что вы поднимаете салфетку для мытья посуды или бьете оловянное блюдо между палубами вперед.... В два склянки пополудни, или в час дня, вахта правого борта выходит на палубу и остается управлять кораблем, натягивая канаты или выполняя любую другую работу, которая может потребоваться, пока не пробьет восемь склянок, когда помощник боцмана трубит к ужину. Он состоит из полпинты вина или пинты грога на каждого, с печеньем и сыром или маслом. С первым ударом колокола, или в половине пятого, который в "первой собачьей вахте" называется одним ударом колокола, вахта левого борта заступает на дежурство и остается до шести часов, после чего ее сменяет вахта правого борта, которая называется 'второй собачьей вахтой', которая длится до восьми часов. Чтобы объяснить это, следует отметить, что эти четыре часа, с четырех до восьми часов, разделены на две вахты, с тем чтобы другие вахты шли регулярно и чередовались.... Благодаря такой регулярной системе несения службы я привык к грубости и лишениям жизни моряка. Я решил быть послушным, как бы это ни раздражало мои чувства, и, поскольку наш корабль находился на станции в Ла-Манше, вскоре я начал постигать морское дело”.

ПЛАН ДЕЙСТВИЙ НЕЛЬСОНА При ТРАФАЛЬГАРЕ (1805).

Источник.— *Королевский военно-морской флот* Клоуза, 1900. Т. v., стр. 127.

Заявив о своем намерении держать флот в таком положении, чтобы порядок плавания соответствовал боевому, Нельсон продолжал говорить: —

“Если бы флот противника был замечен с наветренной стороны в боевой линии, и эти две линии ... смогли бы догнать его, они, вероятно, были бы настолько растянуты, что их авангард не смог бы прийти им на помощь с тыла. Поэтому я, вероятно, должен подать сигнал заместителю командира, чтобы он обошел примерно двенадцатый корабль с тыла, или где бы он ни был, если не сможет продвинуться так далеко. Моя линия прорвется примерно через их центр.... Все впечатление от британского флота, должно быть, сводится к тому, чтобы перебить [от] двух или трех кораблей впереди своего главнокомандующего - предполагается, что они находятся в центре — до тыла своего флота. Я предположу, что 20 парусов линии противника останутся нетронутыми. Должно пройти некоторое время, прежде чем они смогут предпринять маневр по сплочению своих сил для атаки любой части британского флота, находящейся в бою, или для оказания помощи своим собственным кораблям; что, действительно, было бы невозможно без смешения с задействованными кораблями.... Британцы на четверть превосходят отрезанного противника. Что-то должно быть оставлено на волю случая. В морском сражении нет ничего определенного, кроме всего прочего. Выстрел снесет мачты и реи как друзей, так и врагов; но я с уверенностью ожидаю победы до того, как авангард противника сможет прийти на помощь

своему тылу; и тогда британский флот, в большинстве своем, будет готов принять свои 20 линейных кораблей или преследовать их, если они попытаются уйти.... Заместитель командующего будет всеми возможными способами направлять передвижения своей линии, сохраняя их настолько компактными, насколько позволит природа обстоятельств. Капитаны должны смотреть на свою конкретную линию как на точку сбора; но в случае, если сигналы не могут быть замечены или четко поняты, ни один капитан не совершит большой ошибки, если поставит свой корабль рядом с кораблем противника”.

Должен ли враг ждать в боевом порядке — как он фактически сделал при Трафальгаре — чтобы принять атаку с наветренной стороны —

“дивизии британского флота будут подведены почти на расстояние пушечного выстрела к центру расположения противника. Наиболее вероятно, что затем будет подан сигнал для ... линии держаться вместе; поднять все свои паруса, даже рулевые, чтобы как можно быстрее приблизиться к линии противника и прорваться сквозь нее, начиная с двенадцатого корабля из тыла противника. Некоторые корабли могут не пройти точно через свое место, но они всегда будут под рукой, чтобы помочь своим друзьям. Если таковые будут переброшены в тыл врага, они эффективно завершат дело 12-й флотилии противника. Если противник соберется вместе или поднимет большие паруса, все равно 12 кораблей, составляющих на первой позиции тыл противника, должны стать объектом атаки с подветренной линии, если только главнокомандующий не прикажет иного, чего вряд ли следует ожидать, поскольку предполагается, что все управление подветренной линией после объявления намерений главнокомандующего будет предоставлено на усмотрение адмирала, командующего этой линией. Остаток вражеского флота ... должны быть переданы в ведение главнокомандующего, который постарается позаботиться о том, чтобы передвижения заместителя командующего прерывались как можно реже”.[8]

ТРАФАЛЬГАР (1805).

Источник.—Саути: *Жизнь Нельсона* (1813).

Вильнев был искусным моряком, достойным служить лучшему хозяину и лучшему делу. Его план защиты был так же хорошо продуман и оригинален, как и план нападения. Он выстроил флот в двойную линию, каждый запасной корабль находился примерно на расстоянии кабельтова с наветренной стороны от второго впереди и за кормой. Нельсон, уверенный в триумфальном исходе на сегодняшний день, спросил Блэквуда, что он должен считать победой. Этот офицер ответил, что, учитывая красивый способ ведения боя, предложенный противником, их очевидную решимость честно померяться силами и ситуацию на местности, он считает, что было бы славным результатом, если бы четырнадцать человек были взяты в плен. Он ответил: “Я не удовлетворюсь ничем, кроме двадцати”. Вскоре после этого он спросил его, не кажется ли ему, что не хватает сигнала. Капитан Блэквуд ответил, что, по его мнению, весь флот, похоже, очень ясно понимает, о чем идет речь. Едва были произнесены эти слова, как прозвучал сигнал, который будут помнить до тех пор, пока будет существовать язык или даже память об Англии, — последний сигнал Нельсона— “Англия ожидает, что каждый человек выполнит свой долг!” Оно было встречено по всему флоту ответными криками одобрения, возвышенными благодаря духу, которым оно дышало, и чувству, которое оно выражало. “Теперь, ” сказал лорд Нельсон, “ я больше ничего не могу сделать. Мы должны довериться великому Распорядителю всех событий

и справедливости нашего дела. Я благодарю Бога за эту прекрасную возможность исполнить свой долг”.

В тот день на нем, как обычно, был адмиральский сюртук с четырьмя звездами различных орденов, которыми он был награжден, на левой стороне груди. Украшения, которые делали его столь заметной приметой для врага, вызывали у его офицеров зловещие опасения. Было известно, что на борту французских кораблей находились стрелки, и можно было не сомневаться, что его жизнь будет подвергнута особой опасности. Они поделились своими опасениями друг с другом, и Хирург мистер Битти обратился к капеллану доктору Скотту и к мистеру Скотту, государственному секретарю, с просьбой, чтобы кто-нибудь упросил его сменить платье или прикрыть звезды; но они знали, что такая просьба вызвала бы у него крайнее неудовольствие. “С честью я завоевал их,” сказал он, когда ему ранее намекнули на это, “и с честью я умру вместе с ними”. Однако мистера Битти ничто не удержало бы от того, чтобы вызвать его неудовольствие, и он сам заговорил бы с ним на тему, касавшуюся блага Англии, а также жизни Нельсона, но ему приказали удалиться с палубы, прежде чем он смог найти возможность. Это был пункт, по которому офицеры Нельсона знали, что возражать или урезонивать его бесполезно; но и Блэквуд, и его собственный капитан Харди объяснили ему, насколько выгодно для флота было бы, если бы он как можно дольше оставался в бездействии; и в конце концов он согласился, чтобы *"Левиафан"* и *"Темерер"*, которые плыли рядом с *"Виктори"*, получили приказ пройти вперед. Но даже здесь проявилась последняя слабость этого благородного ума; ибо эти корабли не смогли бы пройти вперед, если бы *Виктори* продолжала нести все свои паруса, а Нельсон был так далек от того, чтобы сократить паруса, что было очевидно, что ему доставляло удовольствие настаивать и лишать их возможности выполнять его собственные приказы. В Кадисском заливе поднималась сильная зыбь. Наши корабли, подняв все паруса, величественно двигались перед ней при легком юго-западном ветре. Солнце сверкало на парусах противника, и их стройная линия с многочисленными трехпалубниками производила впечатление, которое любой другой нападающий счел бы устрашающим; но британские моряки только восхищались красотой и великолепием этого зрелища; и, в полной уверенности в победе над тем, что они увидели, заметили друг другу, какое прекрасное зрелище представляли бы собой эти корабли в Спитхеде!

Французский адмирал с *"Буцентура"* увидел новый способ наступления своего врага — Нельсон и Коллингвуд, каждый во главе своей линии; и, указав на них своим офицерам, он, как говорят, воскликнул, что такое поведение не могло не увенчаться успехом. И все же Вильнев с величайшим мастерством провел собственную диспозицию, и флоты под его командованием ждали атаки с совершенным хладнокровием. За десять минут до двенадцати они открыли огонь. Восемь или девять кораблей, находившихся непосредственно перед *"Викторией"* и по ее носу, открыли по ней одиночный огонь из пушек, чтобы убедиться, находится ли она еще в пределах их досягаемости. Как только Нельсон понял, что их выстрел прошел над ним, он пожелал, чтобы Блэквуд и капитан Провс с *Сириуса* отправились на свои соответствующие фрегаты и по пути сообщили всем капитанам линейных кораблей, что он зависит от их усилий; и что, если при предписанном способе атаки они сочтут невозможным немедленно вступить в бой, они могут применить все, что сочтут лучшим, при условии, что это приведет их быстро и вплотную к врагу. Когда они стояли на носу юта, Блэквуд взял его за руку, сказав, что надеется вскоре вернуться и застать его обладателем двадцати призов. Он ответил: “Да благословит тебя Бог, Блэквуд; я больше никогда не буду стобой разговаривать”.

Противник продолжал стрелять из пушки по "*Виктори*", пока не увидел, что пуля прошла сквозь ее грот-марселевый парус; тогда они открыли бортовой залп, целясь главным образом в такелаж, в надежде вывести судно из строя до того, как оно сможет сблизиться с ними. Нельсон, как обычно, поднял несколько флагов, на случай, если один из них будет сбит. Противник не показывал своих знамен до конца боя, когда они начали чувствовать необходимость иметь их для нанесения удара. По этой причине "*Сантиссима Тринидад*", старая знакомая Нельсона, как он ее называл, была различима только по четырем палубам, и он приказал направить "*Виктори*" на нос этого противника. Тем временем по "*Виктори*" велся непрерывающийся обстрел. Секретарь адмирала был одним из первых, кто пал; он был убит пушечным выстрелом во время разговора с Харди. Капитан морской пехоты Эдер с помощью матроса попытался убрать тело с глаз Нельсона, который очень уважал мистера Скотта; но тот с тревогой спросил: "Это тот бедняга Скотт, который умер?" и, узнав, что это действительно так, воскликнул: "Бедняга!" Вскоре обоюдоострый выстрел поразил группу морских пехотинцев, стоявших на юте, и убил восьмерых из них, после чего Нельсон немедленно приказал капитану Адеру рассредоточить своих людей по кораблю, чтобы они не так сильно страдали, находясь вместе. Через несколько минут после этого выстрел ударил в фок-брасы на шканцах и прошел между Нельсоном и Харди, осколок от борта оторвал пряжку у Харди и поранил ему ногу. Оба остановились и с тревогой посмотрели друг на друга; каждый предположил, что другой ранен. Затем Нельсон улыбнулся и сказал: "Это слишком тяжелая работа, Харди, чтобы долго продолжаться".

С "" до сих пор не вернули ни одного пистолета. Пятьдесят человек из ее команды были к этому времени убиты или ранены, а ее грот-марса со всеми парусами и гонами была снесена. Нельсон заявил, что во всех своих сражениях он не видел ничего, что могло бы превзойти хладнокровие его команды в этом случае. В четыре минуты первого она открыла огонь с обоих бортов своей палубы. Было невозможно прорвать линию противника, не перебравшись на борт одного из их кораблей. Харди сообщил ему об этом и спросил, что бы он предпочел. Нельсон ответил: "Выбирай сам, Харди; это мало что значит". Капитану было приказано положить руль влево, и "*Виктори*" поднялась на борт "*Редутейбл*" как раз в тот момент, когда с нее сорвало канаты румпеля. Французский корабль встретил ее бортовым залпом; затем немедленно опустил иллюминаторы нижней палубы, опасаясь попасть через них на abordаж, и после этого ни разу не выстрелил из большого орудия во время боя. Ее верхушки, как и у всех кораблей противника, были заполнены стрелками. Нельсон никогда не размещал мушкетную стрельбу на своих верхушках. Ему очень не нравилась эта практика не только потому, что она чревата поджогом парусов, но и потому, что это смертоносный вид войны, в результате которой могут пострадать отдельные люди, а командира время от времени убирают, но которая никогда не может решить судьбу общего сражения.

Капитан Харви на "*Темере*" упал на борт *Redoubtable* с другой стороны. Другой враг подобным же образом находился на борту "*Темерепа*"; так что эти четыре корабля образовали такой плотный эшелон, как если бы они были пришвартованы вместе, причем их носы были расположены в одну и ту же сторону. Лейтенанты с "*Виктори*" видя это, опустили свои орудия на средней и нижней палубах и стреляли уменьшенным зарядом, чтобы пуля не прошла на вылет и не повредила капитана. И поскольку существовала опасность, что *Redoubtable* может загореться из орудий нижней палубы, дула которых при разрядке касались борта, кочегар каждого орудия стоял наготове с ведром воды, которое, как только орудие разряжалось, он выливал в пробоину,

образовавшуюся от выстрела. С "*Виктори*" велся непрерывный огонь с обоих бортов, орудия ее левого борта стреляли по "*Буцентауре*" и огромной "*Сантиссима Тринидад*".

Это было частью молитвы Нельсона о том, чтобы британский флот отличился человечностью в победе, на которую он рассчитывал. Подавая пример самому себе, он дважды отдавал приказы прекратить огонь по *Redoubtable*, полагая, что она попала в цель, потому что ее большие орудия молчали; поскольку на ней не было флага, не было возможности немедленно удостовериться в этом факте. С этого корабля, который он таким образом дважды пощадил, он принял свою смерть. Пуля, выпущенная с ее бизань-мачты, которая при тогдашнем положении двух судов находилась не более чем в пятнадцати ярдах от той части палубы, где он стоял, попала в эполет на его левом плече примерно без четверти час, как раз в разгар боя. Он упал ничком, на то место, которое было залито кровью его бедного секретаря. Харди, находившийся в нескольких шагах от него, обернувшись, увидел, как трое мужчин поднимают его. "Наконец-то они покончили со мной, Харди", - сказал он. "Надеюсь, что нет", - воскликнул Харди. "Да, - ответил он, - у меня прострелен позвоночник". И все же даже сейчас, ни на минуту не теряя присутствия духа, он заметил, когда его несли вниз по трапу, что отстреленные канаты румпеля еще не заменены, и приказал немедленно натянуть новые; затем, чтобы команда не увидела его, он достал носовой платок и прикрыл лицо и звезды. Если бы он только скрыл эти знаки отличия от врага, у Англии, возможно, не было бы причин с горечью воспринять известие о Трафальгарской битве. Кокпит был битком набит ранеными и умирающими, через тела которых с некоторым трудом перенесли и уложили на тюфяк в мичманской каюте. При осмотре вскоре выяснилось, что рана смертельна. Это, однако, было скрыто от всех, кроме капитана Харди, капеллана и санитаров. Сам он, будучи уверен по ощущению в спине и приливу крови, который он на мгновение ощутил в груди, что никакая человеческая помощь ему не поможет, настоял на том, чтобы Хирург оставил его и занялся теми, кому он мог быть полезен; "потому что, - сказал он, - вы ничего не можете для меня сделать". Все, что можно было сделать, это обмахивать его бумагой и часто поить лимонадом, чтобы утолить его сильную жажду. Он испытывал сильную боль и выражал большое беспокойство по поводу событий акции, которые теперь начали заявлять о себе. Всякий раз, когда корабль терпел крушение, команда "*Виктори*" кричала "ура", и при каждом возгласе "ура" в глазах умирающего героя появлялось видимое выражение радости. Но ему не терпелось увидеть капитана Харди; и поскольку этот офицер, за которым часто посылали, не мог покинуть палубу, Нельсон опасался, что какая-то роковая причина помешала ему, и неоднократно кричал: "Неужели никто не приведет Харди ко мне? Он должен быть убит! Он наверняка мертв!" Прошел час и десять минут с того момента, как Нельсон получил ранение, прежде чем Харди смог подойти к нему. Они молча пожали друг другу руки, Харди тщетно пытался подавить чувства, вызванные этим самым болезненным и в то же время самым возвышенным моментом. "Ну, Харди," сказал Нельсон, - как у нас проходит день? - Очень хорошо, - ответил Харди. - десять кораблей нанесли удар, но пять из авангарда изменили курс и демонстрируют намерение атаковать "*Виктори*". Я вызвал два или три наших свежих корабля и не сомневаюсь, что задам им трепку. "Я надеюсь, - сказал Нельсон, - что ни один из наших кораблей не атаковал". Харди ответил: "Я этого не опасался". Тогда, и только после этого, Нельсон заговорил о себе. "Я покойник, Харди," сказал он. "Я уйду быстро; скоро со мной все будет кончено. Подойди ко мне поближе. Передайте моей дорогой леди Гамильтон мои волосы и все остальные принадлежащие мне вещи". Харди заметил, что надеется, что у мистера Битти еще есть какие-то перспективы в жизни. "О нет!" - ответил он. "Это невозможно.

У меня прострелена спина. Битти вам это скажет.” Затем капитан Харди еще раз пожал ему руку и с сердцем, которое чуть не разрывалось, поспешил на палубу.

К этому времени всякая чувствительность ниже груди исчезла; и Нельсон, убедившись в этом у Хирурга, сказал ему: “Ты знаешь, что я умер, я знаю это. Я чувствую, как что—то поднимается в моей груди, — он положил руку на левый бок, - и это говорит мне об этом.” И на вопрос Битти, была ли его боль очень сильной, он ответил: “Настолько сильной, что он хотел бы умереть. И все же, - сказал он, понизив голос, - человеку тоже хотелось бы пожить немного дольше! И через несколько минут тем же вполголоса добавил: “Что стало бы с бедной леди Гамильтон, если бы она узнала о моем положении!” Рядом с его страной она занимала его мысли. Капитан Харди вернулся примерно через пятьдесят минут после того, как покинул рубку, и, снова взяв за руку своего умирающего друга и командира, поздравил его с одержанной полной победой. Сколько из врагов было взято в плен, он не знал, так как невозможно было различить их отчетливо; но, по крайней мере, четырнадцать или пятнадцать. “ Это хорошо, ” воскликнул Нельсон, “ но я рассчитывал на двадцать. А затем, окрепшим голосом, он сказал: “Якорь, Харди, якорь”. Харди в ответ намекнул, что адмирал Коллингвуд возьмет на себя руководство делами. “Нет, пока я жив, Харди”, - сказал умирающий Нельсон, безуспешно пытаясь подняться с постели. “Снимайся с якоря”. Его предыдущий приказ о подготовке к снятию с якоря показал, насколько ясно он предвидел необходимость этого. Вскоре он подозвал Харди и тихо сказал ему: “Не выбрасывай меня за борт”, - и пожелал, чтобы его похоронили рядом с родителями, если только королю не будет угодно распорядиться иначе. Затем, возвращаясь к личным чувствам: “Позаботься о моей дорогой леди Гамильтон, Харди, позаботься о бедной леди Гамильтон. Поцелуй меня, Харди”, - сказал он. Харди опустился на колени и поцеловал его в щеку, и Нельсон сказал: “Теперь я удовлетворен. Слава Богу, я выполнил свой долг”. Харди минуту или две молча стоял над ним, затем снова опустился на колени и поцеловал его в лоб. “Кто это?” - спросил Нельсон; и, получив информацию, он ответил: “Да благословит тебя Бог, Харди”. И тогда Харди покинул его — навсегда.

Нельсон теперь пожелал, чтобы его повернули на правый бок, и сказал: “Лучше бы я не уходил с палубы, потому что скоро меня здесь не будет”. Смерть, действительно, быстро приближалась. Он сказал капеллану: “Доктор, я не был великим грешником”, - и после короткой паузы добавил: “Помните, что я оставляю леди Гамильтон и мою дочь Горацию в наследство моей стране”. Теперь его речь стала затрудненной, но было отчетливо слышно, как он произнес: “Слава Богу, я выполнил свой долг”. Эти слова он произносил неоднократно; и это были последние слова, которые он произнес. Он скончался через тридцать минут четвертого — через три часа с четвертью после того, как получил ранение....

The *Редутэйбл* нанесла удар в течение двадцати минут после того, как из нее был произведен смертельный выстрел. За это время она дважды загоралась — в носовых цепях и на баке. Французы, как они поступали в других сражениях, использовали при этом огненные шары и другие горючие вещества; орудия разрушения, которые другие нации из чувства чести и человечности отложили в сторону; которые усугубляют страдания раненых, не определяя исхода сражения; которые никто, кроме жестоких, не стал бы применять и которые никогда не могут быть успешными против храбрых. Однажды им удалось поджечь от *Redoubtable* несколько веревок и брезента на *стрелах Victory*. Крик разнесся по кораблю и достиг кокпита; но даже этот ужасный крик не вызвал замешательства: матросы проявили то совершенное самообладание перед лицом опасности, которым характеризуются английские моряки; они

потушили пламя на борту своего корабля, а затем поспешили потушить его на вражеском, выплеснув ведра воды с трапа. Когда "Редутейбл" ударился о борт, было невозможно подняться на борт с "Виктори; ибо, хотя два корабля соприкоснулись, верхние конструкции обоих обрушились настолько, что между их сходнями образовалось большое пространство; и на борт "Редутейбл" нельзя было подняться с нижней или средней палубы, потому что у него были опущены иллюминаторы. Несколько наших людей подошли к лейтенанту Квиллиаму и предложили проплыть под его носом и подняться туда; но было сочтено неприличным рисковать жизнями храбрецов таким образом.

То, что сделали бы наши люди из доблести, некоторые члены экипажа "*Сантиссимы Тринидад*" сделали, чтобы спастись. Не в силах выдержать чудовищный огонь *Виктори*, орудия левого борта которой действовали против этого огромного четырехпалубного судна, и не зная, как еще спастись от него, ни где еще укрыться, многие из них прыгнули за борт и поплыли к *Виктори*: англичане действительно помогли им взобраться на борт во время боя. Испанцы начали сражение с меньшим энтузиазмом, чем их недостойные союзники, но продолжили его с большей твердостью. *Аргонаута* и *Багама* оборонялись до тех пор, пока каждый из них не потерял около четырехсот человек; *Сан-Хуан-Непомусено* потерял триста пятьдесят. Превосходство британской отваги на море часто доказывалось против Франции, но никогда оно не было более заметным, чем в этом решающем конфликте. Пять наших кораблей вступили в бой лицом к лицу с пятью французскими. Во всех пяти французы опустили иллюминаторы нижней палубы и бросили свои орудия; в то время как наши люди продолжали целенаправленно заряжать и стрелять, пока не обеспечили победу....

Общие потери британцев в Трафальгарской битве составили тысячу пятьсот восемьдесят семь человек. Двадцать из них были атакованы противником. Но флот не смог встать на якорь, как приказал Нельсон; с юго-запада налетел шторм. Часть призов пошла ко дну, часть вынесло на берег; одному удалось скрыться в Кадисе; другие были уничтожены. Спаслись только четверо, и те ценой величайших усилий. Раненых испанцев отправили на берег, заверив, что они не будут служить до тех пор, пока их не обменяют должным образом; и испанцы с великодушием, которого, возможно, не было бы ни у одного другого народа, предложили воспользоваться своими госпиталями для наших раненых, пообещав честью Испании, что за ними там будет оказана тщательная помощь. Когда шторм после сражения выбросил некоторые из трофеев на берег, они заявили, что англичане, которые таким образом попали в их руки, не должны рассматриваться как военнопленные; и испанские солдаты уступили свои кровати потерпевшим кораблекрушение врагам. Испанский вице-адмирал Альва скончался от полученных ран. Вильнева отправили в Англию, и ему разрешили вернуться во Францию. Французское правительство утверждает, что он покончил с собой по пути в Париж, опасаясь последствий военного трибунала; но есть все основания полагать, что тиран, который так и не признал поражение в Трафальгарской битве, добавил Вильнева к многочисленным жертвам своей убийственной политики.

МЛАДШИЙ ПИТТ (1806).

Источник.— Сэр В. Скотт.

Я.

О, ужасным было время и еще более ужасным предзнаменование,
Когда храбрецы на Маренго лежали напрасно убитыми,
И, видя, как широкая Европа склоняется перед ее врагами,
Питт в своей тоске закрыл карту ее правления!

Судьба обширной Европы не смогла сломить его храбрый дух,
Чтобы его страна обрела безопасность позора;
О, тогда в ее триумфе вспомните о его духе,
И освятите кубок, который наполняется в его честь.

II.

Над головой земледельца, когда он прокладывает борозду,
Зимние туманы могут смешаться с дождем.
Он может вспахивать ее с трудом и сеять в печали,
И вздыхать, опасаясь, что посеял ее напрасно;
Он может умереть прежде, чем его дети соберут урожай в своей радости;
Но веселый дом сбора урожая вспомнит его притязания;
И их юбилейный крик смягчится печалью,
Пока они освящают кубок, который течет в его честь.

III.

Хотя его жизнь была прожита тревожно и неподвластно времени,
она трудилась ради нашей страны, сохраненной его заботой,
Хотя он умер до того, как взошел хоть один луч над нациями,
Чтобы осветить долгую тьму сомнений и отчаяния;
Бури, которые он пережил в декабре в нашей Британии,
Опасности, которые его мудрость предвидела и которые произошли,
В богатой жатве своей славы Британия вспомнит,
И освятит кубок, который течет в его честь.

СЛУЖЕНИЕ ВСЕМ ТАЛАНТАМ (1806).

Источник.—*Дневники ... Джеймс Харрис, первый граф Малмсбери, 1844. Том iv., стр. 349.*

1 февраля.— Его королевское высочество был холоден со мной в течение нескольких дней; но когда он обнаружил, что мое мнение преобладает, и даже мнение самого короля, он очень великодушно уступил и, послав за мной, честно признался в своей ошибке, оставив меня более довольным им, чем раньше. Новое министерство было назначено через несколько дней после этого.

Лорд Гренвилл и Фокс были двумя его лидерами, а их соответствующие сторонники и друзья входили в состав Кабинета министров.^[9]

Принц Уэльский пошел с ними самым искренним и *неподобающим* образом и унизил свое достоинство, помогая должности и мест для своих иждивенцев и унижая себя до размеров обычного партийного лидера.

С этого момента я полностью отдалился от официальных лиц, твердо решив действовать так, как если бы мистер Питт был жив, и пытаться регулировать свое политическое поведение и поведение тех, на кого я оказывал влияние, в отношении того, что, как я предполагал, было бы его поведением, будь он все еще жив, на своем посту или вне его.

Я рассказал об этом лордам Батерсту и Кэмдену 27 января, считая, что эти двое более *личной* менее политически привязаны к нему, чем кто-либо другой, не исключая самого Каннинга.

4 февраля лорд Кэррингтон пришел ко мне в связи с тем, что я расспрашивал его о том, проявляет ли он интерес в Кембриджском университете к лорду Пальмерстону. Это он пообещал мне самым любезным образом; но я был удивлен, когда, оплакивая смерть мистера Питта и говоря о мудрости и уместности совместных действий его друзей в соответствии с его доктринами и принципами, обнаружил, что лорд Кэррингтон относится к этому вопросу без энтузиазма. Он сказал, что, по его мнению, *“теперь мы все свободны действовать так, как нам заблагорассудится. Все союзные узы были расторгнуты; ни у кого не осталось обязательств поддерживать партию, которая потеряла своего лидера, а с ее лидером - все”*. Он сказал это в такой очень позитивной манере, что я удовлетворился тем, что сказал, что мои чувства прямо противоречат его чувствам, но что не мое дело спорить с ним по вопросу, основанному скорее на чувствах, чем на партийности. Лорд Кэррингтон был неистощим в своих скорбях по поводу смерти Питта и в равной степени заявлял о своей дружбе, благодарности к нему и уважении к его памяти, и в качестве доказательства он привел свое пожелание, чтобы часть долгов мистера Питта, возникших в результате займа, который его друзья помогли собрать для него в 1800 году, не была возвращена, когда их предметы будут представлены в Палату представителей.

[Примечание. Палата представителей проголосовала за публичные похороны и выплату долгов мистера Питта сразу после его смерти, чему Уиндхэм (как ни странно) воспротивился, мотивируя это тем, что Берку не были назначены публичные похороны.] Лорд Кэррингтон, однако, сказал, что его решение было отклонено епископом Линкольнским Преттименом^[10] (который был частным репетитором Питта в Кембридже), который заверил его, что это была одна из последних предсмертных просьб Питта о том, чтобы шестерым друзьям, которые ссудили ему определенные суммы, был возвращен долг. (Это были лорд Батерст и Кэррингтон, Стил, епископ Линкольнский, и двое других, которые в то время никогда не принимали никакого признания и никогда не ожидали, что им оплатят.) Это утверждение епископа Линкольнского, по словам лорда Кэррингтона, заставило его заткнуться, и долг был перед Палатой представителей, что увеличило его (Питта) долги до 43 000 фунтов стерлингов.

Министры спокойно и с очень большим большинством голосов продолжали работу в течение всего 1806 года. В июне была предложена идея подтолкнуть их к этому до перерыва, и у меня было несколько бесед на эту тему с Каннингом и одна с Персивалем, а также постоянные беседы с герцогом Портлендским, который чудесным образом выздоровел после операции по поводу камня.

ВОЕННЫЕ ПЛАНЫ (1806).

Источник.—*Дневник лорда Колчестера, 1861. Том ii., стр. 49.*

Палате общин.—Г-н Фокс посещал; и Мистер Уиндэм открыл свои военные планы: около 350 членов, присутствующих. Его речь продолжалась четыре часа. Следующим выступил лорд Каслри — около полутора часов. Мистер Фокс - около часа, и столько же мистер Йорк; за ним последовали сэр Джеймс Поултни, генерал Тарлтон, полковник Кроуферд и другие. Палата представителей поднялась в половине второго без всякого разделения, и было дано разрешение внести четыре счета. Первый из которых был за отмену Закона о дополнительных силах, или приходском рекрутинге; остальные за дальнейшее приостановление голосования в ополчении; изменение Закона о массовом сборе или обучении; и за увеличение привилегий и пособий больницы Челси.

План мистера Уиндхэма состоял в следующих пунктах:

1. Снабжать, содержать и увеличивать регулярную армию путем набора на многолетний срок с возобновлением службы по истечении семи и четырнадцати лет: даже на дополнительный период; в целом получается двадцать один год. Второй и третий периоды возобновленной службы сопровождаются небольшим повышением заработной платы, *например*, 6 пенсов за первый период и 1 пенс в неделю за второй период, а также увеличенной пенсией в Челси каждому солдату по истечении двадцати одного года. Также увеличение пенсий вдовам и Списка сочувствующих; и это должно быть единственным способом вербовки.
2. Постепенно сократить численность ополчения до первоначального или самого низкого уровня, а именно. около 36 000 человек для Англии, не заполняя вакансии.
3. Расходы волонтерской организации должны быть сокращены за счет увольнения инспектирующих сотрудников на местах, постоянного денежного довольствия и снижения высоких надбавок до самой низкой ставки, называемой августовскими надбавками. Выдача одежды, которая должна быть выпущена в настоящее время (уже четвертый год), будет продолжена только для этого выпуска, и в дальнейшем ни одно лицо, ставшее добровольцем, не получит никакой помощи от правительства, кроме оружия; и освобождение от действия Закона об общем обучении.
4. Все лица призывного возраста, от восемнадцати до сорока лет, подлежат обучению обращению с оружием по призыву классов, но не зачислению в корпус; а также освобождаются от обучения либо путем вступления в добровольческий корпус, либо уплаты штрафа; и количество обучаемых, *например*, 100 000 человек в течение одного года, выбирается по жребию из данных классов.

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЭМАНСИПАЦИЯ (1807).

I. Дневник лорда Колчестера.

Источник.—*Дневник лорда Колчестера, 1861. Том ii., стр. 92.*

[Февраль.] 28—е. -Лорд Хоксбери обратился к католическим положениям Законопроекта о мятеже, чтобы выразить свою тревогу, а также тревогу архиепископа Кентерберийского,

Персиваля и сэра Уильяма Скотта по поводу предполагаемого расширения ирландского закона 1793 года, который теперь позволяет католикам быть генералами в Штате.

Воскресенье, 1 марта.— Звонил лорд Сидмут. Он пожелал передать мне свою решимость не соглашаться на предоставление католикам свободы занимать должности в штате. Лорд Сидмут с трудом убедил короля согласиться даже распространить действие Ирландского закона 1793 года на офицеров-католиков в армии, когда они придут в Англию; но в конце концов он присоединился к нему, как строгое следствие Унии; действовавший тогда ирландский закон был фактически принят для Англии. Лорд Хоуик признал, что в Палате общин он никак иначе не намекал на свое уведомление. Герцог Бедфорд и ирландское правительство понимали то же самое и объяснили, что уступка на этом основании распространяется только на католиков Дублина. Что теперь, поскольку протокол заседания Кабинета был сформулирован в общих чертах, было предложено ввести его в действие в самом широком смысле; и у короля снова следовало спросить его согласия. Кабинет министров собирался провести в этот день заседание по этой конкретной теме.

2—й. - Звонил лорд Сидмаут. Вчера Кабинет министров разошелся в решении продолжить действие католических статей, хотя они признали, что король не был конкретно ознакомлен с той частью меры, которая позволяла католикам становиться генералами в штате; и хотя лорд Сидмут согласился только на применение закона 1793 года; и хотя лорд Генри Петти, и лорд Холланд, и лорд Хоуик признали, что он никогда не соглашался на большее; и хотя лорд Хоуик признал, что в своем уведомлении Палате общин он не имел в виду какой-либо более масштабной меры, и т.д. и т.п. Но лорд Сидмут согласился только на применение закона 1793 года. Гренвилл отказался быть тем человеком, который должен снова изложить эту тему королю или спросить его согласия на это. Лорд Сидмут сказал, что он, конечно, не будет вмешиваться, предлагая королю свой совет; но когда он увидится с королем в среду, он должен, по просьбе короля, высказать свое собственное мнение и действовать в соответствии с ним, независимо от того, санкционирован он королем или нет; и так Кабинет министров разошелся.

В Палате общин лорд Ховик впервые упомянул при мне католические положения и спросил, считаю ли я, что они должны обязательно проходить через Комитет всей Палаты, поскольку имеют религиозное значение. Я сказал ему, что на самом деле мне это никогда не приходило в голову, но я разберусь с этим и дам ему знать; и хотя я полностью не одобряю то, что он задумал, это не причина, по которой мы не могли бы свободно обсудить все формы судебного разбирательства.

Палата представителей заседала с шести вечера до шести утра, заслушивая адвоката и свидетелей по вестминстерской петиции, в которой они жаловались на мистера Шеридана за вмешательство в показания свидетелей.

3—й. - Поиск прецедентов для католических статей. Лорд Хоуик отложил рассмотрение законопроекта о мятеже. Я показал ему собранные мной прецеденты. Он надеялся, что “я не должен принимать никакого участия в работе Комитета”. Но я сказал ему, что “я неизбежно должен это сделать”.

4—е.—Лорд Хоуик написал мне следующую записку:-

[Частное.]

Стрэттон-стрит,
4 марта 1807 года.

Мой дорогой сэр,

Я полагаю, что изменю свой курс действий в соответствии с новыми пунктами и вместо этого внесу новый законопроект. Поскольку *мера* является предметом уведомления для обсуждения сегодня, хотя и в другой форме, я считаю само собой разумеющимся, что не может быть возражений против моего ходатайства о разрешении внести законопроект, если я в конечном итоге решу это сделать, вместо того, чтобы вносить инструкцию по пунктам в комитет.

Боюсь, я был виновен в упущении, не представив обращение в ответ на послание короля, которое, как я вижу, было сделано вчера в Палате лордов; но, поскольку соглашение не было представлено на рассмотрение Палаты, и единственным вопросом, по которому Палата должна была рассматривать, было голосование по деньгам, я подумал, что это лучший способ передать сообщение Комитету снабжения; в котором было предложено проголосовать сегодня за сумму, авансированную королю Пруссии. Не будете ли вы так добры сообщить мне, когда я приду в Дом сегодня, было ли это обычным порядком действий; или, если это не будет сочтено достаточно уважительным, можно ли сейчас что-нибудь сделать, чтобы исправить ошибку.

Я, мой дорогой сэр,
Всегда искренне ваш,
Ховик.

Он пил со мной чай в моей комнате за креслом. Я сказал ему, что хотел бы, чтобы он ограничил свой законопроект ирландским законом 1793 года. С этим я мог бы согласиться; но не без такого же исключения из высших военных чинов. Он сказал: “Это был всего лишь *небольшой предмет*”. Я ответил: “Но принцип велик. Вы никогда не удовлетворите мистера Кифа”. Он сказал: “О, я и не думал пытаться сделать это. Но я слишком много сказал на эту тему, чтобы оставить все как есть; мы должны делать то, что удовлетворяет нас, независимо от того, удовлетворяет это мистера Кифа или нет”.

II. Письмо герцога Портлендского королю.

Источник.—*Дневники и переписка Джеймса Харриса, первого графа Малмсбери, 1844. Том iv., стр. 360.*

Копия письма герцога Портлендского королю, отправленного в четверг вечером, 12 марта 1807 года, в Дом королевы, подтвержденная полковником Тейлором в пятницу утром, 13-го.

Берлингтон-Хаус,
12 марта 1807 года.

Сэр,

Я настолько осознаю свою самонадеянность, обращаясь к вашему Величеству по вопросу публичного характера, что ничто, кроме уверенности, которую я питаю к доброте вашего

Величества, и привязанности, которую я испытываю к вашему Величеству, не побудило бы меня сделать это. Но это тема такого бесконечного масштаба, что, если бы я промолчал, я чувствую, что заслуживаю того, чтобы лишиться того, что я больше всего хочу, чтобы со мной считались, чтобы ваше Величество смотрели на меня как на одного из самых верных и преданных подданных и слуг вашего Величества.

Ваше величество, вероятно, предвосхитит тему, по которой я не могу не выразить своего беспокойства, чтобы сложить свои чувства к ногам вашего Величества.

Это законопроект, только что предложенный лордом Хоуиком о предоставлении индульгенций католикам; мера, с которой, если бы какая-либо особенность обстоятельств побудила ваше Величество согласиться, я все равно думал бы, что, следуя велениям моей собственной совести и голоса против нее, я не оскорбил бы ваше Величество.

Но, как бы я ни был убежден в том, какими должны быть мнения и пожелания вашего Величества, я не смог бы простить себе, если бы скрыл от вашего Величества, что ваше мнение ошибочно и ваши желания не всегда поняты; и, смиренно позвольте мне заявить вашему Величеству, что иначе и быть не может, поскольку один из главных министров вашего Величества в Палате общин вносит Законопроект. Если я ошибаюсь, и ваше Величество не дали своего согласия на эту меру в ее нынешнем виде, я не испытываю особых опасений, высказывая свое мнение о том, что в конечном итоге она может потерпеть неудачу в своем продвижении, хотя, я боюсь, не раньше, чем она поступит в Палату лордов; но для этой цели я должен честно заявить вашему Величеству, что ваши пожелания должны быть четко известны, и что у ваших нынешних министров не должно быть никакого предлога для двусмысленности по этому вопросу или каких-либо оснований притворяться, что они не знают о чувствах и решимости вашего Величества не только не санкционировать нынешнюю меру, но и использовать все свое влияние, чтобы противостоять этому.

Эффект от такого разбирательства настолько очевиден, что я бы не предлагал его, если бы не считал, что дело вашего Величества застопорилось бы в таком случае; и что лица, способные и желающие взять на себя управление делами вашего Величества, не были бы готовы выступить (если ваше Величество сочтет нужным обратиться к ним). Но для этой цели было бы крайне необходимо и выгодно, чтобы общественность узнала о необходимости, к которой было вынуждено ваше Величество, передать ведение ваших дел в руки тех, кто сейчас ими управляет; что для этой цели вашему Величеству следует послать за лордом Гренвиллом и четко заявить ему, что либо ваши чувства были представлены неверно, либо что вы никогда не соглашались на меру, предложенную лордом Хоуиком, и что, в соответствии с единодушно выраженным вашим Величеством мнением, она никогда не могла и не хотела бы получить вашего королевского согласия. Тогда лорду Гренвиллу и его коллегам оставалось бы занять свою сторону; возможно, они уступили бы и по-прежнему оставались министрами вашего Величества; но, если бы они отказались подчиниться желанию вашего Величества, необходимость привлечения других лиц стала бы очевидной для всего мира. Намерения (которые мои чувства, возможно, заставляют меня несправедливо приписывать им) больше не могли быть ошибочными, а именно: что самые почитаемые и священные барьеры нашей конституции должны быть подорваны с целью введения новой системы в Церкви и государстве, и что ваше Величество было доведено до необходимости подчиниться им или поссориться с вашим парламентом.

При таких обстоятельствах я не могу не верить и не боюсь заверить ваше Величество, что нация, а также отдельные люди выступят в поддержку установленных законов королевства, и что будут найдены люди, способные продолжать дело вашего Величества с талантами и способностями, равными талантам и способностям ваших нынешних министров. Если ваше Величество полагает, что при формировании такой Администрации я могу предложить вашему Величеству какие-либо услуги, я предан приказам вашего Величества; но, говоря это, я сознаю, что мой возраст, мои немощи и недостаток способностей не рассчитаны на столь высокое доверие. Я, однако, могу сказать, что если в этот очень важный кризис ваше Величество призовет меня, я буду служить вам ревностно и преданно до конца своего существования.^[11]

ПАРТИЙНАЯ ПОЛИТИКА (1807).

Источник.—Выписка из Проспекта *Эксперта*. Автор: Ли Хант.

Величайшая ошибка политиков - это старая фантазия Солона, который настаивал на том, что для гражданина позорно не принадлежать к какой-либо партии, и пытался с помощью закона сделать афинян лицемерами. Это тщеславие не только разрушает всякую идею посредничества между двумя сторонами, но даже не предполагает, что обе стороны могут быть неправы. И все же вся история может убедить нас, что тот, кто решительно заявляет о своей принадлежности к какой-либо партии, рискует впасть во все крайности ради одной лишь репутации своего мнения: он будет доказывать наиболее очевидные ошибки того или иного государственного деятеля, потому что до сих пор соглашался с ним, - упрямство столь же глупое, как если бы пешеход выражал свое удовлетворение ночной бурей, потому что утром он наслаждался солнечным светом.

Большие и малые эндианцы в "*Гулливере*" еще не научили нас безумию простой вечеринки: и одна из самых нелепых непоследовательностей в человеческом характере - это то удовольствие, которое все века выражалось в сатирических постановках, не получая от них пользы: они пьют лекарство с дерзким и приятным видом и немедленно готовятся противодействовать его действию; или, скорее, каждый человек считает, что лекарство превосходно для всех, кроме него самого. — "Вечеринка, - говорит Свифт, - это безумие многих ради выгоды немногих". Когда *Скарментадо* из "Вольтера" прибыл в Испахан, его спросили, предпочитает ли он черную баранину или белую: он ответил, что ему это одинаково безразлично, при условии, что она нежная. Мудрый человек не знает ни одной партии, абстрагированной от своей полезности или существующей, подобно тени, только из-за противодействия какого-либо органа. И все же в наши дни мы все настолько ошибочно общительны, что каждый человек, равно как и каждый журнал, должен принадлежать к какому-то классу политиков; он либо питтит, либо фоксит, виндхамит, Уилберфорсайт, либо бердеттит; хотя в то же время две трети этих возмутителей спокойствия в кофейнях могли бы с таким же основанием называть себя хивитами, или сунамитами, или, возможно, бедламитами.

БЕРЛИНСКИЕ ДЕКРЕТЫ (1807).

Источник.—*Дневник лорда Колчестера*, 1861. Том ii., стр. 134.

Вторник, 1 декабря.—Получил следующее письмо от Персиваля:

Уважаемый господин спикер,

Парламент соберется только в четверг после дня рождения. Я виноват в том, что не отправил вам раньше разведданных, но день был назначен только в прошлую среду, и о решении не встречаться до дня рождения, если этого не потребуют обстоятельства, я сообщил вам заранее.

* * * * *

Работа по пересмотру законодательства о торговле и мореплавании в том, что касается принципов войны, для всего мира занимала меня неослабно в течение длительного времени; и предмет настолько обширен, а комбинации настолько разнообразны, что, даже предполагая, что наши принципы верны, я не могу надеяться, что выполнение принципа не должно быть во многих отношениях ущербным; и я не сомневаюсь, что нам придется некоторое время следить за этим с помощью новых положений и регламентов.

Краткий принцип заключается в том, что торговля британскими продуктами и мануфактурами, а также торговля либо из британского порта, либо с британским пунктом назначения, должна быть максимально защищена. С этой целью все страны, где преобладает французское влияние, исключая британский флаг, не должны вести никакой торговли, кроме как с этой страной или с ее союзниками. Все остальные страны, те немногие, которые остаются строго нейтральными (за исключением колониальной торговли, которую они могут вести напрямую туда и обратно), не могут торговать иначе, как в качестве союзника с любой из стран, связанных с Францией. Следовательно, если мы сможем достичь наших целей, то дело дойдет до того, что либо у этих стран не будет торговли, либо они должны будут довольствоваться тем, что принимают ее через нас.

Это грозное и потрясающее состояние мира; но все то, что особенно беспокоит интересы Англии, существовало благодаря новой строгости, с которой были приведены в действие декреты Бонапарта об исключении нашей торговли.

Наши действия не усугубляют наших страданий от этого. Если он может помешать нашей торговле, он это сделает; и он сделал бы это, если бы мог, независимо от наших приказов. Наши приказы только дополняют это обстоятельство: они говорят врагу: "если вы не хотите заниматься *нашей* торговлей, насколько мы можем, у вас не будет *ничего*". А что касается той части любой торговли, которую вы можете вести сами, или другие ведут с вами через нас, то, если вы признаете это, вы заплатите за это. Единственная дешевая и необлагаемая налогами торговля, которую вы будете иметь, будет осуществляться либо непосредственно от нас, в виде наших собственных продуктов и мануфактур, либо от наших союзников, чье растущее процветание будет для нас преимуществом.

* * * * *

Искренне ваш,
Ип Персиваль.

ЛА-КОРУНЬЯ (1809).

I. Бюллетень от 21 января.

Источник.—*Дневник лорда Колчестера*. Том ii., с. 164.

[Января.] 21.— Прилагаемый бюллетень был распространен.

Даунинг-стрит,
21 января.

Бригадный генерал Стюарт прибыл этим утром к лорду Каслри с депешами от сэра Джона Мура, датированными Ла-Коруньей 13 сентября, на которую он направил свое отступление, а не на Виго, как он первоначально намеревался. Сэр Джон Мур осуществил свое отступление к Ла-Корунье, потеряв лишь часть своего багажа; неоднократно происходили стычки с арьергардом, в которых мы неизменно отбивали атаки противника, а при Виго сэр Джон Мур предложил противнику бой, но французы отклонили его. Когда бригадный генерал Стюарт покидал Ла-Корунью, силы противника находились поблизости, но считалось, что сэр Джон Мур осуществит свою повторную посадку без особых потерь, поскольку транспорты, за которыми он послал из Виго, входили в бухту Ла-Коруньи, когда генерал Стюарт отплыл 14-го.

II. Похороны сэра Джона Мура в Ла-Корунье (1809).

Источник. Чарльз Вулф.

Я.

Не было слышно ни барабана, ни похоронной ноты,
Когда мы спешили к крепостному валу;
Ни один солдат не сделал своего прощального выстрела
Над могилой, где мы похоронили нашего героя.

II.

Мы похоронили его в темноте, глубокой ночью,
воткнув штыки в землю;
При тусклом свете пробивающегося лунного луча,
И тускло горящем фонаре.

III.

Никакой бесполезный гроб не закрывал его грудь,
мы не завернули его ни в простыню, ни в саван;
Но он лежал, как воин, отдыхающий,
Завернувшись в свой боевой плащ.

IV.

Немногочисленными и короткими были молитвы, которые мы произносили,
И мы не произнесли ни слова скорби;
Но мы пристально смотрели на мертвое лицо

И с горечью думали о завтрашнем дне.

V.

Мы думали, когда взбивали его узкую кровать
И разглаживали его одинокую подушку,
Что враг и незнакомец наступит ему на голову,
А мы далеко-далеко на волне!

VI.

Легкомысленно они будут говорить об ушедшем духе,
И над его остывшим прахом будут его порицать; —
Но он мало что поймет, если они позволят ему спать дальше
В могиле, куда положил его британец.

VII.

Но половина нашей тяжелой задачи была выполнена
, Когда часы пробили сигнал к отходу:
И мы услышали отдаленные беспорядочные выстрелы
, Которые угрюмо вел враг.

VIII.

Медленно и печально мы положили его,
убрав с поля его славы свежим и окровавленным;
Мы не прорезали ни строчки и не подняли ни камня —
Но мы оставили его наедине с его славой!

ВАЖНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ (1809).

Источник.—*Дневники ... Уважаемый . Джордж Роуз*, 1860. Том ii., стр. 336.

Лорд Малгрейв мистеру Роузу.

Адмиралтейство,
4 февраля 1809 г..

Моя дорогая Роза,

Мне, должно быть, всегда неприятно не соглашаться сразу ни на одну меру, предложенную вами и Каннингом; тем более что я обнаружил, что Меморандум попал в руки клерков Совета еще до того, как у меня появилась возможность ответить на ваше письмо.

С тех пор, как я вступил в должность, я исходил из всех вопросов увеличения окладов, исходя из сильного впечатления важности общественной экономии и полного убеждения, что повышение любого отдельного оклада не останавливается на достигнутом, а вызывает крик о требовании, основанный на относительных обязанностях и ранге, с видом справедливости, вытекающей из прецедентного права; что предполагает либо чрезмерное увеличение платы с населения, либо обвинение в грубости и несправедливости лица, облеченного властью, которое отвергает авторитет прецедентного права и отказывается от требуемого увеличения. Я чувствую, насколько невозможно для меня следовать изложенному мною принципу ни с комфортом для себя, ни с пользой для общества, если я буду следовать ему в одиночку. По всем требованиям клерков о повышении жалованья я консультировался с Персивалем, чтобы выяснить, насколько такое повышение повлияет на общие расходы государственных фондов; потому что я знаю, что за повышением в одном департаменте должно последовать такое же повышение во всех других. Я отказался, по представлению Персиваля, от важнейшей и почти необходимой меры по увеличению числа назначений *the Naval* военно-морских ВМФ. Я отклонил рекомендацию Комиссаров военно-морской ревизии о добавлении 200 фунтов стерлингов в год комиссарам военно-морского флота, потому что я не считал это увеличение необходимым, в то время как так много нетерпеливых кандидатов настаивали на сложившейся ситуации. Если Казначей военно-морского флота повысят жалованье, не будут ли уполномоченные по снабжению продовольствием и транспорту, чьи обязанности столь постоянны и трудоемки, особенно первые, претендовать на аналогичное повышение? Я отказал в повышении жалованья комиссарам на Мысе, как это было рекомендовано Комиссарами военно-морской ревизии; и, короче говоря, я не соглашался ни на какое повышение жалованья, не будучи убежденным, что без такого повышения невозможно найти подходящих сотрудников; и поэтому, поскольку требуется мое согласие, я не могу дать его, кроме как по этому убеждению, в любом случае. Я отдаю себе отчет в том, что вызвал большое недовольство, держа так близко к сердцу государственные кошельки; но это из опасения, что без очень жесткой экономии мы не сможем ни сохранить добрую волю общества, ни выстоять против упорства и ресурсов врага.

Искренне ваш,
Малгрейв.

ОТСТАВКА ПОРТЛЕНДА (1809).

Источник.—*Дневник лорда Колчестера, 1861. Том ii., стр. 200.*

Воскресенье, 10 сентября.— Получил следующее письмо от Персиваля.

[Самое личное и конфиденциальное.]

Даунинг-стрит,
9 сентября 1809 года.

Мой дорогой господин спикер,

Я не могу позволить неделе завершиться, не предоставив вам некоторой информации (хотя я до сих пор откладывал ее предоставление в надежде сообщить вам больше, чем я в состоянии даже в настоящее время) по вопросу огромной важности.

Герцог Портлендский подал в отставку, король лишь желает, чтобы он сохранил свой пост до тех пор, пока не будут достигнуты какие-либо договоренности относительно его преемника. Эта история слишком длинна для заметки или письма; достаточно сказать, что в некоторых отношениях она примешана к самым болезненным размышлениям, которые, к моему несчастью, когда-либо испытывал я.

Сможем ли мы прийти к какому-либо соглашению или каким оно будет, я действительно не могу сейчас сказать вам, поскольку сам не знаю. Судя по нынешним событиям, *Каслринеможетостаться с нами из чувства долга перед самим собой; а Каннинг* этого не сделает. Представьте себе меня и мое положение в вашем доме при таких обстоятельствах и рассудите, было бы справедливо со стороны Короля или страны во мне, если бы эти проявления были реализованы, повлиять на то, чтобы я мог оставаться либо без них, либо без какой-либо другой *силы*, где не очень легко представить, как ее приобрести.

Я не хотел, чтобы вы узнали об этом предмете ни от кого другого, кроме меня, и я чувствую, что только разожг ваше любопытство, и потребовалась бы целая книга, чтобы рассказать об этом полностью. Поэтому, возможно, до личной встречи я должен отложить полное объяснение. Результат, каким бы он ни был, вы услышите, как только я смогу вам сообщить. Жестокость Каслри заключается в том, что, хотя это совершенно не зависит от последней экспедиции, почти невозможно, чтобы общественное мнение не связало их воедино.

Я, мой дорогой мистер Спикер,
искренне ваш,
Ип Персивал.

ДУЭЛЬ КАННИНГА И КАСЛРИ (1809).

Источник.—*Дневник лорда Колчестера*, 1861. Том ii., стр. 209.

Письмо от мистера Персиваля.

Даунинг-стрит,
20 сентября 1809 г..

Уважаемый господин спикер,

Мне так много нужно было сказать, что у меня нет времени говорить это; но я мог бы найти время, чтобы поблагодарить вас за ваш любезный и оперативный ответ на мое предыдущее письмо.

Вы судили обо мне *совершенно верно*. Если бы вы спросили моего совета, я не был бы настолько нечестен, чтобы не дать его за принятое вами решение. Каслри и Каннинг поссорились. Слава Богу, Каннинг серьезно не пострадал, и Каслри не тронут. Все это ужасно для общественного впечатления. То, что мы должны делать, окончательно не решено. Это

должно закончиться попыткой сформировать единое правительство с нашими оппонентами. Но это горькая пилюля, которую приходится глотать не одному.

Когда я смогу сказать вам что-нибудь положительное и у меня будет для этого время, я это сделаю.

Искренне ваш,
Ип Персивал.

ВОЕННЫЕ РАСХОДЫ (1806-1809).
Источник.—*Дневник лорда Колчестера, 1861. Том ii., стр. 239.*

Военные расходы за последние четыре года составили: —

1806 г.	Армия	16 605 000 фунтов стерлингов
—	Военно—морской флот	15 448 000
	Боеприпасы	4,366,000
	36 419 000 фунтов стерлингов	
1807 г.—		
Армия	Армия	£16,661,000
	Военно-морской флот (экспедиция в Копенгаген)	19,673,000
	Боеприпасы	4 464 000 фунтов стерлингов
		40 798 000
1808.-	Армия	17 365 000 фунтов стерлингов
	Военно-морской флот (экспедиция в Испанию и Португалию)	18 156 000
	боеприпасов	3,980,000
		39 501 000 фунтов стерлингов
1809.-	Армия	£17,459,000
	Вотум доверия	2,500,000
		19 959 000
	Военно-морской флот (Экспедиции в Вальхерен)	18 986 000
	Голосов в пользу	500 000
	Дополнительных	1 291 000

20,777,000

Боеприпасы

Всего

£46,011,000

ТАЛАВЕРА: ПРОТЕСТ ЛОРДОВ (1809).

Источник.—*Протесты лордов*. Том ii., 1741-1825, с. 423.

26 января 1810г. — Благодарность лордов была объявлена лорду виконту Веллингтону за его заслуги 27 и 28 июля 1809 года при победе при Талавере. Титул виконта Веллингтона Талаверского был присвоен 4 сентября 1809 года. Предложение было внесено лордом Ливерпулем и отклонено лордами Саффолком, Гросвенором и Греем. Был внесен следующий протест:

1. Потому что в битве при Талавере, хотя она и была в высшей степени отмечена теми великолепными доказательствами дисциплины и доблести, которые никогда не переставали демонстрировать войска его Величества, мы не можем признать те однозначные характеристики победы, которые сами по себе могут служить достаточным основанием для благодарности этого Дома. Напротив, британская армия, по-видимому, была непредусмотрительно поставлена в ситуацию, в которой отражение нападения противника, произведенное с большими потерями, не обеспечило ни безопасности от последующей атаки, ни облегчения от бедственного положения, в котором находились наши храбрые войска, и сразу же за этим последовала необходимость поспешного отступления, в результате чего наши раненые попали в руки врага.

2. Во-вторых, потому, что, выражая благодарность этой Палаты по такому случаю, мы принижаем ценность самой почетной награды, которую только в наших силах даровать, в то время как мы косвенно одобряем уместность повышения до звания пэра, которым его Величеству без всяких расспросов было рекомендовано отметить одобрение командующего его армией в Испании, в то время как его министры были проинформированы о печальных последствиях, которые, как можно было ожидать, последуют, и фактически последовали, за этим дорого купленным успехом.

Чарльз Грей, эрл Грей.

Джеймс Мейтленд, лорд Лодердейл
(граф Лодердейл).

ЭКСПЕДИЦИЯ ВАЛЬХЕРЕНА (1810).

А. —Сквиб в Экспедиции.

Источник.—*Дневник лорда Колчестера*, 1861. Том ii., стр. 232.

В то время в газетах, посвященных экспедиции Вальхерена, была опубликована следующая заметка:

Отрывок из Грандиозной романтической драмы, недавно разыгранной на потеху императору Франции.

Акт Первый, сцена 1.—*Обнаружен Кабинет министров; присутствуют военно-морские офицеры.*

Первый министр Кабинета министров. Сейчас мы собрались для серьезного обсуждения плана покорения Антверпена,

Чтобы мы не могли отправить эту экспедицию

Без должной осторожности, знаний и точности.

Вы, офицеры военной славы,

Мы хотели бы услышать ваше мнение о том же.

1 млн. Офицер. Я подробно изложил свои доводы,

почему я считаю, что ваш план наверняка провалится.

Лорд К.Г. Ты думаешь, у нас ничего не получится?

2-й миллион. Офицер. И я тоже.

3-й миллион. Офицер. И я.

Лорд К.Г. Вы все так думаете: лучше пойти и попробовать.

Но прежде чем наша армия отправится в путь, нам следует узнать кое-что о месте, куда они направятся.

Скажите на милость, господа, Антверпен укреплен или нет?

1 млн. Офицер. Ходят слухи, что он хорошо укреплен,

Но я, не будучи там, не могу сказать наверняка.

2-й миллион. Офицер. Больше я ничего не знаю.

3-й миллион. Офицер. Заявляю, что и я тоже.

Лорд К.Г. Ну, что ж, они увидят, как только доберутся туда.

Лорд М.вэ. Но поскольку главной целью этого великого подвига, капитан, будет захват антверпенского флота;

Скажите, могут ли фрегаты или любой другой корабль

Проплыть выше и таким образом ускользнуть от нас?

Морской офицер. Если бы я был там, я мог бы сказать вам, какая глубина воды; но, не имея ее, не могу.

Лорд М.вэ. Это не причина, по которой от нашего плана следует отказаться, Об этом станет известно, как только Антверпен будет взят.

Lord E—n. Но разве мы не потеряем флот? Тогда будет смех.

Лорд М.вэ. Потеряем его? Если они поднимутся, разве мы не можем пойти за ними?

Lord E—n. Наш друг контрабандист говорит, что войск мало;

А что же гарнизон — скажите на милость, что вы думаете?

1-й млн. Офицер. Может быть, их немного на побережье и в городе;

Но из сельской местности они могут вскоре обрушить на нас слишком большие силы, чтобы мы могли надеяться победить;

И все, что делается, должно быть сделано очень быстро.

Лорд Ч.м. Не бойся: задержка не была моей виной;

И каждое утро я буду вставать в девять —

Одетый, завтрак готов к двенадцати — мне не будет хватать скорости,
И я буду делать все это совершенно молниеносно.

1-я кабина. Мин. Храбрые воины, ваши советы и информация
теперь мы полностью рассмотрели.

[Бывшие военные и морские офицеры.]

Лорд К.Г. Поскольку секретность - душа экспедиций,
я не вижу смысла сообщать врачам,
куда они направляются; но желаю, чтобы они
прислали побольше того лекарства, которое они сочтут полезным.

Входит сэр Лукас Пепис.

(Сэру Л. П.) Готовьтесь (я не могу точно сказать, когда именно)

Лекарства хватит на сорок тысяч человек,
Но делайте это быстро; что нужно, вы можете сказать сами.

[Уходят сэр Л. П.]

Мистер П.Л. Теперь нет никаких опасений, но все ответят хорошо;

Мы так превосходно подготовились к каждому этапу,

И вся наша информация настолько точна.

Когда парламент соберется в следующий раз, какую прекрасную историю о войнах и славе нам
не придется рассказывать

.

[Exeunt.]

Мане, мистер К.Г., Солус.

Мистер К.Г. Большая часть этого плана кажется мне бредом,

Но я буду тихо лежать рядом и смотреть,

Как все пройдет; и тогда, если все удастся,

я разделяю похвалу; но если все пойдет плохо,

я попробую, что я сделаю, оставив эту неуправляемую команду,
назначив себе государственных деятелей.

[КОНЕЦ ПЕРВОГО АКТА.]

Остальная часть пьесы настолько трагична и ужасна, что мы считаем, что у автора не будет оснований выдвигать ее вперед, и в настоящее время мы отказываемся публиковать какие-либо дальнейшие отрывки.

Б.—Дебаты об экспедиции.

Источник.—*Дневник лорда Колчестера*, 1861. Том ii., стр. 243.

[Март] 30th.—Палата общин. Возобновлены дебаты Уолхерена. В четыре утра разделили вчетверо.

I. Осуждать политику, 227; против нее, 275.

II. Чтобы оправдать это, 272; против этого, 232.

III. Порицание удержания, 224; против порицания, 275.

IV. В оправдание задержки с эвакуацией, 253; против этого, 232.

Заседание закрывается после семи часов.

Второе отделение, самое крупное в этом парламенте, за исключением июньского 1807 года, по поводу смены министерства.

Примечание. По общему мнению, единственным решением по этому делу, которое было *бесспорно неверным*, было *единогласное голосование* о том, что неудачу нельзя было приписать какому—либо проступку офицеров на море или суше.

Мое собственное мнение, безусловно, противоречило любому подобному решению. Ибо, во-первых, это свидетельствовало о том, что ветер и непогода не помешали лорду Хантли высадиться в Кадсанде, своевременно уничтожить батареи Брескенса и открыть флоту проход вверх по каналу Уиллинг, подальше от Флашинга. И, во-вторых, не было никаких доказательств того, что весь флот не мог пройти вверх по этому каналу вместе с эскадрой лорда Гарднера, вместо того чтобы изначально направиться в Стоундиеп: дальнейшее отклонение в сторону Румпота, которое разрушило всю перспективу добраться до Антверпена вверх по Западной Шельде, вероятно, было неизбежным после того, как флот однажды пропустил свой вход через Кадсанд и канал Вилинг.

Оппозицию устраивало оправдание сухопутной и военно-морской службы, *потому что* тогда неудача (по их рассуждениям) вытекала исключительно из *плана*, и только из плана. Это также *устраивало министров*, отчасти потому, что они посоветовали королю сообщить лондонскому сити, что нет оснований для военного расследования (они тогда не знали о рассказе лорда Чатема); а отчасти из надлежащего желания избежать перекладывания вины на тех, кто служил под их началом по их собственному назначению.

ТРУДНОСТИ ВЕЛЛИНГТОНА В ИСПАНИИ (1810).

Источник.—*Избранное из депеш Веллингтона*. Гурвуд. Стр. 409.

Я. Справа достопочтенный Х. Уэллсли.

Картаксо,
2 декабря 1810 г..

Я боюсь, что испанцы еще опозорят нас всех. Возмутительно, что на третий год своей войны, более года пребывая в состоянии спокойствия и не потеряв своего значения со времени битвы при Оканье, они теперь полагаются в плане безопасности Кадиса, резиденции своего правительства, на наличие одного или двух более или менее британских полков; и что, находясь взаперти в течение 10 месяцев, они не подготовили сооружений, необходимых для своей обороны, несмотря на неоднократные увещевания генерала Грэма и британских офицеров об опасности их упустить. Кортесы, по-видимому, страдают национальной болезнью в такой же степени, как и другие органы власти, то есть хвастаются силой испанской нации до тех пор, пока

они всерьез не убедятся, что им ничто не угрожает, а затем спокойно сидят и потакают своей национальной праздности.

II. Справа достопочтенный Х. Уэллсли.

Картаксо,
16 декабря 1810 г..

В последнее время у меня возникли некоторые трудности с испанскими погонщиками мулов, прикрепленными к британской армии, из-за всеобщей реквизиции, которая, как говорят, проводится для армии всех лиц призывного возраста.

Я очень сомневаюсь, что эта реквизиция будет или может быть исполнена; и я полагаю, что магистраты в разных округах очень рады продемонстрировать активность и постоянство, с которыми они исполняют закон, призывая этих людей, которые, как они знают, с неохотой оставят прибыльное дело, которым они занимаются, служить в качестве солдат. Однако я не могу поощрять их оставаться в стороне, когда их призывают; и я очень опасаясь, что армия будет доведена до величайшего отчаяния, если они покинут нас, несмотря на усилия, которые я предпринял, и расходы, которые я понес, чтобы должным образом оснастить ее транспортными средствами.

Мне кажется, что предъявление справки от меня, или полковника Алавы, или полковника О'Лоулора о том, что человек работает погонщиком мулов в британской армии, может освободить его от службы в качестве солдата без какого-либо серьезного нарушения принципов или каких-либо неудобств. Я не верю, что общее число лиц, подобных этому описанию, превышает 500; и из них многие не могут быть призывного возраста.

Я надеюсь, что по этому вопросу будет принято какое-то решение; и я могу только сказать, что, если что-то не будет сделано, и я буду лишен всех этих людей подобного описания, которые до сих пор были прикреплены к этой армии, я буду полностью искалечен, и встанет вопрос, не следует ли нам полностью покинуть полуостров. Я сомневаюсь, что даже здесь мы смогли бы просуществовать один день без их помощи.

III. Графу Ливерпульскому.

Картаксо,
21 декабря 1810 г..

Я не знал, что сказать по поводу сокращения числа наших транспортов в Тежу: я не опасаясь, что нам придется погрузиться, и понятия не имею, что противник в течение длительного времени будет находиться в ситуации, вынуждающей нас думать о такой операции; но я, как офицер, не могу быть настолько уверен в ходе событий, чтобы сказать вам, что транспорты могут быть отозваны.

Возможно, потребуется несколько минут вашего внимания, чтобы объяснить наше положение в сравнении с положением противника и общее положение дел на полуострове, влияющее на этот вопрос. Я не сомневаюсь, что враг не способен и не считает себя способным повлиять на

позицию союзников в этой стране. Действительно, я верю, что у меня есть средства победить силы, которые сейчас противостоят мне, в их собственном положении, конечно, с определенной потерей людей.

Я думаю, что статья, опубликованная в *Moniteur* от 23 ноября, показывает, что наша позиция перед Лиссабоном считается настолько прочной, что ее не следует атаковать спереди; и, исходя из прочтения этой статьи, я придерживаюсь мнения, что противник попытается удержать позиции в этой стране с находящимися там сейчас войсками, вероятно, усиленными некоторыми из тех, что сейчас находятся на границе, и попытается выбить нас, оккупировав страны к северу от Дору и к югу от Тежу, и, таким образом, затруднит нам снабжение. Выполнение этого плана потребует огромных сил и некоторого периода времени; но когда я вспоминаю, что в прошлом году весь север Испании и Старая Кастилия были оставлены врагом еще до битвы при Талавере, я не сомневаюсь, что они также оставят эти страны при существующей чрезвычайной ситуации, которая даст им часть сил, в которых они нуждаются.

Я также уверен, что, если британская армия не будет вынуждена эвакуироваться из Португалии, французская армия должна будет уйти из Андалусии. Поэтому я не считаю невероятным, что значительная часть, если не вся французская армия в Андалусии, будет введена в южные районы этого королевства.

Я не отчаиваюсь отстоять свои позиции против этого скопления войск и принял меры для предотвращения единственного неудобства, которое это может вызвать, а именно нехватки припасов. Но поскольку все эти войска находятся в нескольких шагах от меня, и приказ из Парижа не только привел бы их в движение, но и они могли бы оказаться в этой стране почти до того, как транспорты придут в Англию, я не считаю целесообразным при существующей ситуации отправлять их вне пределов моей досягаемости.

Вопрос о том, следует ли мне атаковать противника на позиции, которую он сейчас занимает, был мной хорошо обдуман. У меня превосходящая армия, я думаю, на 10 000 человек, или на одну шестую, включая испанцев; и, несмотря на некоторые недостатки в ее составе, я думаю, что добьюсь успеха. Но потери обязательно должны быть очень велики убитыми и ранеными; и возникающая бы необходимость подвергать войска воздействию непогоды в течение нескольких дней и ночей бросила бы значительную часть этой выздоравливающей армии в госпитали. Тогда что можно получить от этого действия, неудача в котором означала бы потерю всего дела? Насколько мне известно, в настоящее время ничего, кроме освобождения северных провинций и Андалусии от присутствия врага; это облегчение, вероятно, принесет ход событий без риска и потерь в бою.

Но есть и другой взгляд на этот вопрос, который является очень серьезным и произвел большое впечатление на мой разум. Если северные провинции Испании и Андалусии будут освобождены от давления и присутствия врага ходом событий или усилиями в Португалии, что выиграет правое дело от этого облегчения? В прошлом году я не могу забыть, что я привел в действие себя и генерала Куэсту не менее *5 армейских корпусов*, королевскую гвардию и резерв, более чем равные 6 корпусам; и что, когда вся Кастилия и север Испании были очищены от врага, ни один человек не вышел на поле боя из этих провинций и даже ни один не поднялся!

В этом году в моем распоряжении в течение 8 месяцев было *3 армейских корпуса*, самых многочисленных и боеспособных в Испании. Королевство Галисия было полностью

освобождено от врага, а Кастилия частично освобождена. Испанская армия в Галисии вообще не предпринимала никаких действий, как говорит генерал Махи, из-за нехватки шинелей; но на самом деле, потому что им нужны жалованье, одежда, средства к существованию, транспорт, дисциплина и все, что может сплотить группу людей в операции. В Кастилии ничего не было сделано, за исключением того, что партизаны были более смелыми и успешными в своих грабежах.

Освобождение Андалусии, боюсь, никак не повлияло бы на положение дел там. Я не думаю с полной уверенностью, что противник был бы вынужден снять осаду Кадиса, хотя вполне вероятно, что он это сделал бы. Но если бы осада Кадиса не была снята, общее дело не получило бы никакой пользы от освобождения Андалусии; и даже если бы снятие осады Кадиса было следствием освобождения Андалусии, я сомневаюсь, что в Кадисе есть средства для ввода в бой войск, составляющих в настоящее время гарнизон этого места, чтобы сделать их доступной силой для дела их союзников, или что из этого события была бы извлечена какая-либо польза, за исключением того, что оно предоставило бы в распоряжение союзников средства, которые враг собрал для осады Кадиса, и замедлить, а возможно, и предотвратить операцию.

Ваша светлость, вероятно, сочтет это печальной картиной перспектив полуострова, но вы можете положиться на ее правдивость. Такое положение дел в Испании является результатом некоторых недостатков национального характера, усугубляемых ложными принципами, на которых строились все дела страны с тех пор, как она попыталась сбросить иго Франции. Следовательно, у испанцев нет армии; нет средств ее собрать; нет полномочий дисциплинировать армию, если бы они могли ее собрать; нет средств вооружить, экипировать, одеть или прокормить что-либо, что можно было бы собрать под этим названием. Поэтому война на полуострове, насколько в ней заинтересованы испанцы, не может принять регулярную форму. Это должно быть ограничено операциями партизан, расчеты на которые сильно отличаются от тех, которые были бы сделаны в отношении операций более регулярных сил.

Если все это правда, то наша задача состоит не в том, чтобы сражаться с французской армией, которую мы, конечно, не сможем выбить с полуострова, а в том, чтобы оккупировать как можно большую его часть и оставить войну в Испании партизанам. До тех пор, пока французы не будут вмешиваться в наши поставки, или в ресурсы португальского правительства, или в какие-либо другие сферы нашей безопасности, я думаю, что совершенно неважно, находятся ли они в Испании или Португалии. Действительно, учитывая большие трудности, с которыми они сталкиваются при проживании в последней стране и поддержании своих коммуникаций, я считаю, что более выгодно, чтобы они были там, где они есть. Их численность, безусловно, уменьшается с каждым днем, хотя они не причиняют нам вреда; напротив, мы ближе к нашим ресурсам, чем когда-либо были, и они оставляют весь север Испании открытым для действий партизан.

Но если армии, находящейся сейчас в Португалии, будет оказана помощь другими корпусами, действующими к северу от Дору и к югу от Тежу, прежде чем я смогу обеспечить необходимые мне запасы провизии, я должен буду попытаться выбить их более решительными средствами, чем я пробовал до сих пор. Эти средства, видит Бог, могут подвести; или мне может помешать попробовать их погода или другие обстоятельства, над которыми я не могу властен. Во всех этих

случаях было бы ужасно не иметь под рукой транспорта, и я не могу посоветовать отправлять его подальше.

Конечно, удивительно, что враг смог так долго оставаться в этой стране; и это экстраординарный пример того, на что способна французская армия. Это несомненный факт, что они не привезли с собой никакой провизии, и они не получили даже письма с тех пор, как прибыли в Португалию. Со всеми нашими деньгами и имея в нашу пользу добрые намерения страны, я уверяю вас, что я не смог бы содержать ни одной дивизии в округе, в котором они содержали не менее 60 000 человек и 20 000 голов скота более 2 месяцев. В это же время в прошлом году я был вынужден вывести британскую кавалерию только из района, который они сейчас занимают всей своей армией, потому что ее невозможно было прокормить. Но они забирают все и оставляют несчастных жителей умирать с голоду.

РЕГЕНТСТВО (1811).

Источник.—*Дневник лорда Колчестера, 1861. Том ii., стр. 316.*

[Февраль.] 5.—Персиваль показал мне следующее письмо, которое он только что получил от принца Уэльского:

Карлтон-Хаус,
4 февраля 1811 г..

Принц Уэльский[12] считает, что настал момент, когда он должен принять решение в отношении лиц, которые будут наняты им в администрацию исполнительного правительства страны, в соответствии с полномочиями, предоставленными ему Законопроектом, принятым двумя палатами парламента, и сейчас находится на грани получения санкции Большой Печати.

Принц считает своим долгом сообщить мистеру Персивалю о своем намерении не отстранять от занимаемой должности тех, кого он там находит в качестве официальных слуг Его Величества. В то же время принц обязан из-за правдивости и искренности характера, которые, как он надеется, проявятся в каждом поступке его жизни, в какой бы ситуации он ни оказался, недвусмысленно заявить, что непреодолимый импульс сыновнего долга и привязанности к его любимому и страдающему отцу заставляет его опасаться, что любое действие регента может хоть в малейшей степени помешать выздоровлению его государя.

Только это соображение диктует решение, о котором сейчас сообщается мистеру Персивалю.

Таким образом, принц выполнил свой неременный долг, руководствуясь справедливым чувством собственной последовательности и чести, принцу остается только добавить, что среди многих благословений, которые будут получены в результате восстановления здоровья Его Величества и личного исполнения им королевских функций, это, по оценке принца, не будет наименьшим, что это самое счастливое событие сразу же спасет его от беспрецедентного затруднительного положения и положит конец положению дел, плохо рассчитанному, как он опасается, для защиты интересов Соединенного Королевства в этом ужасном и опасном кризисе; и труднее всего примириться с общими принципами британской конституции.

Ответ мистера Персиваля.

Даунинг-стрит,
5 февраля 1811 года.

Мистер Персивал выражает Свое почтение Вашему Королевскому Высочеству и имеет честь подтвердить получение письма Вашего Королевского Высочества от вчерашнего вечера, которое он получил сегодня утром.

Мистер Персивал считает своим долгом выразить Свою смиренную благодарность Вашему Королевскому Высочеству за откровенность, с которой Ваше Королевское Высочество снизошли до того, чтобы недвусмысленно сообщить о мотивах, побудивших Ваше Королевское Высочество оказать честь его коллегам и ему лично вашими распоряжениями относительно продолжения их службы на должностях, вверенных им королем. И мистер Персиваль просит разрешения заверить Ваше Королевское Высочество, что в выражении чувств Вашего Королевского Высочества сыновней и верноподданнической привязанности к королю и беспокойства о восстановлении здоровья Его Величества мистер Персиваль не может видеть ничего, кроме дополнительных мотивов для их самых напряженных усилий по удовлетворению Вашего Королевского Высочества единственным доступным способом, стремясь продвигать взгляды Вашего Королевского Высочества на безопасность и счастье страны.

Мистер Персивал никогда не переставал сожалеть о впечатлении Вашего Королевского Высочества относительно положений Законопроекта о регентстве, который слуги Его Величества сочли своим долгом рекомендовать парламенту. Но он осмеливается заявить Вашему Королевскому Высочеству, что, какие бы трудности ни создавал нынешний ужасный кризис в стране и мире в управлении исполнительной властью, Ваше Королевское высочество не сочтет их ни в какой степени увеличенными из-за временного приостановления осуществления тех ветвей королевской прерогативы, которые были введены парламентом в соответствии с тем, что предполагалось в предыдущем аналогичном случае. И что какие бы министры Ваше Королевское Высочество ни сочли нужным нанять, они находили бы полную поддержку и покровительство, которые, пока они с честью выполняют приказы Вашего Королевского Высочества, они были бы уверены, что будут продолжать пользоваться достаточными средствами, позволяющими Вашему Королевскому Высочеству эффективно отстаивать великие и значимые интересы Соединенного Королевства.

И мистер Персивал смиренно надеется, что, какие бы сомнения Ваше Королевское Высочество ни питало относительно конституционной целесообразности принятых мер, Ваше Королевское Высочество будет уверено, что они не могли быть рекомендованы слугами Его Величества или санкционированы парламентом, если бы не искреннее, хотя, возможно, и ошибочное убеждение, что они ни в какой степени не противоречат истинным принципам и духу Конституции.

Мистер Персивал считает своим долгом добавить, что он готов в любой момент явиться к Вашему Королевскому Высочеству и получить любые распоряжения, которыми Вашему Королевскому Высочеству будет угодно удостоить его.

ПРАЗДНИК В КАРЛТОН-ХАУСЕ (1811).

Источник.—*Дневник лорда Колчестера, 1861. Том ii., стр. 336.*

[Июнь] 19.— Был на празднике в Карлтон-хаусе. Благодаря предыдущим расспросам я справлялся и с выездом, и с возвращением без малейших затруднений; я проехал по Уорик-стрит и оказался в нескольких шагах от маленькой калитки, из которой *выезжают* стулья, и, пройдя это расстояние, через несколько мгновений оказался в доме. Я вошел в дом в десять минут десятого и ушел той же дорогой примерно в двадцать минут пятого утра.

Наверху лестницы, ведущей в холл, я обнаружил полковника Палмера и других адъютантов, ожидавших приема компании. Они взяли мой билет, и лорд Мойра, который был рядом, сказал мне, каким образом я могу лучше всего осмотреть апартаменты, прежде чем их заполнит компания; и он бы пошел со мной, но ждал на первых ступенях, чтобы принять королевскую семью Франции.

Все большие комнаты расположены в правой части здания; апартаменты поменьше - в левой; и в них принц ожидал приема короля Франции и т.д.

Около десяти они прибыли; и принц, усадив короля Франции в одной из небольших комнат, увешанных *мебелью с лилиями*, и засвидетельствовав ему свое почтение *как королю*, освободил его французское величество от всех дальнейших церемоний и провел его как частное лицо с остальным французским двором по разным апартаментам. Сделав это один раз, он предоставил их самим себе и остаток вечера бродил в одиночестве по всем направлениям и заходил в каждую комнату.

Он несколько раз проходил мимо меня и, кажется, однажды слегка приветствовал меня взглядом. В другие периоды вечера у меня были долгие и обстоятельные беседы с герцогом Йоркским и герцогом Камберлендским, а также с герцогом Кларенсом и герцогом Глостерским.

Герцогиня Йоркская и принцесса София Глостерская также узнали меня и поговорили со мной.

Лорд Ярмут, обнаружив, что у меня нет билета на ужин за столом регента, дал мне один, как человеку, который должен принадлежать к этой группе (а именно, одному из тех 200), из которой, однако, были исключены многие представители самого высокого ранга.

Без четверти два на карточке было указано, что мы должны собраться в позолоченной комнате; то же самое сделали еще 500 человек, не имевших никакого отношения к вечеринке регента. Это было единственное, что удалось сделать плохо, потому что при такой огромной толпе и в ожидании часа, пока откроют двери, чтобы спуститься к ужину, все смертельно устали; и король Франции, который (как говорит лорд Сент-Хеленс, так поступают все короли), должно быть, смертельно устал от *переминания с ноги на ногу*.

Наконец двери открылись, четыре адъютанта вошли внутрь, и как только принц передал герцогине Ангулемской, а король Франции - герцогине Йоркской, местье с принцессой Софией Глостерской и т.д., все остальные лица, не предъявившие своих билетов, были остановлены у дверей.

К счастью для меня, в течение часа ожидания я оказался рядом с лордом Чичестером; и после общения мы обнаружили, что у нас есть билеты, и ни к одному из них не привязана ни одна

леди, так что мы договорились действовать сообща. Леди Чичестер, не будучи в состоянии суеты, с милостивого разрешения принца утром наблюдала за всеми приготовлениями.

Спустившись в оранжерею, Персиваль, лорд Чичестер и я, после некоторых трудностей с поиском мест, разделились, и это закончилось тем, что я прошел с лордом Чичестером к свободному концу длинного стола принца, который был не менее 200 футов в длину. Моих детей позабавила бы река с водой и маленькие пескари, плавающие по всей длине этого стола; и всевозрослые дети были бы в равном восторге.

В течение вечера Тирни сказал мне, что он уже видел все это зрелище и восхищался им, за исключением истории Сэдлера Уэллса с речушкой и плавающими рыбками.

Тем не менее трапеза была восточной и причудливой, особенно для принца; потому что в этой части стол расширялся, как и вода, и падал чередой каскадов в круглое озеро, окруженное архитектурными украшениями и маленькими вазочками с благовониями, которые стояли под арками колоннады вокруг озера.

За тем концом стола, где сидел принц, находился великолепный сервант с позолоченной посудой высотой в три этажа.

Оркестр в саду, невидимый для компании, играл все время.

После того, как ужин благополучно закончился, и прежде чем компания поднялась, чтобы подняться наверх, из столовой за медными перилами собралась огромная толпа прекрасных леди и джентльменов, которые пришли облокотиться и посмотреть через перила на нашу лучшую стоянку и попытаться разглядеть пескарей в нашей реке. “Вот, я вижу их”; “Смотрите, смотрите”; “Разве вы не видите?” и т. Д., От всех мисс и компании, старых и молодых, не говоря уже о леди Мэнсфилд, племяннице леди Бекинге, старом мистере Гастингсе и многих других душах, старых и молодых, чье нетерпеливое и нелепое любопытство было очень забавным.

Наконец все члены королевской семьи встали и поднялись наверх; лорд Чичестер взялся провести меня по остальным помещениям для ужина; леди Четем и молодая леди из ее семьи были прикреплены к нам, и так мы и продолжили.

За несколько минут оранжерея, в которой был накрыт стол принца, заполнилась настолько, что, прежде чем мы успели как следует обойти ее, толпа и напор превзошли все, что я когда-либо видел или чувствовал; пока, не без невыносимой давки, мы не проложили себе путь с одним приливом, который нес за собой другой прилив, и таким образом мы увидели, что остальные шесть залов продолжают ту же линию, что и оранжерея. Самая дальняя комната была на семь или восемь ступенек выше остальных, и из нее открывался длинный, но нечеткий вид на столы и табуретки на расстоянии не менее 500 футов.

Помимо этих комнат, в саду был накрыт ужин под навесами. Конечно, снабжение, ожидание и приготовления казались восхитительными. Никаких задержек в прибытии, никаких трудностей, никаких несчастных случаев.

ТКАЦКИЕ СТАНКИ (1812).

Источник.— *Сочинения Байрона, 1898. Письма и дневники. Том ii., с. 424.*

Дебаты по Рамочному законопроекту в Палате лордов, 27 февраля 1812 г.

Порядок дня для рассмотрения этого Законопроекта во втором чтении,

Лорд Байрон встал и (впервые) обратился к их светлостям следующим образом: —

Милорды, предмет, который сейчас впервые представлен вашим светлостям, хотя и является новым для Палаты представителей, ни в коем случае не является новым для страны. Я полагаю, что это занимало серьезные мысли всех известных людей задолго до того, как оно было доведено до сведения законодательного органа, одно только вмешательство которого могло принести реальную пользу. Как человек, в какой-то степени связанный со страждущим графством, хотя и незнакомый не только с этим Домом в целом, но и почти с каждым человеком, внимания которого я осмеливаюсь просить, я должен рассчитывать на некоторую долю снисхождения вашей светлости, пока я предлагаю несколько замечаний по вопросу, который, признаюсь, меня глубоко интересует.

Вдаваться в какие-либо подробности беспорядков было бы излишне: Палате представителей уже известно, что были совершены все безобразия, за исключением фактического кровопролития, и что владельцы несносных для бунтовщиков помещений и все лица, предположительно связанные с ними, подвергались оскорблениям и насилию. За то короткое время, что я недавно провел в Ноттингемшире, не проходило и двенадцати часов без нового акта насилия; а в день моего отъезда из графства мне сообщили, что накануне вечером, как обычно, были сломаны сорок рам, без сопротивления и без обнаружения.

Таково было тогда состояние этого графства, и у меня есть основания полагать, что таково оно и сейчас. Но хотя следует признать, что эти безобразия существуют в угрожающих масштабах, нельзя отрицать, что они возникли в условиях самого беспрецедентного бедствия: упорство этих несчастных в своих действиях, как правило, доказывает, что ничто, кроме абсолютной нужды, не могло подтолкнуть многочисленную, некогда честную и трудолюбивую группу людей к совершению эксцессов, столь опасных для них самих, их семей и общества. В то время, на которое я ссылаюсь, город и графство были перегружены большими отрядами вооруженных сил; полиция была в движении, магистраты собрались; однако все эти передвижения, гражданские и военные, ни к чему не привели. Не было ни одного случая задержания какого-либо реального правонарушителя, фактически привлеченного к ответственности по данному факту, против которого имелись юридические доказательства, достаточные для вынесения обвинительного приговора. Но полиция, какой бы бесполезной она ни была, ни в коем случае не бездействовала: было обнаружено несколько отъявленных преступников — мужчин, которых на основании неопровержимых доказательств можно было осудить за такое тяжкое преступление, как бедность; мужчин, которые были гнусно виновны в законном рождении нескольких детей, которых, благодаря "Таймс"! они не в состоянии обслуживать. Владельцам улучшенных рам был нанесен значительный ущерб. Эти машины были для них преимуществом, поскольку они заменяли необходимость нанимать некоторое количество рабочих, которые в результате были обречены на голодную смерть. Благодаря использованию, в частности, одного вида каркаса,

один человек выполнял работу многих, а лишние работники были выброшены с работы. Тем не менее, следует отметить, что выполненная таким образом работа была низкого качества; ее нельзя было продать дома, а просто поспешили вывезти. На профессиональном жаргоне это называлось “Работой с пауками”. Отвергнутые рабочие, в слепоте своего невежества, вместо того чтобы радоваться этим усовершенствованиям в искусствах, столь полезным для человечества, считали себя принесенными в жертву усовершенствованиям в механизме. В глупости своих сердец они воображали, что содержание и благополучие трудолюбивых бедняков имеют большее значение, чем обогащение нескольких человек каким-либо усовершенствованием орудий труда, которое лишало рабочих работы и делало их недостойными своей платы. И следует признать, что, хотя внедрение усовершенствованного оборудования при том состоянии нашей торговли, которым когда-то хвалилась страна, могло бы принести пользу хозяину, не нанося ущерба слуге; тем не менее, в нынешнем положении наших мануфактур, гниющих на складах, без перспективы экспорта, при равном снижении спроса на работу и рабочих, структуры такого рода имеют тенденцию существенно усугублять страдания и недовольство разочарованных страдальцев. Но истинная причина этих огорчений и вытекающих из них нарушений лежит глубже. Когда нам говорят, что эти люди объединились не только для уничтожения их собственного комфорта, но и самих средств к существованию, можем ли мы забыть, что именно жестокая политика, разрушительная война последних восемнадцати лет разрушила их комфорт, ваш комфорт, комфорт всех людей? эта политика, которая, зародившись при “ныне покойных великих государственных деятелях”, пережила мертвых, чтобы стать проклятием для живых в третьем и четвертом поколении! Эти люди никогда не разрушали свои ткацкие станки до тех пор, пока они не становились бесполезными, хуже, чем бесполезными; пока они не становились реальными препятствиями для их усилий по добыванию хлеба насущного. Можете ли вы в таком случае удивляться, что в подобные времена, когда банкротство, признанное мошенничеством и вменяемое уголовное преступление находятся на положении, не намного более низком, чем у вашей светлости, низшая, хотя когда-то и наиболее полезная часть народа в своих бедствиях забывает о своем долге и становится лишь менее виновной, чем один из их представителей? Но в то время как возвышенный преступник может найти средства обойти закон, должны быть изобретены новые смертные приговоры, новые смертельные ловушки должны быть расставлены для несчастного механика, который изголодался по чувству вины. Эти люди были готовы копать, но лопата была в других руках; они не стыдились просить милостыню, но никто не мог им помочь: их собственные средства к существованию были исчерпаны, все другие занятия были заняты; и их излишества, как бы они ни были прискорбны и осуждены, вряд ли могут вызывать удивление.

БАДАХОС (1812).

Источник.—*Избранное из депеш Веллингтона*. Гурвуд. Стр. 581.

Графу Ливерпульскому.

Бадахос,
7 апреля 1812 года.

Мое сообщение от 3-го числа уведомит вашу светлость о состоянии операций против Бадахоса на эту дату; которые были завершены в ночь на 6-е число взятием города штурмом.

Огонь продолжался в течение 4-го и 5-го числа по фасу бастиона Ла-Тринидад и флангу бастиона С^{та} Мария; а 4-го утром мы открыли еще одну батарею из 6 орудий на второй параллели против выступа равелина Сан-Роке и стены в его ущелье.

Вечером 5-го числа в вышеупомянутых бастионах были проделаны реальные бреши; но поскольку я заметил, что противник укрепил бастион Ла-Тринидад и велись самые серьезные приготовления к обороне, а также к прорыву в этом бастионе, как и в бастионе С^{та} Мария, я решил отложить атаку еще на один день и развернуть все орудия на батареях второй параллели на заслоне Ла-Тринидад; в надежде, что, пробив третью брешь, войска смогут повернуть укрепления противника на юг. оборона двух других; атака которых, кроме того, была бы связана войсками, предназначенными для атаки бреши в завесе. Эта брешь была прорвана вечером 6-го, и после того, как огонь с лицевой стороны бастиона С^{та} Мария и фланга бастиона Ла-Тринидад был подавлен, я решил атаковать это место той же ночью.

Я держал в резерве поблизости от этого лагеря 5-ю дивизию под командованием лейтенанта.- Генерал Лейт, который покинул Кастилию только в середине марта и совсем недавно прибыл в эту часть страны; и я рассказал о них в тот вечер. Планом нападения был этот лейтенант. Генерал Пиктон должен атаковать замок Бадахос эскадой с 3-й дивизией; и отряд из охраны в траншеях, предоставленный в тот вечер 4-й дивизией под командованием майора Уилсона из 48-го полка, должен атаковать равелин Сан-Роке слева от него, в то время как 4-я дивизия под командованием генерал-майора distinguished К. Колвилла и Легкая дивизия под командованием лейтенанта.- Полковник Барнард, атакуйте брешь в бастионах Ла-Тринидад и С^{та} Мария, а также в завесе, которой они соединены. 5-я дивизия должна была занять территорию, которую 4-я и Легкая дивизии занимали во время осады; и лейтенант. Генерал Лейт должен был предпринять ложную атаку на переднее укрепление, называемое Пардалерас; и еще одну атаку на укрепления форта в направлении Гвадианы с левой бригадой дивизии под командованием генерал-майора Уокера, которую он должен был превратить в настоящую атаку, если обстоятельства окажутся благоприятными; и бригада Дж. Генералу Пауэру, расположившемуся со своей португальской бригадой справа от Гвадианы, было приказано совершить ложные атаки на *тет-де-пон*, форт Сан-Кристовал и новый редут под названием Мон-Кер.

Соответственно, атака была предпринята в 10 часов вечера; лейтенант.-Генерал Пиктон на несколько минут опередил атаку остальных войск. Генерал-майор Кемпт возглавил эту атаку, которая шла справа от первой параллели. К несчастью, он был ранен при переправе через реку Ривильяс ниже уровня затопления; но, несмотря на это обстоятельство и упорное сопротивление противника, замок был взят эскадрой, и 3-я дивизия закрепились в нем примерно в половине одиннадцатого. Пока это продолжалось, майор Уилсон из 48-го полка захватил равелин Сан-Рок у ущелья с отрядом из 200 человек гвардии в траншеях; и с помощью майора Сквайра из инженерных войск закрепился на этой работе.

4-я и Легкая дивизии перешли в атаку из лагеря, расположенного слева от реки Ривильяс и затопления. Противник не заметил их, пока они не достигли крытого пути; и передовые отряды 2-х дивизий без труда спустились в ров, защищенные огнем отрядов, размещенных для этой цели на гласисе; и они с величайшей отвагой двинулись на штурм проломов под предводительством своих доблестных офицеров. Но таков был характер препятствий, подготовленных противником на вершине и за брешями, и так определял их сопротивление, что

наши войска не смогли закрепиться в этом месте. Многие храбрые офицеры и солдаты были убиты или ранены взрывами на вершине брешей; другие, которым удалось пробиться к ним, были вынуждены уступить дорогу, обнаружив невозможность преодолеть препятствия, которые враг подготовил, чтобы помешать их продвижению. Эти попытки повторялись до после 12 часов ночи, когда, обнаружив, что успеха достичь не удалось, лейтенант.Генерал Пиктон обосновался в замке, я приказал, чтобы 4-я и Легкая дивизии могли отойти на территорию, на которой они были впервые собраны для атаки.

Тем временем лейтенант.-Генерал Лейт выдвинул бригаду генерал-майора Уокера слева при поддержке 38-го полка. под командованием лейтенанта.-Полковник Ньюджент и 15-й португальский полк. под командованием полковника Ду Рего, и он предпринял ложную атаку на Пардалерас с 8-м касадорским полком под командованием майора Хилла. Генерал-майор Уокер преодолел заграждение на дороге Оливенса и въехал в крытый проход слева от бастиона Сан-Висенте, недалеко от Гвадианы. Там он спустился в ров и обошел бастион Сан-Висенте. Генерал-лейтенант Лейт поддержал эту атаку 38-го полка. и 15-я португальская армия; и наши войска, таким образом, разместились в замке, который командует всеми укреплениями города и в самом городе; и 4-я и Легкая дивизии были снова сформированы для атаки проломов, всякое сопротивление прекратилось; и на рассвете губернатор генерал Филиппон, который удалился в форт Сан-Кристовал, сдался вместе с генералом Вьеландом, всем Штабом и всем гарнизоном. У меня нет точных данных о численности гарнизона или количестве пленных. Но генерал Филиппон сообщил мне, что в начале осады она насчитывала 5000 человек, из которых 1200 были убиты или ранены во время операций; не считая тех, кто погиб при штурме этого места. Там было 5 французских батальонов, не считая 2-го Гессен-Дармштадтского полка, а также артиллерия, инженеры и т.д.; и, как я понимаю, там 4000 пленных. Невозможно, чтобы какие-либо мои высказывания могли передать вашей светлости то чувство, которое я испытываю к доблести офицеров и солдат в этом случае. Список убитых и раненых покажет, что генералы, приданный им штаб, командиры и другие офицеры полков поставили себя во главе атак, которыми они по отдельности руководили, и подали пример храбрости, которому так хорошо следовали их люди.

Маршал сэр У. Бересфорд помогал мне в организации этой осады; и я в большом долгу перед ним за сердечную помощь, которую я получил от него, как во время продвижения, так и во время последней операции, которая привела к ее завершению. Дежурства в окопах последовательно выполняли генерал-майор почтенный К. Колвилл, генерал-майор Боуз и генерал-майор Кемп под руководством лейтенанта.- Генерал Пиктон. У меня была возможность упомянуть всех этих офицеров в ходе операций; и все они отличились и все были ранены при штурме. Я особенно признателен лейтенанту.- Генералу Пиктону за то, как он организовал атаку замка; за то, что он поддержал атаку и разместил свои войска на этом важном посту.

Лейтенант.Приготовления генерала Лейта к ложной атаке на Пардалерас под командованием генерал-майора Уокера были также весьма разумными; и он воспользовался обстоятельствами момента, чтобы продвинуться вперед и поддержать атаку под командованием генерал-майора Уокера способом, весьма похвальным для него. Храбрость и поведение генерал-майора Уокера, который также был ранен, а также офицеров и военнослужащих под его командованием были заметны.

Приготовления, предпринятые генерал-майором достопочтенным К. Колвиллом для атаки 4-й дивизии, были очень разумными; и он повел их в атаку самым доблестным образом. В связи с отсутствием по болезни генерал-майора Венделера и лейтенанта полковника Беквита. Полковник Барнард командовал Легкой дивизией во время штурма и отличился не столько тем, как он организовал эту операцию, сколько своей личной храбростью при ее проведении.

Я также должен упомянуть бригадного генерала.- Генерала португальской службы Харви, командующего бригадой в 4-й дивизии, и бригадного генерала.- Генерал Шампельмонд, командующий португальской бригадой 3-й дивизии, как отличившийся. Бригадный генерал.- Генерал Харви был ранен во время шторма.

УБИЙСТВО ПЕРСИВАЛЯ (1812).

Источник.—*Дневник лорда Колчестера, 1861. Том ii., стр. 379.*

[Май] 11.—Поскольку Палата общин в Комитете заслушивала доказательства по Приказу Совета, через несколько минут шестого меня вызвали из моей комнаты в Палату представителей сообщением, что в

Мистер Персивал был застрелен в вестибюле.

Как только я сел на стул, убийца, обанкротившийся ливерпульский торговец Джон Беллингом, был насильно доставлен в бар. Я держал его под стражей до тех пор, пока не был вызван мировой судья, который прибыл почти немедленно; а затем убийцу отвели в тюремную камеру, принадлежащую сержанту по вооружению, где он был допрошен мистером Уайтом, вестминстерским судьей, и мистером Олдерменом Комб и мистером Тейлором, двумя членами совета, которые также были судьями, и после этого отправили в Ньюгейт за убийство.

Тело мистера Персиваля (ибо он упал бездыханным после того, как, пошатываясь, сделал несколько шагов в вестибюль) было перенесено в мой дом и оставалось в первой гостиной, пока семья не перевезла его (для уединения) в час ночи на Даунинг-стрит.

12.— Я написал, чтобы пригласить Понсонби, Уайтбрида, лорда Каслри, Райдера, Каннинга, Мастера Роллов, Уилберфорса и других, встретиться здесь в три часа и проконсультироваться относительно надлежащего направления рекомендации семьи Персивал под защиту короны. Приехали также Эллиот, Эдер, Уэлсли Поул и др. и т.п.: и лорд Каслри заявил о намерении регента направить сообщение по этому вопросу; в ответ на что Понсонби, Уайтбрид, Каннинг и Бэнкс полностью и пространно заявили о своем безоговорочном согласии. Не найдя Тирни на месте, я написал ему, прежде чем войти в Дом, чтобы извиниться за упущение, полагая, что через Понсонби или Уайтбрида я должен был его увидеть; и что сцены и мысли, которые в течение предыдущих восемнадцати часов окружали меня и занимали, должны быть моим извинением за это и, как я опасался, за многие другие упущения.

Впоследствии я узнал, что он крайне болезненно воспринял это упущение, но в среду, когда он вошел в Дом, мое письмо, казалось, его вполне успокоило.

В Палате общин, по общему согласию, никакие другие дела не велись. Лорд Каслри представил Послание и перенес Адрес. На лицах большинства читались слезы, и ни лорд Каслри, ни Понсонби, ни Уайтбрид, ни Каннинг не могли сухо выразить свои чувства.

Палата представителей решила путем общего одобрения представить Адрес “как Дом”, а не как членов Тайного совета.

Все остальные дела были отложены на отдаленные или условные дни.

13—е. -Палата общин. Единогласное голосование в Комитете по Посланию регента о выделении 50 000 *фунтов стерлингов* детям и 2000 *фунтов* в год миссис Персивал на всю ее жизнь. Дебаты и разделение, в результате которых было принято дополнительное решение о выплате 2000 *фунтов* в год старшему сыну мистера Персивала; но большая неприязнь к этому третьему предложению, выдвинутому мистером Самнером, поначалу встретила сопротивление министров.

ПОСЛЕДНИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ ШЕРИДАНА В ДОМЕ (1812).

Источник.—*Жизнь Шеридана* Мура, 1825. Стр. 677.

Мое возражение против нынешнего Министерства состоит в том, что оно открыто направлено против принципа — уступки католикам Ирландии, - который я считаю и всегда должен считать необходимым для безопасности этой империи. Я никогда не отдам свой голос какой-либо администрации, которая выступает против вопроса об эмансипации католиков. Я не соглашусь на отпуск по этому конкретному вопросу, даже если министерство выполнит все остальные мои пожелания. В целом, я считаю, что ситуация в Ирландии имеет первостепенное значение. Если бы это были последние слова, которые я когда—либо произнесу в этом Доме, я бы сказал: “Будьте справедливы к Ирландии, поскольку вы цените свою собственную честь; будьте справедливы к Ирландии, поскольку вы цените свой собственный мир”.

Его самые последние слова в парламенте по его собственной инициативе относительно мирных предложений Франции были следующими:

“И все же, после всеобщего порабощения и разорения Европы, если когда—либо найдется независимый историк, который зафиксирует ужасные события, вызвавшие это вселенское бедствие, пусть этот историк скажет: ”Великобритания пала, а вместе с ней пали все лучшие ценности для человеческой жизни, для могущества и чести, славы и свобод не только ее самой, но и всего цивилизованного мира”.

ВОЕННАЯ СЛУЖБА СЭРА СТЭПЛТОНА КОТТОНА (1813).

Источник.—*Дневник лорда Колчестера*, 1861. Том ii., стр. 440.

[9] 9th.—Sir Stapleton Cotton, [13] после того, как 5-го числа мне объявили о его прибытии в Лондон, я передал ему благодарность Палаты представителей в следующей речи: В

Генерал-лейтенант сэр Стэплтон Коттон, в этот промежуток между активными периодами войны ваша надлежащая сфера исполнения обязанностей находится в этих стенах; и мы с гордостью и удовольствием приветствуем ваше возвращение к нам, принеся с собой новые знаки королевского отличия [14] благосклонность, справедливая награда за новые заслуги и триумфы.

Происходя из длинного ряда предков, чьи имена занесены в записи самых ранних эпох нашей истории, и характеризуясь такими качествами, как благоразумие, великодушие и доблесть, которые заложили основы величия Англии, ваша раса продемонстрировала множество образцов того великолепного достоинства, которое делает достойными джентльменов Англии;

всегда готовых выполнять тяжелые обязанности гражданской жизни и никогда не медлящих братья за оружие по зову своей страны. Таков, в выдающейся степени, был тот почитаемый человек, от которого вы немедленно унаследовали свои собственные наследственные почести, снискавший любовь своими активными добродетелями у общественных деятелей своего времени, небезызвестный некоторым, кто все еще сидит среди нас, и всегда вспоминаемый мной с самыми искренними чувствами уважения и привязанности.

Но, сэр, когда путь молодости был открыт для вашего выбора, тогдашнее воинственное состояние мира пробудило в вас близкий дух, и ваш воинский пыл побудил вас столкнуться с трудами и опасностями войны в далеких краях. Обученный в тех же лагерях и движимый той же любовью к славе, что и великий полководец, который сейчас командует нашими армиями и наполняет мир своей славой, вы храбро следили за его блестящей карьерой и разделяли его беспрецедентные триумфы. Отказавшись от чар праздности и резиденции ваших предков, вы доблестно отправились на поля с шатрами Португалии и Испании и, пожав урожай нашей благодарности за ваши подвиги в битве при Талавере, теперь вы стоите перед нами, увенчанные неувядающими лаврами Саламанки; ваши эскадрильи в тот памятный день, сокрушив сражающиеся ряды врага, проложили путь к победе; и работа, начатая вашей доблестью, была завершена вашим триумфальным упорством.

Эти героические подвиги вновь дали вам право на общественную благодарность; и сейчас я от имени и по приказу Палаты общин Великобритании и Ирландии, в парламенте, передаю вам их единодушную благодарность за ваши выдающиеся усилия в битве при Саламанке 22 июля прошлого года, которая завершилась славной и решительной победой над армией противника.^[15]

VITTORIA (1813).

Источник.—*Избранное из депеш Веллингтона*. Гурвуд. Стр. 700.

Графу Батерсту.

Сальватьерра,
22 июня 1813 г..

Противник под командованием короля Жозефа, во главе с маршалом Журданом в качестве генерал-майора армии, в ночь на 19 сентября занял позицию перед Виторией; левая часть которой опиралась на высоты, заканчивающиеся у Ла-Пуэбла-де-Аргансон, и простиралась оттуда через долину Задорры перед деревней Ариньес. Они заняли справа от центра возвышенность, с которой открывался вид на долину Задорры. Правая часть их армии была расквартирована близ Витории и предназначалась для защиты переправ через реку Задорра в окрестностях этого города. У них был резерв в тылу слева от них, в деревне Гомеча. Природа местности, через которую прошла армия с тех пор, как достигла Эбро, неизбежно привела к удлинению наших колонн, и 20-го числа мы остановились, чтобы сомкнуть их, и двинулись левым флангом к Мургии, где это, скорее всего, потребовалось бы. В тот день я разведал позицию противника с целью атаки на следующее утро, если они все еще будут оставаться на ней. Соответственно, вчера мы атаковали врага, и я рад сообщить вашей светлости, что союзная армия под моим командованием одержала полную победу, выбив их со всех позиций;

забрав у них 151 орудие, фургоны с боеприпасами, весь их багаж, провизию, скот, сокровища и т.д., а также значительное количество пленных.

Дневные операции начал лейтенант. Генерал сэр Р. Хилл овладел высотами Ла-Пуэбла, на которых располагались левые части противника, высоты, которые они не заняли большими силами. Он выделил для этой службы одну бригаду испанской дивизии под командованием генерала Морильо; другая бригада была занята поддержанием связи между его основными силами на большой дороге из Миранды в Виторию и войсками, отведенными на высоты. Противник, однако, вскоре осознал важность этих высот и усилил там свои войска до такой степени, что лейтенант. -Генерал сэр Р. Хилл был вынужден сначала выделить 71-й regt. и батальон легкой пехоты бригады генерала Уокера под командованием лейтенанта. Полковник достопочтенный Х. Кадоган и последовательно другие войска дошли до того же пункта; и союзники не только завоевали, но и удерживали эти важные высоты на протяжении всех своих операций, несмотря на все усилия противника вернуть их.

Борьба здесь была, однако, очень серьезной, и потери были значительными. Генерал Морильо был ранен, но остался на поле боя; и я обеспокоен тем, что вынужден доложить об этом лейтенанту. -Полковник достопочтенный Х. Кадоган скончался от полученной им раны. В нем Его Величество потерял офицера с большими заслугами и испытанной храбростью, который уже завоевал уважение всей профессии и от которого можно было ожидать, что, останься он в живых, он оказал бы своей стране важнейшие услуги. Под прикрытием овладения этими высотами сэр Р. Хилл последовательно миновал Задорру у Ла-Пуэбла и ущелье, образованное высотами и рекой Задорра, атаковал и овладел деревней Субихана-де-Алава перед линией обороны противника, которую противник неоднократно предпринимал попытки вернуть.

Сложный характер местности препятствовал сообщению между нашими различными колоннами, двинувшимися в атаку со своих позиций на реке Байас в столь ранний час, как я ожидал; и было уже поздно, когда я узнал, что колонна, состоящая из 3-й и 7-й дивизий под командованием графа Далхаузи, прибыла на назначенную для них станцию. 4-я и Легкая дивизии, однако, перешли Задорру сразу после того, как сэр Р. Хилл овладел Субихана-де-Алава; первая - у моста Манкларес, а вторая - у моста Трес-пуэнтес; и почти сразу после того, как они переправились, колонна под командованием графа Далхаузи прибыла в Мендосу; и 3-я дивизия под командованием лейтенанта. Генерал сэр Т. Пиктон перешел реку по мосту выше, за ним следовала 7-я дивизия под командованием графа Далхаузи. Этим 4 дивизиям, составлявшим центр армии, было предназначено атаковать высоту, на которой располагался правый фланг вражеского центра, находясь под командованием лейтенанта. -Генерал сэр Р. Хилл должен двинуться вперед от Субихана-де-Алава, чтобы атаковать левый фланг. Противник, однако, ослабив свою линию, чтобы усилить свой отряд на холмах, оставил свою позицию в долине, как только увидел наше намерение атаковать ее, и начал отступление в хорошем порядке в направлении Витории.

Наши войска продолжали наступать в замечательном порядке, несмотря на трудности местности. Тем временем лейтенант. Генерал сэр Т. Грэм, который командовал левым крылом армии, состоящим из 1-й и 5-й дивизий, пехотных бригад генерала Пака и Брэдфорда, а также кавалерийских бригад генералов Бока и Энсона, и который 20-го был переброшен в Мургию, двинулся оттуда на Виторию по большой дороге, ведущей из этого города в Бильбао. Кроме того, с ним была испанская дивизия под командованием полковника Лонги;^[16] и генерал

Хирон, который был отведен влево, придерживаясь иного взгляда на положение дел, а затем был отозван и прибыл 20-го числа в Ордунью, выступил в то утро оттуда, чтобы быть на поле боя в готовности поддержать лейтенанта.- Генералу сэру Т. Грэхему, если бы потребовалась его поддержка.

У противника была пехотная дивизия с небольшим количеством кавалерии, продвигавшаяся по большой дороге из Витории в Бильбао, опираясь справа на несколько сильных высот, прикрывающих деревню Гамарра Майор. И Гамарра, и Абечуко были сильно заняты как *тет-де-пон*, так и мосты через Задорру в этих местах. Бриг .Генералу Паку со своей португальской бригадой и полковнику Лонге со своей испанской дивизией было приказано развернуться и занять высоты при поддержке легкой драгунской бригады генерал-майора Энсона и 5-й пехотной дивизии под командованием генерал-майора Освальда, который должен был принять командование всеми этими войсками.

Лейтенант.-Генерал сэр Т. Грэм сообщает, что при исполнении этой обязанности португальские и испанские войска вели себя превосходно. Особенно отличились 4-й батальон касадорес и 8-й касадорес. Полковник Лонга, находившийся слева, овладел мэром Гамарры.

Как только высоты оказались в нашем распоряжении, деревня Гамарра Майор была самым храбрым образом взята штурмом бригадой генерал-майора Робинсона из 5-й дивизии, которая продвигалась батальонными колоннами под очень сильным огнем артиллерии и ружей, без единого выстрела, при поддержке 2 орудий артиллерийской бригады майора Лоусона. Противник серьезно пострадал и потерял 3 орудия.

Лейтенант.Затем генерал приступил к атаке деревни Абечуко с 1-й дивизией, сформировав против нее сильную батарею, состоящую из бригады капитана Дюбурдые и отряда конной артиллерии капитана Рамзи; и под прикрытием этого огня бригада полковника Хэлкетта перешла к атаке деревни, которая была отбита; легкие батальоны атаковали и захватили 3 орудия и гаубицу на мосту. Эту атаку поддержала бригада португальской пехоты генералаБрэдфорда. Во время операции при Абечуко противник приложил максимум усилий, чтобы вернуть себе деревню Гамарра-Майор, которые были доблестно отбиты 5-й дивизией под командованием генерал-майора Освальда. Однако противник имел на высотах слева от Задорры в резерве 2 пехотные дивизии; и переправиться по мосту было невозможно до тех пор, пока войска, наступавшие на центр и левый фланг противника, не прогнали их через Виторию. Затем все вместе включились в погоню, которая продолжалась до наступления темноты.

Передвижение войск под командованием лейтенанта.Генерал сэр Т. Грэм, овладевший Гамаррой и Абечуко, остановил отступление противника по большой дороге во Францию. Затем они были вынуждены повернуть на дорогу, ведущую в Памплону; но они не смогли удерживать какую-либо позицию в течение достаточного периода времени, чтобы позволить отвести свой обоз и артиллерию. Таким образом, вся последняя, которая еще не была взята войсками в ходе их атаки, из последовательных позиций, занятых противником при отступлении с их первой позиции в Ариньесе и на Задорре, а также все их боеприпасы, обоз и все, что у них было, были захвачены недалеко от Витории. У меня есть основания полагать, что противник увез с собой только одно орудие и одну гаубицу.

Армия под командованием короля Жозефа состояла из всех армий Юга и Центра, а также из 4 дивизий и всей кавалерии армии Португалии и некоторых войск армии Севера. Дивизия

генерала Фоя армии Португалии находилась в окрестностях Бильбао; а генерал Клозель, командовавший армией Севера, находился близ Логроньо с одной дивизией армии Португалии под командованием генерала Топена и дивизией армии Севера генерала Ван-дер-Мессена. 6-я дивизия союзной армии под командованием генерал-майора достопочтенного Э. Пакенхэма также отсутствовала, задержавшись в Медина-де-Помар на 3 дня для прикрытия марша наших складов.

Я не могу слишком высоко превозносить хорошее поведение всех генералов, старшин и солдат армии в этой акции. Лейтенант.Генерал сэр Р. Хилл высоко отзывается о поведении генерала Морильо и испанских войск под его командованием, а также лейтенанта.Генерал достопочтенный У. Стюарт и конде де Амаранте, которые командовали пехотными дивизиями под его руководством. Он также упоминает поведение достопочтенного полковника Р. В. О'Каллагана, который удерживал деревню Субихана-де-Алава вопреки всем попыткам противника вернуть ее во владение, и лейтенанта.-Полковник Рук из управления генерал-адъютанта и лейтенант.-Достопочтенный полковник А. Аберкромби из управления генерал-квартирмейстера. Лейтенант, было невозможно, чтобы передвижения каких-либо войск осуществлялись с большим рвением и регулярностью, чем передвижения их соответствующих дивизий.Генералы граф Далхаузи, сэр Т. Пиктон, сэр Л. Коул и генерал-майор барон К. Альтен. Войска наступали эшелонами полков в две, а иногда и в три линии; а португальские войска в составе 3-й и 4-й дивизий под командованием бригадира Дж.Генерал Пауэр и полковник Стаббс возглавляли марш с непоколебимостью и доблестью, которые никогда не были превзойдены ни в одном случае.

Генерал-майор бригада достопочтенного К. Колвилла из 3-й дивизии подверглась серьезной атаке в ходе своего наступления со стороны превосходящих, хорошо сформированных сил, которые она отбросила при поддержке бригады генерала Инглиса из 7-й дивизии под командованием полковника Гранта из 82-й. Эти офицеры и войска под их командованием отличились.

Бригада легкой дивизии генерал-майора Венделера была во время наступления на Виторию выделена для поддержки 7-й дивизии; и лейтенант.-Генерал, граф Далхаузи наиболее благоприятно отзывался о его поведении. Лейтенант.Генерал сэр Т. Грэм, в частности, сообщает о своем впечатлении от помощи, которую он получил от полковника Де Ланси, заместителя генерального квартирмейстера, и лейтенанта.Полковник Гувери из управления генерал-адъютанта и из офицеров его личного штаба; и от лейтенанта.Достопочтенный полковник А. Аптон, А.qmg, и майор Хоуп, А.А.G., из 1-й дивизии; и генерал-майор Освальд сообщает то же самое о лейтенанте.-Полковник Беркли из управления генерал-адъютанта и лейтенант.-Полковник Гомм из управления генерал-квартирмейстера.

Я в особом долгу перед лейтенантом.-Генералом сэром Т. Грэмом и лейтенанту.Генералу сэру Р. Хиллу - за то, как они соответственно несли вверенную им службу с начала операций, завершившихся битвой 21-го августа; и за их поведение в этом сражении; а также маршалу сэру У. Бересфорду - за дружеские советы и помощь, которые я получал от него во всех случаях во время последних операций.

Я не должен также упустить из виду поведение генерала Хирона, командующего галисийской армией, который совершил форсированный марш из Ордуњи и фактически находился на месте в готовности поддержать лейтенанта.Генерал сэр Т. Грэм.

Я часто бывал в долгу и имел возможность обратить внимание вашей светлости на поведение генерал-квартирмейстера сэра Г. Мюррея, который в ходе последних операций и в сражении 21 июня снова оказал величайшую помощь. Я также в большом долгу перед лордом Эйлмером, заместителем генерал-адъютанта, и офицерами отделов адъютанта и генерал-квартирмейстера соответственно; а также перед лордом Фицроем Сомерсетом и лейтенантом.-Полковнику Кэмпбеллу и членам моего личного штаба; и лейтенанту.-Полковнику сэру Р. Флетчеру и офицерам Королевских инженерных войск.

Полковник Х.С.Х., наследный принц Оранский, находился на поле боя в качестве моего адъютанта и вел себя со своей обычной галантностью и умом.

Марискаль де Кампо, дон Л. Уимпффен, генеральный инспектор дон Т. О'Донохью и офицеры штаба испанской армии неизменно оказывали мне всяческую помощь, на которую были способны, в ходе этих операций; и я пользуюсь этой возможностью, чтобы выразить свое удовлетворение их поведением; а также поведением Марискаля де Кампо, дон М. де Алава; и бригадного генерала.Генералу Дону Дж. О'Лоулору, который так долго и с пользой работал у меня.

Артиллерия была наиболее разумно размещена лейтенантом.-Полковником Диксоном, и ее хорошо обслуживали; и армия в особом долгу перед этим корпусом. Характер местности не позволял задействовать кавалерию в целом; но генералы, командовавшие несколькими бригадами, держали войска под своим командованием соответственно близко к пехоте, чтобы поддержать ее, и они были наиболее активны в преследовании врага после того, как те были отброшены через Виторию.

Я отправляю эту депешу через моего адъютанта, капитана Фримантла, которого прошу разрешения рекомендовать для защиты вашей светлости. Он будет иметь честь возложить к ногам Его Королевского Высочества цвета 4-го батальона. 100-й полк и батист маршала Франции маршала Журдана, взятый 87-м полком.

Прилагаю отчет о возвращении убитых и раненых в ходе последних операций, а также о возврате боеприпасов, повозок и амуниции, захваченных у противника в ходе действий 21-го сентября.

НИЗЛОЖЕНИЕ НАПОЛЕОНА (1814).

I.—8апреля.

Источник.—СочиненияБайрона, 1898. Письма и дневники. Том ii., стр. 408.

8 апреля, [1814].

Меня не было в городе шесть дней. По возвращении я обнаружил, что моя бедная маленькая пагода, Наполеон, сброшен со своего пьедестала; —воры в Париже. Он сам виноват. Подобно Мило, он разорвал бы дуб; но тот снова сомкнулся, зажав его руки, и теперь звери - лев, медведь, вплоть до самого грязного шакала — все могут растерзать его. Та московская зимасковала его руки; с тех пор он сражался ногами и зубами. Последние все еще могут

оставить свой след; и “теперь я думаю” (как говорят янки), что он все же отдаст им пас. Он у них в тылу — между ними и их домами. Запрос — доберутся ли они когда-нибудь до них?

II.—9 апреля.

Суббота, 9 апреля 1814 года.

Я отмечаю этот день!

Наполеон Бонапарт отрекся от мирового трона. “Отлично”. Мне кажется, Силла поступил лучше, ибо он отомстил и ушел в отставку на пике своего могущества, покраснев от резни своих врагов — лучший пример великолепного презрения к негодяям из известных. Диоклесиан тоже преуспел — Амурат был бы неплох, если бы стал кем—нибудь, кроме дервиза - Карлом Пятым, но так себе — но хуже всего Наполеон. Что?! подожди, пока они не окажутся в его столице, и тогда говори о его готовности отказаться от того, чего уже нет!! “Что ты за скулящий монах, что за святой обманщик?” ’ Черт возьми!—Дионисий в Коринфе все еще был королем по сравнению с этим. “Остров Эльба”, на который можно удалиться!—Что ж, если бы это была Капрея, я бы удивлялся меньше. “Я вижу, что разум людей - всего лишь часть их состояния”. Я совершенно сбит с толку.

Я не знаю, но я думаю, что я, дажея (насекомое по сравнению с этим существом), посвятил свою жизнь слепкам, которые не составляют и миллионной доли жизни этого человека. Но, в конце концов, корона, возможно, не стоит того, чтобы за нее умирать. И все же, пережить *Лоди* ради этого!!! О, если бы Ювенал или Джонсон могли восстать из мертвых! *Expende—quot libras in duce summo invenies?* Я знал, что они невелики с точки зрения смертности, но я думал, что их живой прах весит больше *каратов*. Увы! у этого императорского бриллианта есть изъян, и теперь его с трудом можно вставить в карандаш стекольщика. — перо историка не оценит его и в дукат.

Тьфу! “что-то этого слишком много”. Но я не откажусь от него даже сейчас, хотя все его почитатели, подобно танам, “отпали от него”.

ТУЛУЗА, ВЗЯТАЯ ВЕЛЛИНГТОНОМ (1814).

Источник.—Избранное из депеш Веллингтона. Гурвуд. Стр. 809.

Графу Батерсту.

Тулуза,
12 апреля 1814 г..

Имею удовольствие сообщить вашей светлости, что сегодня утром я вступил в этот город, который враг покинул ночью, отступив по дороге на Каркассон.

Продолжавшийся дождь и состояние реки помешали мне заложить мост до утра 8-го, когда испанский корпус и португальская артиллерия под непосредственным командованием лейтенанта.Генерал Дон М. Фрейре со штабом переправился через Гаронну.

Мы немедленно двинулись вперед, к окрестностям города; и 18-й гусарский полк под непосредственным командованием полковника Вивиана получил возможность провести самую

храбрую атаку на превосходящие силы кавалерии противника, которые они прогнали через деревню Круа д'Орад, взяли около 100 пленных и передали нам в распоряжение важный мост через реку Эрс, по которому необходимо было пройти, чтобы атаковать позиции противника. Полковник Вивиан, к сожалению, был ранен в этом случае; и я боюсь, что на некоторое время лишусь его помощи.

Город Тулуза окружен с трех сторон Лангедокским каналом и Гаронной. Слева от этой реки предместье, которое враг укрепил мощными полевыми сооружениями перед древней стеной, образовывало хороший *тет-де-пон*. Они также образовали *тет-де-пон* у каждого моста через канал, который, кроме того, в некоторых местах защищался ружейным огнем и всей артиллерией со старой городской стены. За каналом на востоке и между ним и рекой Эрс находится высота, которая простирается до Монторана и через которую проходят все подходы к каналу и городу на востоке, который он защищает; и противник, в дополнение к *тет-де-пон* на мостах через канал, укрепил эту высоту пятью редутами, соединенными линиями окопов, и с необычайным усердием провел все приготовления к обороне. Они также разрушили все мосты через реку Эрс в пределах нашей досягаемости, по которым можно было приблизиться к правому краю их позиции. Дороги, однако, от Арьежа до Тулузы были непроходимы для кавалерии или артиллерии, и почти так же непроходимы для пехоты, как сообщалось в моей депеше вашей светлости от первого мгновения, у меня не было другого выхода, кроме как атаковать врага на этой грозной позиции.

Было необходимо перенести понтонный мост выше по Гаронне, чтобы сократить сообщение с лейтенантом. Корпус генерала сэра Р. Хилла, как только прошел испанский корпус; и эта операция была проведена так поздно 9-го числа, что вынудила меня отложить атаку до следующего утра.

План, по которому я решил атаковать противника, был для Маршала сэра У. Бересфорда, который был справа от ERS с 4-й и 6-й дивизий, чтобы пересечь реку по мосту Круа д'Орад, чтобы завладеть Монблан, и в марте вверх слева от ОР превратить врага в порядок, а лейтенант. - Генерал Дон М. Фрейре с испанским корпусом под его командованием при поддержке британской кавалерии должен атаковать фронт. Лейтенант. Генерал сэр С. Коттон должен был следить за передвижением маршала с гусарской бригадой генерал-майора лорда Э. Сомерсета; а бригада полковника Вивиана под командованием полковника Аренчильдта должна была наблюдать за передвижениями кавалерии противника на обоих берегах реки Эрс слева от нас. 3-я и Легкая дивизии под командованием лейтенанта. Генерал сэр Т. Пиктон и генерал-майор К. барон Альтен, а также бригада немецкой кавалерии должны были наблюдать за противником в нижней части канала и привлечь его внимание к этому кварталу, угрожая *тет-де-пон*, находясь на посту лейтенанта. Генерал сэр Р. Хилл должен был сделать то же самое в пригороде слева от Гаронны.

Маршал сэр У. Бересфорд перешел реку Эрс и сформировал свой корпус в 3 шеренги в деревне Круа д'Орад, возглавляя 4-ю дивизию, с которой он немедленно захватил Монблан. Затем он двинулся вверх по холмам в том же порядке, по наиболее труднопроходимой местности, в направлении, параллельном укрепленной позиции противника; и как только он достиг точки, в которой он ее обогнул, он построил свои линии и перешел в атаку. Во время этих операций лейтенант. Генерал Дон М. Фрейре двинулся вдоль левого фланга к фронту Круа д'Орад, где сформировал свой корпус в 2 линии с резервом на высоте перед левой частью позиции

противника, на высоте которой была размещена португальская артиллерия; а кавалерийская бригада генерал-майора Понсонби находилась в резерве в тылу.

Как только они были сформированы и стало видно, что маршал сэр У. Бересфорд готов, лейтенант.-Генерал Дон М. Фрейре двинулся в атаку. Войска маршировали в хорошем порядке, под очень сильным огнем мушкетов и артиллерии, и проявили большой дух, генерал и весь его штаб были во главе; и вскоре две линии были закреплены под несколькими берегами, непосредственно под окопами противника; резервная и португальская артиллерия, а также британская кавалерия продолжали удерживать высоту, на которой войска сначала построились. Неприятель, однако, отразил движение правых частей линии генерала Фрейра вокруг своего левого фланга; развив свой успех и обогнув нас справа по обе стороны большой дороги, ведущей из Тулузы на Круа д'Орад, они вскоре вынудили весь корпус отступить. Мне доставило большое удовлетворение видеть, что, хотя они значительно пострадали при отступлении, войска снова сплотились, как только Легкая дивизия, которая была непосредственно справа от них, двинулась вперед; и я не могу в достаточной степени аплодировать усилиям лейтенанта.- Генералу Дону М. Фрейре, офицерам штаба 4-й испанской армии и офицерам Генерального штаба вновь сплотиться и сформировать их.

Лейтенант.Генерал Мендизабаль, который участвовал в боевых действиях в качестве добровольца, генерал Эспелета и несколько офицеров и командиров корпусов были ранены в этом случае; но генерал Мендизабаль продолжал сражаться. Полк*Тирадорес де Кантабрия* под командованием полковника Леона де Сицилия удерживал свою позицию под вражескими окопами, пока я не приказал ему отступить.

Тем временем маршал сэр У. Бересфорд с 4-й дивизией под командованием лейтенанта Дж.Генерал сэр Л. Коул и 6-я дивизия под командованием лейтенанта.Генерал сэр Х. Клинтон атаковал и овладел высотами справа от противника и редут, который прикрывал и защищал этот фланг; и он разместил эти войска на одной высоте с противником; которые, однако, все еще владели 4 редутами, а также окопами и укрепленными домами.

Плохие дороги побудили маршала оставить свою артиллерию в деревне Монблан; и прошло некоторое время, прежде чем ее смогли доставить к нему и к лейтенанту.- Корпус генерала Дона М. Фрейре может быть переформирован и снова брошен в атаку. Как только это было сделано, маршал продолжил свое движение вдоль хребта и захватил вместе с бригадой генерала Пака из 6-й дивизии два главных редута и укрепленные дома в центре вражеской территории. Противник предпринял отчаянную попытку со стороны канала вернуть себе эти редуты, но они были отбиты со значительными потерями; и 6-я дивизия продолжала свое движение вдоль гребня высоты, а испанские войска продолжали соответствующее движение по фронту, враг был отброшен от двух редутов и окопов слева; и весь диапазон высот был в нашем распоряжении. Однако мы получили это преимущество не без серьезных потерь; особенно в храброй 6-й дивизии. Лейтенант.Полковник Коглан из 61-го полка, офицер с большими заслугами и подающий надежды, к сожалению, был убит при атаке высот. Генерал-майор Пак был ранен, но смог остаться на поле боя; а полковник Дуглас из 8-го португальского полка потерял ногу; и я боюсь, что на значительное время буду лишен его помощи.

36-й, 42-й, 79-й и 61-й полки потеряли значительную численность и отличились в течение дня.

Я не могу в достаточной степени аплодировать способностям и поведению маршала сэра У. Бересфорда на протяжении всех операций этого дня, равно как и лейтенанта. Генералы сэр Л. Коул, сэр Х. Клинтон, генералы-майоры Пак и Ламберт и войска под их командованием. Маршал сэр У. Бересфорд особо отмечает хорошее поведение бригады. - Генерал д'Урбан, генерал-квартирмейстер, и генерал Брито Мозиньо, генерал-адъютант португальской армии.

4-я дивизия, хотя и подверглась на марше вдоль фронта противника яростному огню, участвовала в боях не так сильно, как 6-я, и не так сильно пострадала; но они вели себя со своей обычной храбростью.

У меня также были все основания быть довольным поведением лейтенанта. - Генерал Дон М. Фрейре, лейтенант. Генерал Дон Г. Мендисабаль, Мариско де Кампо, дон П. Барсенас, бригадир. Дон Х. де Эспелета, Марискаль де Кампо, дон А. Гаркас де Марсилья, начальник штаба дон Э. С. Сальвадор и офицеры штаба 4-й армии. Офицеры и войска хорошо вели себя во всех атаках, которые они предприняли после реформирования.

Местность не допускала действий кавалерии, и у них не было возможности атаковать.

В то время как происходили описанные выше операции, слева от армии лейтенант. - Генерал сэр Р. Хилл выбил врага с его внешних укреплений в пригороде, слева от Гаронны, внутри древней стены. Лейтенант. Генерал сэр Т. Пиктон подобным же образом с 3-й дивизией отбросил противника в пределах *тет-де-пон* на мосту через канал, ближайший к Гаронне; но войска, предпринявшие попытку овладеть им, были отброшены, и были понесены некоторые потери. Генерал-майор Брисбейн был ранен; но я надеюсь, не настолько, чтобы лишить меня на какое-то время его помощи; и лейтенант. Полковник Форбс из 45-го полка, офицер с большими заслугами, был убит.

Армия, таким образом, расположилась с трех сторон от Тулузы, и я немедленно выделил нашу легкую кавалерию, чтобы перерезать сообщение по единственной дороге, практически пригодной для обозов, которая оставалась у противника, пока я не смогу принять меры к размещению войск между каналом и Гаронной.

Однако прошлой ночью противник отступил, оставив в наших руках генерала Хариспе, генерала Баурота, генерала Сент-Илера и 1600 пленных. Одно орудие было взято на поле боя, а другие, а также большое количество всевозможных припасов - в городе.

С тех пор как я отправил свой последний отчет, я получил отчет от контр-адмирала Пенроуза об успехах в Жиронде лодок эскадры под его командованием.

Лейтенант. Генерал граф Далхаузи пересек Гаронну примерно в то же время, когда адмирал Пенроуз вошел в реку, и оттеснил вражеские отряды под командованием генерала Люилье за Дордонь. Затем 4-го числа он переправился через Дордонь близ Сен-Андре-де-Кубзак с отрядом войск под его командованием с целью атаки форта Блэ. Его светлость обнаружил генерала Люилье и генерала Десбаро, расположившихся около Эталье, и принял решение атаковать их, когда они отступили, оставив в его руках около 300 пленных. Прилагаю отчет графа Далхаузи об этом деле.

В операциях, о которых я сейчас сообщил, у меня были все основания быть довольным помощью, которую я получил от квартирмейстера и генерал-адъютанта и офицеров этих

департаментов соответственно; от Марискаля де Кампо дона Л. Вимпффена и офицеров испанского штаба, а также от Марискаля де Кампо дона М. де Алава; от полковника Диксона, командующего артиллерией союзников; и от лейтенанта. Полковник лорд Фицрой Сомерсет и офицеры моего личного штаба.

БЛАГОДАРНОСТЬ ГЕРЦОГА ВЕЛЛИНГТОНА (1814).

Источник.—*Дневник лорда Колчестера, 1861. Том ii., стр. 505.*

Пятница, 1 июля.— В три часа Палата общин выступила с Обращением по поводу Договора и вернулась к половине пятого. По моем возвращении лорд Каслри ознакомился с Домом, который посещал герцог Веллингтон, в соответствии с его просьбой о разрешении лично поблагодарить Дом. Дом был переполнен во всех частях. Герцога впустили, он занял свое место в баре, на стуле, поставленном для него, как обычно, слева от входа. Усевшись в накрытое одеялом кресло, он встал и поблагодарил Заведение. Когда он закончил свою речь, я встал и, сняв шляпу, обратился к нему в ответ. Затем он удалился; приветствия в Палате представителей, в вестибюле и коридорах были громкими, долгими и повторялись до самого его ухода. Он был одет в мундир фельдмаршала с голубой лентой Подвязки и еще одной через плечо, а на голубой ленте у него на шее висело Золотое руно, усыпанное великолепными бриллиантами. Я остался в своей парадной форме, а сержант - в воротничке после того, как мы вернулись из Карлтон-Хауса, и до окончания церемонии.

Речь герцога Веллингтона в Палате общин.

Мистер Спикер, я очень хотел получить разрешение присутствовать в этой Палате, чтобы лично выразить свою благодарность за честь, которую они оказали мне, поручив Комитету членов этой Палаты поздравить меня с моим возвращением в эту страну, и это после того, как Палата воодушевляла мои усилия своими аплодисментами по каждому поводу, который, казалось, заслуживал их одобрения, и после того, как они довели меру своих милостей до предела, наградив меня, по рекомендации принца—регента, самым благородным подарком, который когда-либо получал подданный.

Я надеюсь, что с моей стороны не будет сочтено самонадеянным воспользоваться этой возможностью и выразить свое восхищение огромными усилиями, приложенными этой Палатой представителей и Страной в момент беспрецедентного давления и трудностей, чтобы поддержать масштабные операции, благодаря которым конкурс был так удачно завершен.

Благодаря мудрой политике парламента правительство получило возможность оказывать необходимую поддержку операциям, которые проводились под моим руководством. И я был воодушевлен доверием, оказанным мне министрами Его Величества и Главнокомандующим, милостивым расположением Его Королевского Высочества принца-регента и тем, что я полагался на поддержку моих доблестных друзей, высших офицеров армии, а также на храбрость офицеров и солдат, чтобы продолжить операции таким образом, чтобы заслужить те знаки одобрения этого Дома, за которые я сейчас имею честь выразить свою скромную признательность.

Сэр, для меня невозможно выразить ту благодарность, которую я испытываю. Я могу только заверить Палату Представителей, что я всегда буду готов служить Его Величеству в любом

качестве, в котором мои услуги могут быть сочтены полезными, с тем же рвением к моей Стране, которое уже снискало мне одобрение этой Палаты.

Ответ говорящего.

Мой господин, С тех пор, как я в последний раз имел честь обращаться к вам с этого места, прошла череда насыщенных событиями лет, но ни один из них не прошел без какого-либо следа вашей восходящей славы. Военный триумф, которого ваша доблесть добилась на берегах Дору и Тахо, Эбро и Гаронны, вызвал стихийные крики восхищения народов. В этот день нет необходимости перечислять эти триумфы; их имена были вписаны вашим победоносным мечом в летописи Европы, и мы с ликованием передадим их детям наших детей.

Однако не только величие военного успеха вызывает наше восхищение или аплодисменты. Это был тот великодушный и возвышенный дух, который вселил в ваши войска безграничную уверенность и научил их знать, что день битвы всегда был днем победы; то моральное мужество и несокрушимая стойкость, которые в опасные времена, когда мрак и сомнения овладевали обычными умами, оставались, тем не менее, непоколебимыми, и то господство характера, которое, объединяя энергию завистливых и соперничающих наций, позволяло вам распоряжаться по своему усмотрению судьбами могущественных империй.

За неоднократные благодарности и гранты, даруемые вам этим Домом в благодарность за ваши многочисленные и выдающиеся заслуги, вы сочли нужным сегодня выразить нам свою признательность. Но эта Нация хорошо знает, что она по-прежнему в значительной степени является вашим должником. Мы обязаны вам гордым удовлетворением от того, что среди созвездия великих и прославленных воинов, недавно посетивших нашу страну, мы смогли представить им нашего собственного Лидера, которому все, по общему одобрению, признали превосходство, и когда воля Небес и общие судьбы нашей природы сметут нынешнее поколение, Вы оставите свое великое имя и пример в качестве нетленного памятника, побуждающего других к подобным славным деяниям, и служащего одновременно украшению, защите и увековечиванию существования этой страны среди правящих наций мира. земля.

Теперь остается только поздравить вашу светлость с высокой и важной миссией, к выполнению которой вы собираетесь приступить; и мы не сомневаемся, что те же самые великолепные таланты, столь заметные на войне, будут с таким же авторитетом, твердостью и умеренностью отстаивать нашу национальную честь и интересы в мирное время.

ОДА, НАПИСАННАЯ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕГОВОРОВ С БОНАПАРТОМ (1814).

Источник. Роберт Саути: *Стихи*.

1. Кто проповедует мир в этот важный час,
Когда Бог даровал избавление угнетенным
И обиженной власти?
Кто выступает за мир, когда месть, как наводнение,
Надвигается, и ее уже нельзя подавить;
Когда невинная кровь

С четырех концов света взывает
К справедливости, падающей на одну проклятую голову;
Когда Свобода распростерла свое священное знамя
Над всеми народами, теперь объединенными в одном справедливом деле
; когда в едином возвышенном согласии
Европа сбрасывает отвратительное иго,
И Верность, и Древние законы
Следуют за карающим мечом?

2. Горе, горе Англии! горе и бесконечный позор,
Если эта героическая земля,
Обманутая в своих чувствах и незапятнанной славе,
Протянет оливку в руку Тирана!
Горе миру, если трон Бонапарта
пострадает и все еще будет стоять!
Ибо под какими именами будут известны Добро и Зло?
Какими новыми придворными фразами мы должны изобличать
Ложь, Убийства и все чудовищные преступления,
Если этот вероломный корсиканец
по-прежнему сохраняет свое ненавистное правление,
А Франция, которая даже сейчас жаждет разорвать свои цепи,
будет стонать Под его железным правлением?
Нет! клянусь бесчисленными мертвецами,
Чья кровь была пролита из-за его жажды власти,
только смерть может искупить его грязные деяния;
Тот мир, который могут даровать Смерть и Суд,
Этот мир принадлежит Буонапарте, и только ему!

3. Ибо скорее эфиоп сменит свою шкуру,
Или с леопарда сойдут ее пятна,
Чем этот человек изменит своему старому алчному сердцу.
Разве вы не видели, как его взвесили на весах,
И там обнаружили недостаток? — На кровавой арене
Впереди всех стоял решительный авантюрист;
И когда, выиграв множество битв,
Он возложил на свое чело корону,
Подчинив своей власти обезумевшую Францию,
Тогда, подобно Октавиусу в старые времена, он мог бы передать по наследству
Доброе имя,
Смыв многие пятна прежних преступлений.
Дурак! неужели он должен отказаться от этой яркой славы!
Дурак! выкуп, предложенный в случае его поражения!
Когда Небеса сподобили его такой милости, что перед ним
лежал путь

К Добру и Злу, который следовало выбрать.

4. Но Зло было его Добром,
Слишком долго он был вскормлен кровью,
И никогда еще на земле не было более проклятого тирана.
Смелый человек и злодей,
Безжалостный, безбожный, полный обмана и лжи,
почерневший от убийств и лжесвидетельств,
Он облачился во все доспехи Ада;
Он не знал закона, кроме своей собственной упрямой воли,
Не знал советчика, кроме своего собственного злого сердца.
Из зла, обладавшего такой зловещей силой, он извлек
И растоптал ногами все человеческие связи,
Все святые законы, всю естественную благотворительность.

5. О Франция! под властью этого свирепого варвара
ты опозорен на все последующие времена;
Грабеж, кровь и огонь отметили твой путь,
Все отвратительные, все невыразимые преступления.
Проклятие на тебе, Франция! Отовсюду
Оно вознеслось к Небесам; все страны зывали
К отмщению твоей ненавистной голове;
Все народы проклинают тебя, Франция! ибо где бы
ни развевалось твое знамя, В мире или на войне, за ним следовали
Все формы человеческого горя:
Живые и Мертвые
одинаково зывают против тебя! Те, кто несут,
Сгибаясь под тяжестью твоего железного ярма,
Присоединяются в горечи тайной молитвы
К голосу той бесчисленной толпы,
Чьи убитые души день и ночь зывают к
вечному Судье добра и неправды,
Доколе, о Господи! Святой и Праведный, как долго!

6. Ты был безжалостным угнетателем,
Сам тем временем был безжалостно угнетаем;
Жаден до войны, когда все, чего ты мог добиться,
Было лишь запятнать свою душу еще большим преступлением
И быстрее заковать себя в цепи.
О, слепой к чести и намерениям слепец,
Когда ты в таком жалком рабстве подчинился
этому выскочке-варвару, ты смог бросить вызов
Божьему правосудию и сердцу человечества!
Безумно ты думал поработить мир,

оставаясь при этом жалким рабом;
Смотри, флаг мести развернут!
Грозные армии Севера наступают;
В то время как Англия, Португалия и Испания вместе взятые
Развевают свои победоносные знамена на ветру
И стоят победителями на полях Франции.

7. Один человек был на протяжении десяти долгих несчастных лет
причиной всей этой крови и всех этих слез;
Один человек в этот самый ужасный момент времени
Навлекает на себя твою опасность, поскольку он стал причиной твоего преступления.
Не жди слишком долго этого события,
Ибо теперь вся Европа ополчается против тебя;
Его козни и их собственная сила известны народам;
Умудренные прошлыми обидами, с будущими мирными намерениями,
Народ и князья, единодушно,
Со всех сторон выступают против общего врага:
Один акт справедливости, один искупительный удар,
Одна отвратительная голова низко склонена,
Даже пока, о Франция! отвращает твое наказание:
Открой глаза твои! слишком долго ты был слеп;
Отомсти за себя и за человечество!

8. Франция! если ты любишь свою древнюю славу,
отомсти за свои страдания и свой позор!
Костями, которые белеют на пляже Яффо;
кровью, которая на берегу Доминго
Забила кровью птиц-падальщиков;
Плотью, которой объелись волки Испании,
Или застыла на снежных равнинах
замерзшей Московии;
Телами, которые лежат открытыми небу,
Отслеживая бегство тирана от Эльбы до Рейна;
криками вдов и сирот,
страданиями бездетных родителей,
жизнями, которые были потеряны. он пролил,
Разрушениями, которые он распространил,
Возносящимися молитвами о проклятиях на его голову,
Искупи, о Франция! твоя древняя слава,
Отомсти за свои страдания и свой позор;
Открой глаза! Слишком долго ты был слеп;
Отомсти за себя и за человечество!

9. Клянусь теми ужасами, свидетелями которых была эта ночь, когда свет факелов
показал
собравшимся убийцам,
где текла кровь Конде;
Славой твоего убитого Пишегрю;
убитым Райтом (английское имя);
жестокой судьбой убитого Пальма;
мученической смертью убитого Хофера;
О! клянусь добродетельной кровью, столь подло пролитой,
особой личной виной Злодея,
Открой глаза! слишком долго ты был слеп!
Отомсти за себя и за человечество!

БЕСЕДА МАЙОРА ВИВИАНА С НАПОЛЕОНОМ На ЭЛЬБЕ (ЯНВАРЬ 1815 г.).

Источник.—Дж. Х. Роуз: *Питт и Наполеон*. Г. Белл и сыновья, 1912. Стр. 170-172 и 173, 174.

Его следующей темой была политика; он спросил меня, как идут дела в Конгрессе. Я сказал ему, что праздников было много, но, как говорят, в бизнесе не было достигнуто большого прогресса; и я упомянул ему одобром слова принца де Линя, который сказал: “*Танцевальный конгресс, пусть не маршируют*”, на что он улыбнулся. Я добавил, что Польша считалась камнем преткновения; говорили, что император России хотел создать из нее королевство, но предполагалось, что другие державы опасались, что Россия станет слишком грозной. Он заметил, что это была сила, которая продолжала расти; очень растущая сила. Затем он сказал, что мирный договор между ними союзниками должен был быть подписан во Франкфурте, полностью отделив Германию от Франции и отбрав у него Голландию, Италию и Испанию; но что он никогда бы не согласился оставить Франции меньше территории, чем это было, когда он вззошел на трон. Я спросил его, почему он не заключил мир в Дрездене, когда ему были предложены эти условия: Он сказал, что союзники не были искренни, и что, кроме того, *выбор* в то время был иным; что если бы тогда был заключен мир, Англия была бы спасена несколькими тысячами людей и большими деньгами; что он считал очень плохой политикой Англии присвоение Бельгии себе;[17] что это было бы неправильно. вероятно, это втянуло бы ее в войну; из-за этого любая другая континентальная держава была бы уверена во Франции как в союзнике, предложив Бельгию в качестве взятки. “Предположим, — сказал он, - например, что Россия скажет Франции: “Берите Бельгию, а мне отдайте Польшу“. Короче говоря, - добавил он, - Англия не сможет удержаться в качестве державы первого ранга на Континенте; Бельгия должна быть потеряна при первом же *государственном перевороте*. Английскому правительству следовало бы прикрыть и укрепить Бельгию, но целью является Антверпен, поскольку битва, разыгранная и проигранная под Брюсселем, который находится недалеко от ворот Парижа, открыла бы дорогу в Голландию. Англия с ее огромными колониями, вместо того чтобы содержать большую армию для прикрытия Бельгии, должна отступить в пределы своего острова и действовать, когда и где она пожелает”. Он говорил о голландских войсках и, по-

видимому, был о них невысокого мнения; их морская пехота, по его словам, была значительно сокращена. Он с большим презрением отзывался об австрийских солдатах, которые “не стали бы сражаться, не набив брюхо”. — Имея в виду кампанию во Франции, он сказал, что разбил бы союзников, если бы его не предали; из-за этого крестьяне брались за оружие у них в тылу. Я спросил его, кто его предал: не Талейран Ли, которого, как я слышал, обвиняли. Он ответил так, чтобы дать мне понять, что он был участником; но в основном он винил Мармона и Ожеро.^[18] Последний, по его словам, располагал прекрасной армией, превосходящей австрийскую, и должен был присоединиться к нему (Бонапарту) в его последнем движении; но он заключил свои условия с союзниками за две недели до этого и едва избежал расправы со своими солдатами за свое поведение. Я заметил ему, что, когда я проезжал через Париж, я слышал, что среди низших слоев общества ходило мнение, что он и Париж были проданы — “для императора и парижской венды”. Блюхер, по его словам, был храбрым человеком, но не великим полководцем; и добавил, что он потерял две армии.^[19] Пруссаки сражались хорошо. — О Шварценберге, как об офицере, он отзывался положительно. — На мой вопрос, не считает ли он герцога Веллингтона хорошим генералом, он ответил: “*Oui*”. — Я не был удовлетворен этим, но повторил вопрос в более сильных выражениях, спросив, не был ли он очень хорошим — превосходным генералом. Он ответил: “*Да, да!*” с ударением, но ни слова больше. — Касаясь кампании в Ла-Корунье, он сказал, что Мур был хорошим генералом и спас эту армию. Испанцев, как солдат, он держал очень дешево. В горах они что-то сделали, их характером было упрямство (*opiniâtreté*) — они хотели доблести. Я упомянул о доблестной обороне, которую они предприняли в Сарагосе. Это, по его словам, было *мнением*; — в стенах было 50 000 человек, атакованных 15 000. Я заметил, что, по крайней мере, португальцы показали себя очень хорошими войсками. Он признал это. “Но тогда, — добавил он, — ими командовали англичане, а этого национальная гордость [*fierte*] испанцев не желала признавать; кроме того, испанцы религиозные фанатики, и вы знаете, что вы еретики” (*вы спасаете людей*), сказал он, смеясь. Французские солдаты, утверждал он, были *постоянными*; что он (Бонапарт) хорошо это знал и действовал в соответствии с этим во время кампании во Франции; что солдаты не могли выдержать такой проверки (*secousse*). Он поинтересовался, не бывают ли английские солдаты неуправляемыми, когда напиваются, заметив, что французы в такие моменты проявляют любовь (*душа и нежность*).

... Говоря об американцах, он сказал, что они хотели, чтобы десятилетняя война сделала их нацией; что в настоящее время у них нет благородства, которое они приобрели бы в результате войны; что теперь они нация торговцев (*une nation de marchands*), как было показано в случае продажи библиотеки Джефферсона тому, кто больше заплатит; что если бы мы (англичане) заключили с ними мир раньше, мы пошли бы в Конгресс с большим весом; что Америка с воодушевлением продолжала войну после падения Франции (*après que la France eut succombée*) и что война, в конце концов, была ни из—за чего — на несколько футов больше или меньше от озера. Затем он сказал что-то о великом проекте, который у него был относительно Мексики, смысла которого я не смог уловить; и заметил, что рано или поздно мы потеряем Канаду; добавив — “Какое большое значение это имеет для Англии с ее многочисленными колониями?” Он сказал, что когда Америка станет более могущественной, она, вероятно, будет соперничать с нами в нашей морской пехоте; что он предпринял попытку сделать это, но потерпел неудачу. Что касается Права на обыск, которое я назвал правом, он сказал, что это не право, а простая *теория*; что когда мы очень сильны, мы должны им пользоваться, но если, напротив, против нас Россия, Швеция и Дания, нам, вероятно, не следует настаивать на этом.

Он высказал свое мнение о том, что Англия и Франция должны быть союзниками. Когда я покачал головой, указывая на невероятность такого события, он сказал: “Почему бы и нет?— Мир достаточно велик — Франция не хочет слишком вмешиваться в торговлю. Был человек, Фокс, который мог бы это осуществить, но, к сожалению, он мертв”. (*Mais pourquoi pas? le monde est assez grand—la France n’a pas besoin de se mêler trop du commerce. Il y avoit un homme, Fox, qui auroit pu le faire, mais malheureusement il est mort.*) Затем он спросил, куда мы направляемся с Эльбы, и на мой ответ: “В Рим и Неаполь”, он ответил: “Ах! тогда вы увидите там великолепный Лаццароне”, [20] добавив: “Из Неаполя, я полагаю, вы возвращаетесь в Англию морем?” Когда я сказал, что намеревался вернуться через Италию и гору Сени, поскольку я видел все другие перевалы Альп, пройдя из Вены через Тироль, он заметил: “Нет, это все еще через Юлийские Альпы”. Сказав это, он отвесил нам низкий поклон, пожелал *приятного путешествия* и удалился.

ВАТЕРЛОО, ОПИСАННОЕ ВЕЛЛИНГТОНОМ (1815).

Источник.—*Избранное из депеш Веллингтона*. Гурвуд. Стр. 857.

Графу Батерсту.

Ватерлоо,
19 июня 1815 г..

Бонапарт, собрав 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 6-й корпуса французской армии, императорскую гвардию и почти всю кавалерию на Самбре и между этой рекой и Маасом, между 10-м и 14-м числами месяца, продвинулся 15-го числа и атаковал прусские посты в Тюэне и Лоббе, на Самбре, на рассвете.

Я узнал об этих событиях только вечером 15-го; и я немедленно приказал войскам готовиться к маршу, а затем двинуться налево, как только у меня появятся сведения из других источников, подтверждающие, что движение противника на Шарлеруа было настоящей атакой.

В тот день противник выбил прусские позиции из Самбры; и генерал Зитен, командовавший корпусом, стоявшим у Шарлеруа, отступил к Флерюсу; а маршал принц Блюхер сосредоточил прусскую армию у Сомбрефа, удерживая деревни перед своими позициями у Сент-Армана и Линьи.

Противник продолжил свой марш по дороге из Шарлеруа в Брюссель; и в тот же вечер, 15-го, атаковал бригаду нидерландской армии под командованием принца Веймарского, расположенную во Фрэсне, и отбросил ее к ферме на той же дороге, называемой Ле-Катр-Бра. Принц Оранский немедленно усилил эту бригаду другой из той же дивизии под командованием генерала Перпончера и ранним утром отвоевал часть утраченной территории, чтобы контролировать коммуникации, ведущие из Нивеля и Брюсселя к позициям маршала Блюхера.

Тем временем я приказал всей армии выступить на Ле-Катр-Бра, а 5-й дивизии под командованием лейтенанта Дж. Генерал сэр Т. Пиктон прибыл примерно в половине третьего дня, за ним следовал корпус войск под командованием герцога Брауншвейгского, а затем контингент Нассау.

В это время неприятель начал атаку на принца Блюхера всеми своими силами, за исключением 1-го и 2-го корпусов и кавалерийского корпуса под командованием генерала Келлермана, с которым он атаковал наш пост в Ле-Катр-Бра.

Прусская армия удерживала свои позиции со своей обычной доблестью и упорством, несмотря на большое численное превосходство, поскольку 4-й корпус их армии под командованием генерала Бюлова не присоединился; и я не смог помочь им так, как хотел, поскольку я сам был атакован, а войска, в частности кавалерия, которой предстояло пройти большое расстояние, не прибыли.

Мы также сохранили свою позицию и полностью разгромили все попытки противника овладеть ею. Противник неоднократно атаковал нас большими силами пехоты и кавалерии при поддержке многочисленной и мощной артиллерии. Он предпринял несколько атак с кавалерией на нашу пехоту, но все они были отбиты самым стойким образом.

В этом деле его превосходительство принц Оранский, герцог Брауншвейгский и лейтенант. Генерал сэр Т. Пиктон и генерал-майоры сэр Дж. Кемпт и сэр Денис Пак, которые были задействованы с самого начала атаки противника, высоко отличились сами, а также лейтенанты. -Генерал К. Барон Альтен, генерал-майор сэр К. Хэлкет, лейтенант. -Генерал Кук и генерал-майоры Мейтленд и Бинг по мере их прибытия. Войска 5-й дивизии и Брауншвейгского корпуса вели длительные и ожесточенные бои и вели себя с величайшей доблестью. Я должен особо упомянуть 28-ю, 42-ю, 79-ю и 92-ю дивизии и ганноверский батальон.

Наша потеря была велика, как ваша светлость поймет из прилагаемого ответа; и я должен особенно сожалеть о его превосходительстве герцоге Брауншвейгском, который пал, доблестно сражаясь во главе своих войск.

Хотя маршал Блюхер сохранил свою позицию у Сомбрефа, он все еще чувствовал себя сильно ослабленным ожесточенностью сражения, в котором он участвовал, и, поскольку 4-й корпус не прибыл, он решил отступить и сосредоточить свою армию у Вавра; и он выступил ночью, после окончания боя.

Это движение маршала сделало необходимым соответствующее движение с моей стороны; и я отступил с фермы Катр-Бра на Женаппе, а оттуда на Ватерлоо на следующее утро, 17-го, в 10 часов.

Противник не предпринимал никаких попыток преследовать маршала Блюхера. Напротив, патруль, который я отправил в Сомбреф утром, обнаружил, что все спокойно;^[21] и вражеские истребители отступили по мере продвижения патруля. Он также не пытался помешать нашему маршу в тыл, хотя и предпринял его в середине дня, за исключением того, что последовал за большим отрядом кавалерии, приведенным справа от него, кавалерией под командованием графа Аксбриджа.

Это дало лорду Аксбриджу возможность атаковать их 1-м лейб-гвардейским полком после их *выхода* из деревни Женаппе, после чего его светлость заявил, что он вполне доволен этим полком.

Позиция, которую я занял перед Ватерлоо, пересекала главные дороги, ведущие из Шарлеруа и Нивеля, и была справа отброшена к оврагу близ Мерк-Брейн, который был занят, а слева

простиралась до высоты над деревушкой Тер-ла-Хей, которая была также занята. Перед правым центром и недалеко от дороги на Нивель мы заняли дом и сады Угумона, которые прикрывали ответный фланг; а перед левым центром мы заняли ферму Ла-Э-Сент. Слева от нас мы связались с маршалом принцем Блюхером в Вавре через Охена; и маршал пообещал мне, что в случае нападения на нас он поддержит меня одним или несколькими корпусами, если это будет необходимо.

Противник собрал свою армию, за исключением 3-го корпуса, который был направлен для наблюдения за маршалом Блюхером, на ряде высот на нашем фронте в течение ночи 17-го и вчерашнего утра, и около 10 часов он начал яростную атаку на наш пост в Угумоне. Я занимал этот пост с отрядом из гвардейской бригады генерала Бинга, который находился в тылу армии; и некоторое время им командовал лейтенант. Полковника Макдонелла, а затем полковника Хоума; и я рад добавить, что эти храбрые войска с величайшей доблестью удерживали его в течение всего дня, несмотря на неоднократные попытки крупных частей противника овладеть им. Эта атака справа от нашего центра сопровождалась очень сильной канонадой по всей нашей линии, которая должна была поддерживать повторяющиеся атаки кавалерии и пехоты, иногда смешанные, а иногда и отдельные, которые предпринимались против нее. В одном из них враг захватил фермерский дом Ла-Э-Сент, поскольку занимавший его отряд легкого батальона Немецкого легиона израсходовал все свои боеприпасы; и враг занял единственное сообщение, которое там было с ними.

Противник неоднократно атаковал нашу пехоту своей кавалерией, но эти атаки неизменно оказывались безуспешными; и они давали возможность нашей кавалерии перейти в атаку, в одной из которых бригада лорда Э. Сомерсета, состоящая из лейб-гвардии, Королевской конной гвардии и 1-го гвардейского драгунского полка, высоко отличилась, как и бригада генерал-майора сэра У. Понсонби, взяв много пленных и орла.

Эти атаки повторялись примерно до 7 часов вечера, когда противник предпринял отчаянную попытку кавалерией и пехотой, поддержанную огнем артиллерии, потеснить наш левый центр у фермы Ла-Э-Сент, которая после ожесточенного боя была разбита; и, заметив, что войска отступили от этой атаки в большом замешательстве и что марш корпуса генерала Бюлова со стороны Фришермона на Планшенуа и Ла-Бель-Альянс начал действовать, и, насколько я мог судить по огню его пушек, и по тому, как маршал принц Блюхер присоединился к нам. лично с корпусом своей армии слева от нашей линии у Охайна я решил атаковать противника и немедленно выдвинул вперед всю линию пехоты при поддержке кавалерии и артиллерии. Атака увенчалась успехом во всех пунктах: противник был вытеснен со своей позиции на высотах и бежал в крайнем замешательстве, оставив позади себя, насколько я мог судить, 150 орудий с боеприпасами, которые попали в наши руки.

Я продолжал преследование еще долго после наступления темноты, а затем прекратил его только из-за усталости наших войск, которые вели бой в течение 12 часов, и потому, что я оказался на одной дороге с маршалом Блюхером, который заверил меня в своем намерении преследовать врага всю ночь. Сегодня утром он прислал мне сообщение, что захватил 60 пушек, принадлежащих Императорской гвардии, и несколько экипажей, багаж и т.д., принадлежащих Бонапарте, в Генаппе.

Я предлагаю сегодня утром двинуться на Нивель и не прекращать своих операций.

Ваша светлость, вероятно, заметит, что с таким отчаянным действием нельзя было бороться и таких преимуществ нельзя было добиться без больших потерь; и я с сожалением должен добавить, что наши потери были огромными. Вместо этого. Генерал сэр Т. Пиктон, Его Величество понес потерю офицера, который часто отличался на службе; и он славно пал, поведя свою дивизию в штыковую атаку, благодаря чему была отбита одна из самых серьезных атак противника на наши позиции. Граф Аксбридж, успешно переживший этот трудный день, получил ранение почти последним выстрелом, что, боюсь, на некоторое время лишит Его Величество его услуг.

Его Превосходительство принц Оранский отличался своей храбростью и поведением, пока не получил ранение мушкетной пулей в плечо, которое вынудило его покинуть поле боя.

Мне доставляет величайшее удовлетворение заверить вашу светлость, что армия никогда и ни при каких обстоятельствах не вела себя лучше. Гвардейская дивизия под командованием лейтенанта. Генерал Кук, который тяжело ранен, генерал-майор Мейтленд и генерал-майор Бинг подали пример, которому последовали все; и нет ни одного офицера или описания войск, которые вели бы себя плохо. Однако я должен особо отметить, с одобрения Его Королевского Высочества, лейтенанта. - Генерал сэр Х. Клинтон, генерал-майор Адам, лейтенант. - Генерал К. Барон Альтен (тяжело ранен), генерал-майор сэр К. Хэлкетт (тяжело ранен), полковник Омштеда, полковник Митчелл (командующий бригадой 4-й дивизии), генерал-майоры сэр Дж. Кемпт и сэр Д. Пак, генерал-майор Ламберт, генерал-майор лорд Э. Сомерсет, генерал-майор сэр У. Понсонби, генерал-майор сэр К. Грант и генерал-майор сэр Х. Вивиан, генерал-майор сэр Дж. О. Венделер и генерал-майор граф Дорнберг. Я также в особом долгу перед генералом лордом Хиллом за его помощь и поведение в этом деле, как и во всех предыдущих случаях. Артиллерийским и инженерным подразделениями, к моему большому удовлетворению, руководили полковник сэр Г. Вуд и полковник Смит; и у меня были все основания быть довольным поведением генерал-адъютанта, генерал-майора Барнса, который был ранен, и генерал-квартирмейстера, полковника Де Ланси, который был убит пушечным выстрелом в разгар боя. Этот офицер - серьезная потеря для службы Его Величества и для меня в данный момент.

Я также был в большом долгу перед лейтенантом. - Полковник лорд Фицрой Сомерсет, который был тяжело ранен, и офицеры из моего личного штаба, которые серьезно пострадали в этом бою. Лейтенант. - Достопочтенный полковник. Сэр А. Гордон, скончавшийся от полученных ран, был самым многообещающим офицером и является серьезной потерей для службы Его Величества.

Генерал Крюсе из нассауской службы также вел себя, к моему большому удовлетворению, как и генерал Трип, командующий тяжелой кавалерийской бригадой, и генерал Ванхоуп, командующий пехотной бригадой на службе короля Нидерландов.

Генерал Поццо ди Борго, генерал барон Винсент, генерал Маффлинг и генерал Алава были на поле боя во время сражения и оказали мне всю возможную помощь. Барон Винсент ранен, но, надеюсь, не серьезно, а генерал Поццо ди Борго получил контузию.

Я не отдал бы должное своим собственным чувствам или маршалу Блюхеру и прусской армии, если бы не приписал успешный исход этого трудного дня сердечной и своевременной помощи, которую я получил от них. Операция генерала Бюлова на фланге противника была самой

решающей; и даже если бы я не оказался в ситуации для проведения атаки, которая привела бы к окончательному результату, это вынудило бы противника отступить, если бы его атаки потерпели неудачу, и помешало бы ему воспользоваться ими, если бы они, к несчастью, увенчались успехом.

С момента написания вышеизложенного я получил сообщение о том, что генерал-майор сэр У. Понсонби убит; и, сообщая эту информацию вашей светлости, я должен выразить свою скорбь по поводу судьбы офицера, который уже оказал очень блестящие и важные услуги и был украшением своей профессии.

Я посылаю с этим донесением трех орлов, захваченных войсками в этой операции, которых майор Перси будет иметь честь возложить к ногам Его Королевского Высочества. Я прошу разрешения рекомендовать его под покровительство вашей светлости.

Возвращение убитых, раненых и пропавших без вести британской и ганноверской армий под командованием фельдмаршала герцога Веллингтона К.Г. в битве при Катр-Бра 16 июня 1815 года.

	Офицеры.	Сержанты .	Рядовой и состав.	Общие потери офицеров , унтер-офицеров и рядового состава.	Британск ий.	Ганновер цы.	Лошади.
Убито	29	19	302	350	316	34	19
Ранено	126	111	2143	2380	2156	224	14
Пропавш их без вести	4	6	171	181	32	149	1

При отступлении из Катр-Бра к Ватерлоо 17 июня 1815 года.

	Офицеры.	Сержанты .	Рядовой и состав.	Общие потери офицеров , унтер-офицеров и рядового состава.	Британск ий.	Ганновер цы.	Лошади.
Убито	1	1	33	35	26	9	45
Ранено	7	13	112	132	52	80	20

Пропавш ихбезвест и	4	3	64	71	30	32	33
---------------------------	---	---	----	----	----	----	----

В битве при Ватерлоо 18 июня 1815 года.

	Офицеры.	Сержанты	Рядовой и состав.	Общие потери офицеров , унтер- офицеров и рядового состава.	Британск ий.	Ганновер цы.	Лошади.
Убито	116	109	1,822	2,047	1,759	288	1,495
Ранено	504	364	6,148	7,016	5,892	1,124	891
Пропавш ий без вести	20	29	1,574	1,623	807	816	773

Убит. Ранен. Пропал без вести.

Всего 2,432 9,528 1,875

Большинство вернувшихся без вести мужчин ушли в тыл с ранеными офицерами и солдатами, а затем присоединились к ним. Предполагается, что офицеры убиты.

BILLING And SONS, LTD., ТИПОГРАФИЯ, ГИЛФОРД

СНОСКИ:

[1] Пробел в MS.

[2] Лорд Гренвилл.

[3] Мистер Каннинг, по-видимому, особенно ссылается на курс мистера Шеридана во время Мятежа Нор.

[4] Против характера этого джентльмена не ставится в вину предположение о том, что он является диссидентом англиканской церкви; замечание такого рода, действительно, было бы нелиберальным, чтобы подразумевать какой-либо упрек; но когда панегирик исходит от партии, вполне естественно можно заподозрить некоторую пристрастность.

[5] С уважением к битве при Ульме.

[6] Похороны Нельсона 7 января 1806 года в соборе Святого Павла.

- [7] Сейчас он обычно находится рядом с люком шканцев.
- [8] Весь меморандум находится в книге Джеймса, iv, 23-25 (ред. 1837 г.).
- [9] Эта администрация получила название “Все таланты”.
- [10] Впоследствии епископ Винчестерский.
- [11] Это письмо настолько небрежно составлено и сформулировано, что, вероятно, оно взято с черновой копии.
- [12] Это письмо было составлено Шериданом. См. "Жизнь Мура", том ii, стр. 20.
- [13] Теперь лорд Комбермир. Он командовал британской кавалерией в Испании в 1809, 1810, 1811 и 1812 годах.
- [14] Сэр Стэплтон был назначен К.Б.
- [15] Из выступлений МИСС (сборник).
- [16] Продвижение колонны под командованием сэра Т. Грэхема было настолько эффективно прикрыто полковником Лонгой, что противник не знал о присутствии каких-либо британских войск в этом направлении.
- [17] По Венскому мирному договору Бельгия отошла к Королевству Голландия.—J. H. R.
- [18] Ожеро командовал армией, действовавшей близ Лиона, но она уступала австрийской.—J. H. R.
- [19] Грубое преувеличение. Наполеон, вероятно, имел в виду капитуляцию Блюхера под Любеком в ноябре 1806 года и его поражение при Вошане в феврале 1814 года.—Дж. Х. Р.
- [20] Ссылается на Мурата.
- [21] Заменитель. Полковник почтенный А. Гордон был отправлен в сопровождении эскадрона 10-го гусарского полка для связи с прусским штабом, поскольку для сотрудничества с британской армией было приказано отойти на позиции перед Ватерлоо.
-